Капка Кассабова

она одинаково блистательна и в танце, и в прозе

ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ ЛЮБВИ

танго–роман

АНФ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Почему люди готовы отдать последние деньги за урок танго у прославленного маэстро, почему они бросают все и едут в Буэнос-Айрес. Как в XX веке тангомания охватила весь земной шар. У каждого страдающего тангоманией своя история болезни. Тангизм Капки Кассабовой, замешанный на славянской меланхолии и приправленный балканским фатализмом, определил важный кусок жизни писательницы и вылился в увлекательный автобиографический танго-роман.

- Капка Кассабова
  - Краткий словарь танго-терминов
  - Прелюдия к циклу ночи
  - Первая танда
    - Первая минута
    - Вторая минута
    - Третья минута
  - Вторая танда
    - Четвертая минута
    - Пятая минута
    - Шестая минута
  - Третья танда
    - Седьмая минута
    - Восьмая минута
    - Девятая минута
  - Четвертая танда
    - Десятая минута
    - Одиннадцатая минута
    - Двенадцатая минута
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

○ 12

Капка Кассабова
Двенадцать минут любви

Посвящается всем любителям танго, моим друзьям по большой деревне под названием Земной шар, где каждый танцует на свой лад, делая наш мир лучше

Человек жаждет вечности, но может получить лишь ее эрзац: мгновение экстаза.

Милан Кундера

Краткий словарь танго-терминов

В этой книге повествуется об *аргентинском танго*, которое с точки зрения хронологии считается предтечей. Лично я думаю, что только оно и есть танго.

Вечеринка, где танцуют танго, — *милонга.*

Сет из трех-четырех композиций в одном стиле — *танда*. Танда обычно исполняется без смены партнеров и в среднем длится двенадцать минут.

Кортина[1] представляет собой перерыв или антракт между тандами.

Каждая глава книги названа строкой из танго-песни.

Портеньо — слово относится ко всему, что связано с Буэнос-Айресом, в том числе к людям.

Тангоголики, имейте в виду: перед вами история людей в мире танго, а не танцевальный мануал или путеводитель по милонгам. Техника движений и программы милонг описаны упрощенно, чтобы не утомлять «нормальных» читателей.

Прелюдия к циклу ночи

Все латиноамериканские танцы, да и любые парные танцы мира на протяжении веков были способом телесного выражения радости и счастья. Танцующие веселы, расслаблены, открыты миру, беззаботны и жизнерадостны. Двигаясь в такт с ними, хочется улыбаться и забыть о невзгодах.

Но танго — совсем другое дело. Танго не уводит от тревог, а *вовлекает* в процесс их переживания. Это одно огромное печальное событие, сопровождающееся непрерывным музыкальным аккомпанементом. Танго напоминает: даже если сейчас у вас нет проблем — любовных, финансовых, экзистенциальных, — будьте уверены, рано или поздно они обязательно появятся. Впрочем, есть и плюс: переживания будоражат. Вы хотите быть участником действа — а там будь что будет.

Так что же такое танго?

Нечто интровертное, погруженное в себя, требующее собранности и контроля над телом, музыкально сложное и эмоционально непостижимое. То, что дарит вам возможность прочувствовать практически все испытания, которые могут встретиться человеку на его жизненном пути:

Танго поет о быстротечности времени и руинах, которые оставляет за собой.

Напоминает о доме, разбитом сердце, городе, пьяных ночах и о маме.

Размышляет о катастрофах прошлого и предвосхищает грядущие беды.

Раскрывает тайну жизни лучше, чем любая поэма или философский трактат.

Возможна ли счастливая любовь в танго? Да! Только та, что уже давно в прошлом. Если я и преувеличиваю, то совсем чуть-чуть.

Танго рождает жар в теле, желание в сердце, картины городов в вашем воображении и уголок в вашей душе, который вы можете назвать домом, если все остальное летит в тартарары. Что так или иначе неизбежно. Прежде всего танго — это воплощение *реальности.*

Оно превращает ярость в музыку, говорил великий аргентинский писатель Борхес.

Это печальная мысль, которую можно станцевать, — сформулировал его соотечественник, поэт Дисцеполо.

Это вертикальное выражение горизонтального желания —

слова неизвестного танцора, ставшие крылатыми.

А теперь позвольте мне не ходить вокруг да около и сказать главное: танго — это соитие секса и смерти. Вот почему оно оказывает на нас столь магическое действие. Чарует, гипнотизирует, а затем заглатывает целиком, как удав кролика.

Люди пропадают в мире этих звуков на долгие годы, а бывает, что и на всю жизнь. Так случилось и со мной, но все же я вернулась назад, в обычную реальность, чтобы поведать о том, что знаю.

Основные факты общеизвестны: танго зародилось в XIX веке, в Рио-де-ла-Плата, на границе Аргентины и Уругвая, на стыке Старого и Нового миров, став вскоре международным городским танцем. В наши дни танец исполняется во всех уголках мира — от Шотландии до Новой Зеландии, от Эквадора до Болгарии.

В 2009 году ЮНЕСКО объявило танго объектом культурного наследия. В книге я попыталась описать феномен и объяснить, почему в XXI веке десятки тысяч людей по всему миру оказались неизлечимо больны этой страстью.

Я одна из них, и для меня главное в жизни так или иначе связано с танго. Моя история подлинная и отражает историю самого танго, где ты одной ногой в реальности, а другой — в иллюзии; в чем-то победитель, в чем-то проигравший; где часть тебя наслаждается, а часть умирает.

В своем рассказе я честна во всем: и в хорошем, и в плохом, и в нелепом. Моей целью не было разоблачить или высмеять кого-то, разве что себя. Тем не менее в целях конфиденциальности многие имена в книге изменены, некоторые люди не упомянуты, события и персонажи обобщены и сглажены. Взгляд на реальность, а уж тем более на чью-то версию, порой дается тяжело, подобно тому как трудно смотреть в упор на солнце.

И, кстати, в мире танго солнце восходит в полночь.

Первая танда
Ноги
В поисках аутентичного танго

Первая минута
Просто танго
Урок: Очарование

В один хмурый вечер кануна нынешнего тысячелетия я прогуливалась по пустынным улочкам на краю света и забрела в безлюдный бар Fuego с черными стенами и золоченым зеркалом в стиле рококо. В центре слабо освещенного зала стояли мужчина и женщина.

Внезапно аккордеон затянул минорную мелодию, они резко обнялись, их руки и ноги дернулись, будто они тонули, что конечно, неправда, скорее наоборот, — они воспарили, лица их озарило сияние, как у Свидетелей Иеговы после общения с Богом.

Я присела на бархатный стул и стала наблюдать. Не знаю, было ли это предчувствие грядущего или дежавю, но картина перед глазами казалась хорошо знакомой.

Пот склеил половинки их лиц, пышный бюст женщины идеально «впечатался» во впалую грудь партнера. Глаза ее были прикрыты. Они танцевали как в последний раз. И не мне или какой-то невидимой публике посвящалось это таинство. Оно принадлежало только им самим, прожившим за несколько минут целую жизнь.

Тогда мне еще было невдомек, что все это выглядело, как главное событие в их жизни оттого, что так оно и было. Внезапно обнаружилось, что я не единственный соглядатай, — из-за барной стойки наблюдали пожилые муж и жена, такие миниатюрные, что я их сразу и не заметила. Немного растрепанный вид эмигрантов из дальних стран. Типа «куда-же-меня-занесло».

— Что это? — спросила я их.

— Танго, — ответил мужчина.

— Аргентинское танго, — уточнила женщина. Она протирала бокалы.

— Ну, некоторые считают, что танго родом из Уругвая.

— А мы из Чили.

— Но мы тоже танцуем, знаете ли.

— Когда никто не смотрит, — застенчиво улыбнулась дама.

Вот и все. Я обратилась в новую веру. Милые чилийцы вскоре разорились, но тот вечер изменил мою жизнь. Последующие десять лет я буду дышать танго, мечтать о нем, любить и ненавидеть. Я протанцую тысячу и одну ночь — затем брошу в одночасье и начну вновь. Танго повлияет на все: на личную жизнь, круг общения, место жительства, на манеру двигаться и

спать — причем не всегда во благо.

Мне предстоит исколесить весь мир в поисках настоящего танго, я от первого лица проживу его вечную историю: историю изгнания и желания, танцев на небесах и в аду.

Да, я познаю танго во всем многообразии его внешних проявлений и глубинной природы. Танец даст мне все, о чем я мечтала тем вечером накануне нового тысячелетия и чего у меня тогда не было: дружбу, любовь, красоту, смысл, приключения, наслаждение, дом. Потом отберет все и разобьет мне сердце. А затем снова исцелит и одарит, правда уже совсем по-другому. Я попытаюсь бросить и не смогу, потому что невозможно отказаться от тех миров, которые открываются в тебе, когда ты танцуешь. Танго — как героин: меняет тебя на уровне обмена веществ.

Говоря о себе в единственном числе, я отчасти лукавлю: ведь помните, что чаще всего говорят о танго? Что это «дело двоих». Вопрос в том, как именно двое должны сочетаться и сколько тысяч пар встретятся, пока ты не найдешь «того, своего». Того, с кем можно чувствовать себя так, как те двое в пустом баре Fuego. Или может, они мне лишь привиделись?

Я точно помню, как, сидя в том баре, молилась неизвестному богу танго, молилась, хотя и не знала, существует ли он. Я просила его, чтобы увиденное не оказалось просто фантазией, а если и так, то пусть мне позволят стать ее частью. Позже станет ясно, что он услышал меня, но оказался хитрым и непостоянным типом.

И в тот вечер, и сейчас, когда вы читаете книгу, сотни пар по всему миру сходятся в невидимом танце. Они творят танго; до рассвета — в южном полушарии, и в долгих сумерках северного. И есть короткий миг между временем солнца и луны, когда все на планете танцуют одновременно.

Подобно подсознанию, танго невидимо для нас, но оно не дремлет.

А не видите вы его только потому, что не знаете, куда смотреть. Вы пока еще не стали частью мира посвященных и не прожили свои двенадцать минут. Но это пока.

Танго — своего рода масонский клуб в мире танцев. Вступив в него, вы узнаете о вожделенном секретном жесте. Это *кабесео* — едва заметный кивок головы, приглашение на танец, знак, что вы замечены.

Кто? Я?

Вторая минута
Варварское танго
Урок: Одержимость

— Да, ты. Я больше никого здесь не вижу.

Меня приглашали на танец. Только это был не кивок, а протянутая рука.

— Не умею, — выдохнула я и вжалась в спинку стула.

— Все умеют танцевать, — заверил меня мужчина. Мясистый нос, усталая улыбка. Его звали Джефф, и он работал IT-консультантом. Недалеко от меня за стойкой выпивала его партнерша, она была замужем за другим, но тогда не спешила сообщить мне об этом. Миловидная девушка с лоснящимся от пота и потекшего макияжа лицом, одетая во все черное, включая чулки и туфли на высоких каблуках.

— Он прекрасно ведет, — сказала девушка. — Даже новичок может двигаться с хорошим партнером.

— Но я вообще не умею.

— Давай просто попробуем, — мужчина не собирался отступать. — Нам не хватает дам.

Нам? Возможно, речь шла о некоем подпольном Клубе любителей танго Окленда — города, который вымирал после окончания рабочего дня.

— Как ты узнала об этом месте?

— Ну, мой друг Джеймс предложил встретиться здесь сегодня, а сам не пришел.

Джеймс был моим единственным приятелем в Окленде, где я жила уже год.

— Давай, пока другие не приехали, — Джефф снова протянул мне руку и помог подняться со стула. — Кто знает, может, тебе понравится.

Почему бы и нет? Меня так давно ничто не радовало. Ну споткнусь и упаду, вызвав смех чилийских хозяев и партнерши Джеффа. В конце концов, не смертельно.

Не успев ничего толком понять, я уже танцевала свое первое танго. Хорошо-хорошо, *«танцевала»* не совсем верное слово: я повисла на шее Джеффа, а мое тело двигалось, как ожившая тряпичная кукла.

В памяти всплыла знаменитая сцена из фильма «Запах женщины», когда девушка закружилась в «спонтанном» танго со слепым героем Аль Пачино, убеждавшим своим хриплым голосом, что здесь «не бывает ошибок, не то, что в жизни». Как же мне

хотелось ему верить. И смотреться так же эффектно, как его визави. В конце концов, от меня даже не требовалось глупо откидывать назад голову.

(*Пауза*. В аргентинском танго голову не запрокидывают, только в бальном. И еще: невозможно, танцуя в первый раз, хорошо выглядеть и двигаться.)

— Просто расслабься и следуй за мной, — прошептал мне на ухо Джефф. Наши лица оказались совсем рядом, что немного смущало, хотя и не так, как близость наших тел. Впервые за довольно долгое время я ощущала жар мужского тела.

— Не думай о ногах, предоставь все мне. И не смотри вниз.

Конечно, говорить легко. Я продолжала цепляться за него и наступать ему на ноги. Не могу припомнить, попадали ли мы в такт. Проникновенно играл аккордеон, которому вторил низкий голос скрипки; звучала просто мелодия, без ритмического сопровождения. Она была наполнена того рода меланхолией, которая в нормальной жизни оставляет ощущение комка в горле и экзистенциальной тоски. Но тот вечер был во всех смыслах необычный. Я — *мы* — вдруг почувствовали себя естественно, начали двигаться в такт и перестали смущаться, ибо танец — единственно верная реакция на подобную музыку. Меланхолические ноты не угнетали меня, а оживляли, подобно тому как дождь орошает иссушенную землю.

Под конец на моем лице блуждала мечтательная улыбка, а может ухмылка одурманенного человека. Я не упала, никто надо мной не смеялся, я даже не заметила вновь прибывших. Собственно, это был всего лишь мой приятель Джеймс, но он и один умел заполнить собой все пространство.

— Капка! — воскликнул он с заговорщическим видом. — Я знал, что в танго ты будешь как рыба в воде. Джефф, у нас появился новобранец.

— Тем более что она уже пообещала, — ухмыльнулся тот.

Джеймс пригласил меня на следующий танец — боже правый, я уже популярна! До того как снова ступить на танцпол, я улучила минутку и спросила Джеффа, что мы исполняли. «Пьяццоллу», — ответил он. Я предположила, что так называется композиция, по крайней мере незнакомое слово звучало как что-то изящное, опасное и связанное с инструментом, которым, как мне показалось, был аккордеон.

В течение следующего года я делала массу разных предположений, а это всегда глупо, особенно в столь непредсказуемых делах, как парные танцы. Как оказалось, Пьяццолла — не мелодия, а человек, писавший изумительные, неистовые оркестровые партитуры. Астор Пьяццолла откопал

танго, томящееся в пыльных закоулках «прекрасной эпохи»[2], и перенес его на музыкальную авансцену конца XX века.

Также выяснилось, что ключевой инструмент для музыки танго, король уличного ретро — бандонеон, по сравнению с которым аккордеон звучит, как веселый деревенский дурачок. Бандонеон же — как черный бархат или как коктейль из шампанского и портера. Играть на нем безумно трудно, но в руках мастера он рождает звуки, соединяющие в себе высокое искусство и низменные страсти. Это король уличного ретро, а Пьяццолла со своим дьявольским бандонеоном стал «крестным отцом» современного танго. В начале своего пути я была слишком занята оттачиванием техники, и мне и в голову не приходило поинтересоваться, а можно и *нужно* ли танцевать под его музыку.

А в тот вечер я исполнила еще пару «Пьяццолл» с Джеймсом, чей залихватский стиль вызвал у меня ассоциации с жизнерадостным трактором, пропахивающим танцпол. Темп музыки нарастал, и когда мы «врезались» в грандиозный финал «Либертанго», чилийцы за стойкой бара выглядели слегка обеспокоенными.

Затем мой партнер принялся объяснять неоднократно повторяемое движение: каждый раз, как только его рука настойчиво давила на талию, я делала шаг назад.

— Это *очо* назад. Очо — самая распространенная фигура в танго. В переводе с испанского «восемь», потому что твои ноги как будто вырисовывают невидимую восьмерку.

Я чувствовала себя спотыкающейся лошадью, а не художником на полу, но подобное объяснение, мне понравилось. Еще существует очо вперед. Выполняя его, вы шагаете вперед, а партнер, соответственно, назад, чтобы освободить вам место. Правда, в танце с Джеймсом он сам тащил меня вперед. Но разве не в этом суть танго? Напор, волшебство и опасность!

(*Пауза:* Если партнер заставляет вас чувствовать себя коровой на льду — это его вина, а не ваша, пусть даже вы ничего не умеете. Но в данном случае мы оба были новичками, поэтому не нужно нас судить строго.)

Я спросила Джеймса о названии грустной мелодии, под которую мы пытались двигаться. Años de soledad («Годы одиночества»). Кто бы сомневался! Прекрасный саундтрек для моей жизни!

Годы моего одиночества начались в 1990-е, когда я подростком внезапно очутилась в Новой Зеландии. Наша семья переехала из Болгарии, точнее сказать, ее подхватил бешеный поток эмигрантов, хлынувший из Восточной Европы в разные

части света после падения Берлинской стены. Отчаяние, посткоммунистический мир и полученное моим отцом предложение научной работы в университете — вот некоторые из множества причин, по которым в итоге мы (двое взрослых, двое подростков и пианино) прибыли сюда, на край света.

Время шло, и вот, став в 26 лет обитательницей маленькой съемной квартирки в пригороде, с гостиничными занавесками и покрытыми плесенью углами, я коротала дни за написанием заказанного мне путеводителя по Индии, которую недавно посетила в надежде обрести себя. Почему люди рассчитывают познать себя именно в Индии? Там уже столько таких страждущих… Вместо того чтобы найти, я чуть не потеряла себя окончательно, заодно со своим тающим весом — из-за кишечных паразитов и культурного шока. Спустя два месяца я вернулась в Окленд, больная, потерянная, разбитая и вдобавок безработная.

Но самыми сложными на тот момент оказались мои проблемы с «реальностью»: какой в ней смысл, если не делаешь что-то *интересное*? Именно поэтому после окончания университета я целыми днями писала, а в результате — пара книг, нерегулярный доход и отсутствие шансов на нормальное трудоустройство. Жила я более уединенно, чем монах-отшельник в горах, хотя обитала в пригороде на берегу Тихого океана, где над бескрайними и пустынными, как океан, пляжами, распростиралось огромное небо, а вокруг были дружелюбные и загорелые люди с характерным новозеландским говором. Здесь, под спокойным новозеландским солнцем, царил карнавал красок: зеленые вулканические холмы, голубой океан, пронизанный тысячами белоснежных парусов. Именно в тот год Город моряков принимал у себя регату Кубка Америки, да и вообще это был дом для великих спортивных чемпионов. Райское место для тех, кто увлекается яхтенным спортом, регби, твердо стоит на ногах и владеет собственным домом и садом.

Я не подходила под такое описание, застряв где-то между двумя мирами, уже не принадлежа Восточной Европе, но еще не став своей в «стране киви». Может быть, именно это Джеймс имел в виду, говоря о танго как части меня. Ибо других частей, из которых могла бы сложиться моя личность, я здесь не находила.

— У меня такое чувство, будто я на краю Земли и весь остальной мир — лишь иллюзия. Будто жизнь идет мимо, а все важное происходит далеко отсюда.

— Нет, — обрывает меня Джеймс. — Важные вещи происходят вокруг тебя. Идея, что хорошо там, где нас нет, — иллюзия. Жизнь именно там, где ты находишься. Твоя беда, Капка, в том, что ты страдаешь СХЖ: синдромом хронического

желания. Славянская меланхолия, хорошенько приправленная балканским фатализмом, плюс богатый внутренний мир: в результате ты — как чеховские три сестры. Образно выражаясь, все время грезишь о поездке в Москву.

Он прав. Еще со времен отрочества я всегда жаждала оказаться *где-нибудь в другом месте*. Но разве не все подростки мечтают об этом? Только большинство из них перерастает подобные желания. У меня же, наоборот, с годами «синдром» лишь усугублялся, чему в огромной мере способствовала эмиграция. Живя в пригороде Окленда, я еще сильнее грезила о чем-то новом. Я искала что-то, неважно что, лишь бы оно дало мне возможность почувствовать себя «своей». Интересно, если бы в тот вечер в баре Fuego собирались любители вязания или танца живота, присоединилась бы я к ним? Да. А если бы это был сатанинский обряд? Снова да, черт подери.

Но это было танго. Как идеально оно подошло, ведь этот танец придумали такие как я и для таких как я. У каждого, страдающего *тангоманией*, своя история болезни.

Вы зашли в бар и заметили мужчину и женщину, чьи тела сплелись под плач скрипки. Эту пару мы уже встречали.

Или заглянули в танцевальный класс, и друг сказал, что вон там реальная красотка/красавчик. И вы стали ходить на занятия, потому что влюбились… но не в нее/в него. В танго.

Или, прогуливаясь по улице, вы услышали звуки «Кумпарситы». Заглянули, оказались в зале, заполненном мужчинами и женщинами, вытворяющими ногами занятные фигуры, и безумно захотелось оказаться среди них.

Или записались на курс латиноамериканских танцев. Ча-ча-ча — интересно, но не цепляет. Ламбада заводит, но для дурачков. Сальса — забавно, но все равно не ваше. И вдруг, бог мой, — оно! Танго дарит возможность прочувствовать то, чего не могут другие.

Или приятель взял за компанию на шоу под названием «Танго страсти», или «Танго аргентино», или «Тангера», и вас зацепило.

Или, побывав на концерте Пьяццоллы, вы поняли, что хотите переживать подобные эмоции снова и снова; набрали в Интернете «Танго Пьяццоллы», и перед вами открылся новый мир.

Или посмотрели фильм «Эвита», где герои Мадонны и Антонио Бандераса танцевали на пределе своих возможностей. И этого оказалось достаточно, чтобы вам тоже захотелось.

Или вы увидели «Урок танго», и вас, подобно Салли Поттер, захлестнуло желание побывать в заснеженном Париже, закружиться там в танце с темпераментным мужчиной и шептать ему: «Я — это ты, ты — это я».

Или, может, в детстве увидели, как ваши бабушка и дедушка танцуют под звуки радио, и в голове навсегда остался образ, написанный выцветшими чернилами ностальгии.

Что бы ни послужило причиной, финал очевиден — вы окажетесь в танцевальной студии.

В Окленде было две школы танго, и на следующий день после знаменательного события в баре я записалась в обе. Тогда еще я ничего не знала о брутальном, остром, пугающем…

… Ганчо!

Ганчо, так называемый «крючок», острое, молниеносное вмешательство в ее/его пространство. Подобное движение может совершаться как одним партнером, так и одновременно двумя, но со вторым случаем, пожалуй, повременим и остановимся на первом. Итак, женщина заводит ногу под выставленную ногу партнера, сгибая ее в колене. Их тела как будто разветвляются одно из другого, они соприкасаются боками, их ноги на секунду сцепляются. Затем она убирает свою ногу, и все заканчивается. Или нет?

Точно не в танцклассе Дэна Грина, который преподает аргентинское танго с 1989 года и чей лозунг гласит: «Мы научим вас с первого раза!» Здесь, в его центральной городской студии, по стенам которой развешаны гигантские зеркала, ганчо завладевает умами точно с первого раза.

— И… ганчо! И… ганчо! — бодро выкрикивает Дэн и крутит партнершу, выставляя попеременно ту одну, то другую ногу, снова и снова, до тех пор, пока весь мир не сужается до женской ноги, бесконечно «ловящей на крючок» мужскую.

— И ганчо! И ганчо!

Дэн — загорелый до черноты и очень милый. Его жена Мэл выше него, а я выше своего партнера Гевина с бритой головой, гангстерским перстнем на пальце и улыбкой хоббита:

— Давай, Капка, — говорит Гевин, — покажи мне ганчо. Я готов.

Он сгибает свои короткие ножки, но я опасаюсь промахнуться и ударить его в пах. Паховая зона расположена совсем рядом с бедром, которое, в свою очередь, недалеко от колена, куда, собственно, женщине и нужно завести ногу. А угодить партнеру в пах еще страшнее, чем упасть лицом вниз. Но Гевин ведет уверенно, и мне удается не промахнуться. Не всем так везет. Отовсюду раздаются смешки, стоны и вздохи: люди самого разного возраста, размера и уровня закомплексованности машут ногами, то сцепляя, то расцепляя их. Со стороны, наверное, может показаться, что в пропитанной потом студии с зеркальными

стенами около дюжины человек тренируют какое-то странное футбольное движение, но без мяча.

— Смена партнеров! — раздается команда — брачный зов танго. И, распутав узлы, в которые сплетены наши ноги, мы выбираем себе следующую потную жертву.

Итог часа двойных ганчо: ничье из мужских достоинств не пострадало, женские потери — стрелки на чулках, и все мы очень даже довольны собой. Со своими двойными ганчо мы выглядим почти как профи. Профи *в чем* — неплохо бы нам поинтересоваться, но времени для самоанализа не остается. В студии Дэна Грина события сменяются очень быстро, ведь ученикам предстоит научиться танцевать всего за шесть недель. Но сегодня мы уяснили точно: ганчо — стопроцентно танговый шаг, то есть даже если вы не умеете танцевать, уверенный «крюк» поможет вам выглядеть так, как будто умеете.

— На следующей неделе нас ждет *«сэндвич»,* — объявляет Дэн и включает видео с выступлением аргентинских танцоров. Новички жадно глотают воду из бутылочек и изумленно смотрят на экран: «Разве сможем мы достичь подобной виртуозности?» Сложное для нас ганчо — самое простое из того, что делают эти танцоры. Женщина совершает прыжки, несовместимые с законами гравитации, мужчина с легкостью поднимает ее; ноги их вытворяют нечто невообразимое, в том числе и шпагаты.

— Вы только поглядите! — сверкает золотым зубом Гевин. — Как насчет шпагата, дамы?

Для него танго — забава. Но на лицах наиболее нервных из нас — явные признаки паники. Мы все хотим походить на эту пару. Я хочу, чтобы мои ноги выделывали такие же па с мужчиной, похожим на гаучо в костюме. В голове безумный шепот: «Хочу, хочу, хочу!»

А потом приходит время моей первой *милонги.* (*Пауза.* У слова «милонга» два значения: во-первых, это вечеринка, на которой танцуют танго, во-вторых, — ритмичная синкопированная кузина танго. В данном случае речь идет о вечеринке.)

За окном ночь, в классе — полумрак и интимная атмосфера. В углу длинный стол, заставленный прохладительными напитками и закусками, на экране невыносимо элегантные люди исполняют немыслимые и замысловатые движения, словно сюрреалистичная сороконожка. Я же делаю ганчо с Джеймсом. Ганчо, ганчо, а что это такое? А, очо назад. Мои ноги движутся вспять по неопределенной диагональной траектории, вряд ли создавая желанную «восьмерку», скорее напоминая стадо бегущих

бизонов.

Очо принято считать самым женственным шагом благодаря особому развороту бедер при шагах туда и обратно, в то время как мужчина наступает или отступает. Ее грудь обращена к нему, левая рука обнимает его за бицепс или шею, а ноги играют в свою игру. Я знать не знаю, в какую сторону смотрит моя грудь, так как толком еще не освоила очо, а основным пунктом нашего танцевального меню уже становится «сэндвич» — когда женская ступня зажата между стопами мужчины. Выполняя и его, и ганчо, азиат Макс (сменивший Джеймса) очень торопится, он в принципе слишком спешит в танце, но от него приятно пахнет, и ведет он уверенно.

Кружась с ним по залу, замечаю в зеркале очаровательную женщину на каблуках в юбке до колена. Внезапно осеняет: ведь это я! Вряд ли я раньше носила обувь на каблуке, а теперь приобрела в танцевальном магазине Ballet Bar специальные туфельки: закрытый носок, замшевая подошва и тонкий, дважды обвивающий щиколотку ремешок. Правда, передвигаться в них непросто, но они дарят ощущение взрослости и женственности.

Несмотря на сомнения в том, что мне удастся достичь акробатического мастерства, сегодня я сияю. Возможность обнимать партнера и двигаться вместе с ним в такт музыке (ну, более-менее в такт) приводит меня в восторг. Хотя, сказать по правде, мужчин где-то человек шесть, и все новички, кроме, конечно, самого Дэна, ступающего так плавно, будто пол смазали сливочным маслом. Ничего страшного, если мужчина — лысый потный коротышка. Главное, что здесь, в душном зале, за запотевшими окнами которого сияют огни города, все мы вместе.

По пути домой смотрю из окна машины: Окленд с его пустыми дорогами и бесчисленными домами выглядит красивым, но мертвым, как на открытке. Только мои стертые танцевальные туфли, лежащие на пассажирском сиденье, свидетельствуют о настоящей жизни.

На следующей неделе эти же туфельки ведут меня к конкуренту Дэна Грина — в модную школу, основанную бывшим чемпионом по фигурному катанию Тимом Шарпом. Преподает он один, без партнерши. Меня завораживают его отточенные движения и атмосфера лаборатории в студии. Словно скальпелем, он отсекает все лишнее своим взглядом. Ленивые в его школе не задерживаются. Меняя партнеров, потея и уставая на каждом занятии, ученики снова и снова отрабатывают определенный набор шагов, до тех пор, пока не начинает казаться, что в мире танцев есть один способ «выжить» — насильственно вытесняя ноги партнера, другими словами —

Сакада!

Сакаду исполняют только мужчины, по крайней мере в студии Тима Шарпа. Вы (партнер) разворачиваетесь и быстро ставите ногу туда, откуда она собирается ее убрать; складывается впечатление, что вы слегка пинаете свою женщину по голени или щиколотке, чтобы вытеснить ее ногу. Что до меня, то, отрабатывая шаг с потным неуклюжим партнером, пинок я ощущаю вполне реально. Но считаю все это неотъемлемой частью танго — боль, насилие, сопротивление, противоборство мужчины и женщины, которая остается невозмутимой несмотря ни на что.

Невозмутимое лицо, к слову, было отличительной чертой раннего танго. Посмотрите на снимки тех лет — в Европе до Первой мировой войны люди танцевали с бесстрастным и холодным выражением лица. Позднее лица ожили, но в поп-культуре прижилось пародийное клише танца с окаменелыми физиономиями. Вот почему в фильме «Последнее танго в Париже» танцующие пары похожи на манекены, а в «Индокитае» Катрин Денев с застывшим рыбьим взглядом кружится с молоденькой партнершей. И даже сейчас, в XXI веке, танго до сих пор исполняют с каменной печатью на челе.

Почему так? По неведению. Я двигаюсь в тумане счастливого неведения, меня пинают партнеры-невежды, а эндорфины, которые вырабатывают наши тела во время танго, служат своеобразной анестезией. Да и неосведомленность наша неудивительна — никто нам еще не рассказывал, откуда взялись эти телодвижения и куда они могут завести.

Но теперь-то я знаю: агрессивные, наступательные движения, такие как ганчо или сакады, придумали мужчины, плясавшие друг с другом в трущобах Буэнос-Айреса в конце XIX века. Грязные, вооруженные ножами, в пастушьих сапогах, обездоленные гаучо из пампас; вырванные из родной Европы рабочие-эмигранты; отчаянные матросы и потомки рабов. Их творение — смесь надежды, отчаяния, пота, свежеразделанного мяса и набриолиненных волос. Эти новоиспеченные аргентинцы породили нечто, отражающее их жизнь. Не танцевать же им польку и мазурку, для которых нужны женщины (а их, в отличие от коров, в том обществе было немного) и деньги (коих было еще меньше).

Вряд ли те новоиспеченные танцоры волновались из-за случайных тычков и пинков во время танго, ведь в остальное время они практиковали отчаянные выходки и поножовщину в темных переулках (в основном по поводу хорошеньких девиц). На излете века у них появились партнерши: либо проститутки, либо *compadronas* — товарки — суровые девушки из рабочего класса,

которые могли появиться на танцполе или в кафе с ножами. Никогда нельзя было знать наверняка, что произойдет. Наглый незнакомец мог прийти на милонгу, бросить вызов местному авторитету и уйти, забрав с собой его женщину, чей внешний вид не оставлял сомнения: ночью с ней не уснуть. Подобную героиню Хорхе Луис Борхес описал в своем рассказе «Мужчина из Розового кафе», классической истории кровной мести, где из-за роковой красотки незнакомца постигает печальный финал, совсем не такой, какого тот ожидал. Сам Борхес танцором не был, но очень точно показал, как в те давние дни секс и смерть сублимировались в танго.

Неудивительно, что местная буржуазия, которая только зарождалась и стремилась походить на европейскую, воспринимала новшество как воплощение похоти и, следовательно, полностью его отрицала. Богатые танцевали на расстоянии вытянутой руки друг от друга в ярких просторных залах, а первые *тангерос* теснились в тупиках портовых улочек. На этом городском Диком Западе такие шаги, как ганчо и сакада, рождались из опасности и распутства, которых так не хватало в утонченных бальных комнатах.

— На следующей неделе тройная сакада! — объявляет Тим Шарп в свойственной ему властной манере, и мы улыбаемся друг другу, исполненные гордости от победы над одиночной сакадой и слишком утомленные, чтобы спросить, почему тройной сакаде не предшествует двойная.

На деле тройная сакада — это утроенное волнение по сравнению с одиночной, и в три раза больше боли, если вы исполняете ее с таким же, как вы, новичком. Не делайте ее в первый год обучения, вот мой совет. Подобные умения пригодятся вам, если будете выступать на сцене, но не на танцполе, к чему нас, похоже, готовит Тим Шарп: мы, не освоившие еще шагов танго, уже разучиваем поразительно сложные элементы, требующие идеального равновесия, осанки, координации, умения попадать в музыку и вообще личного совершенства. Ни у кого из новичков подобных качеств нет и в помине.

Спустя несколько месяцев занятий совершенство прибывает в лице аргентинского маэстро Карлоса Риваролы, любителя потягивать *мате* из маленького кожаного калебаса через металлическую трубочку.

(*Пауза*. Мате — национальный горячий напиток Аргентины и Уругвая. Произносится: «ма-тэ», по вкусу — смесь чая с кокаином.)

Карлос гастролирует по Австралии и Японии, и вот доехал и до Новой Зеландии. Мы не могли поверить своей удаче, ведь он — один из относительно молодых тангерос, ставших легендой при жизни.

Он играет в фильме Карлоса Сауры «Танго», и я много раз пересматривала сцену, где его «банда» встречается с другой. На фоне синхронно танцующих мужчин Карлос в черной майке ведет, а Хулио Бокка, одетый во все белое, следует. Потрясающая стилизация под уличное танго тех лет: в ней суровая мужественность встречается с гомоэротичной культурой под мелодию Пьяццоллы Calambre («Электрошок»). И вот небожитель стоит перед нами, объясняя, как «пальцы рук должны схватиться за пол».

— Ног, — поправляет кто-то, и все смеются, очарованные его английским. Карлос красив смуглой и элегантной красотой и при этом обезоруживающе мил. Даже слишком. Его походка и движения завораживают меня. Настолько, что я забываю дышать. Я даже не мечтаю выйти с ним на танцпол. Но после мастер-класса в студии в его честь организуется милонга. И в приглушенном свете внезапно он… то есть мы… то есть я…

Точнее так: это не я. Мое тело, словно парализованное, стоит напротив его, а сердце бешено колотится где-то почти в горле. В ужасе я смотрю вниз и вижу две пары черных туфель.

— Не смотри вниз. Просто следуй за моей грудью, — улыбается Карлос, причем ухитряется делать это отнюдь не покровительственно.

И внезапно все происходит. Мы движемся — он на меня, я назад, хотя кажется, он вообще ничего не делает. Просто скользит по полу, увлекая меня за собой. Настолько легко и непринужденно, я даже не понимаю, делаем ли мы какие-нибудь фигуры.

— Просто идем, — его точеное лицо так близко, что я задыхаюсь. — Ты иди, не беги.

Танец окончен. Все получилось: мы просто прошлись. Никаких ганчо, никаких сакад, никаких сэндвичей.

— Спасибо — улыбается он учтиво.

— Ну и как оно? — ухмыляется подошедший Джефф.

— Это было… — я пытаюсь подобрать нужные слова, но в голову ничего не приходит.

А тем временем Джеймс танцует с аргентинкой Сесилией, которая уже десять лет живет в Новой Зеландии, работает хореографом и помогает Карлосу организовывать местные мастер-классы. У нее лучезарная улыбка, восхитительная фигура, водопад темных кудрявых волос, на ногах красуются черные

туфельки с чуть приоткрытыми носками.

— А ты как? — спрашиваю Джеймса.

— Господи, — говорит он, и, похоже, как и я, он ошеломлен.

После пяти минут, проведенных с Карлосом, вернуться в мир смертных и танцевать с ними мучительно — и физически, и морально. Я не могу выразить, что именно не так в том, как они двигаются или обращаются со мной, но чувствую, что все неправильно. Ибо благодаря Ривароле теперь знаю, каким может быть танго, и хочу еще такого.

Теперь мой график плотно расписан: школа Дэна Грина, студия Тима Шарпа, еженедельная милонга в баре Fuego и позади ресторана Bodrum. Я, Джеймс и Джефф танцуем четыре раза в неделю, наблюдая за разладом в нашем маленьком танго-мирке: Дэн с женой никогда не появляется на вечерах, устраиваемых Тимом Шарпом, который, в свою очередь, кажется, предпочел бы умереть, чем станцевать хоть раз в школе Грина. Два лидера, два маленьких лагеря. Церковный раскол в танго. В один вечер проводятся две милонги, и я порхаю с одной на другую, ведь мне все мало.

Мы занимаемся в мрачных студиях, в полуразвалившихся барах, в гулких церковных залах, напоминая черными одеяниями скорбящую после похорон семью. Мы абстрактно движемся под абстрактные мелодии Пьяццоллы, такие как Pulsación 1 («Пульсасьон 1»), Solitude («Одиночество»), Libertango («Либертанго»), Violentango («Виолентанго»), Pulsación 2 («Пульсасьон 2»), Pulsación 3 («Пульсасьон 3»). Мы даже не знаем, что это за музыка, потому что не слышим ее, слишком занятые *выполнением шагов*. Простотой импровизаций и жестокостью, с которой отрабатываем друг на друге ганчо, двойные ганчо, сэндвичи, сакады и тройные сакады, мы походим на брутальных прародителей танца.

Жизнь снова обретает смысл. Я познакомилась с новыми людьми и начала заводить друзей. Местное зарождающееся танцевальное сообщество принимает всех желающих. Даже Джеймс отмечает, что я выгляжу «почти счастливой».

Танго уже приоткрыло мне дверцу в мир красоты, пока еще недостижимой, но только пока. И уже становится моей первой безрассудной страстью в моей жизни.

И клянусь именем Пьяццоллы, что мои «годы одиночества» закончились.

Третья минута
Ваше танго
Урок: Откровение

Однажды вечером под конец занятий Джеймс поинтересовался, не хочу ли я присоединиться к группе тангерос и отправиться в Буэнос-Айрес на Третий международный конгресс аргентинского танго.

— Звучит солидно. Наверное, это для профессионалов, — сказала я.

— Мы и *есть* профессионалы, Капка. Мы профессиональные фанаты танго, — возразил Джеймс.

Проверила свой ежедневник, хотя и так знала, что никаких планов у меня нет. Проверила банковский счет — та же история, пусто. И в ту же неделю забронировала билет на самолет. В кредит. Я танцевала шесть месяцев, и могли понадобиться годы, чтобы стать хорошим исполнителем или обзавестись деньгами. Так какой же смысл ждать?

Так я оказалась в маленьком автобусе, который вез меня и еще пятерых новозеландцев из аргентинского аэропорта. Наша компания состояла из начинающей Гретель, Джеймса, чопорной пары учителей из Веллингтона и их соотечественника по имени Натан, про которого все говорили, что нужно станцевать с Натаном, чтобы почувствовать, что такое *настоящее* танго. И я очень этого ждала, поскольку, надо сказать, очень боялась танцевать с аргентинцами. У меня было тайное подозрение, что я все делаю неправильно, а ноги не выдерживают никакой критики, хотя в последнее время я только о них и думала.

Мы промчались мимо пригородных трущоб — убогих лачуг с рифлеными крышами и развешанным на улице бельем, и вот перед нами город со слегка облупившимися зданиями в стиле модерн и спешащими, хорошо одетыми, ухоженными людьми. А наша компания одета в спортивные толстовки и кроссовки.

— Ух ты! — Гретель не отрываясь разглядывает улицы. Она родом с Южного острова, известного тем, что там проходили съемки «Властелина колец», и тем, что на одного местного жителя приходится три овцы. — Никогда ничего похожего не видела.

— Похожего на что? — спрашиваю. Отсутствие в ней хладнокровия выбивается из нашего общего стиля. Хорошо, из моего стиля.

— Да все вокруг, все такое… другое.

Честно говоря, не могу похвастаться никаким стилем, будучи по сути во многом такой же провинциалкой, как и Гретель. Возьмите провинциальное низкопоклонство, добавьте синдром бедного родственника — комплекс выходца из Восточной Европы. И вуаля, вот она я, чудо культурного невроза. Впрочем, я оказалась неправа в отношении Гретель. В конечном итоге она осталась в Южной Америке изучать испанский, а год спустя организовала первый фестиваль танго в Новой Зеландии.

Но сейчас все, что способна сказать наша группа на языке гаучо, укладывается в набор: *«привет», «спасибо», «одно пиво, пожалуйста»*, а это не очень помогает ориентироваться в беспорядочной смене проспектов и улиц. Наш отель Oriental — маленькое здание с душными комнатенками — слабо напоминает гостиницу в общепринятом смысле слова и уж точно лишен восточного колорита. Он располагается на улице Бартоломе Митре, напоминающей мне своим названием крупную сеть австралийских магазинов. На самом деле улица получила имя в честь одного из аргентинских президентов-либералов.

В городе бурлит беззастенчивая волнующая энергия. Здания и лица поражают либо великолепием, либо великолепным упадком. Высокие купола отражают мечты о славе, а сточные канавы олицетворяют реальность. Буэнос-Айрес вызывает у меня чувство сродни детским воспоминаниям — я как будто уже бывала здесь, подобно тому как всегда «знала» танго.

Мы подъезжаем к грандиозному многоэтажному комплексу Конгресса, в программе которого заявлена уйма мастер-классов, милонг и светских мероприятий. Ключевые фигуры — Фабиан Салас и Густаво Навейра и их грешные дамы Каролина дель Риверо и Жизель Анн, но женщины, похоже, выступают в роли «приятных дополнений». Танцоры снялись в фильме Салли Поттер «Урок танго» и теперь наслаждаются статусом звезд и ростом популярности и доходов. Свое предприятие они окрестили Cosmotango®, а его детище — Конгресс — заявлен как «самое крупное и важное мировое событие в танго с 1999 года!».

Событие рассчитано на гринго, интересующихся новыми трендами в танго. То есть гринго *с деньгами* — долларами США, которых у меня нет. С ужасом и недоумением осознаю, что даже одержимость танго не в силах уменьшить пропасть между мной и десятидневным абонементом на Конгресс. Я могу позволить себе только один мастер-класс и отчаянно хочу провести два часа с Чичо Фрумболи и Лусией Мазер.

Я с ума схожу от стиля их движений, который делает Лусию похожей на кошку, потягивающуюся на крыше. Упитанный Чичо в

кроссовках кует образ нового поколения «расслабленных» тангерос. Он — восходящая звезда школы Саласа — Навейры и настоящий фанатик, танцующий «с воскресенья по воскресенье». Пара выступает под абстрактную музыку. У него круглое лицо в обрамлении черных локонов и аккуратной бородки. Лусия — стройная и изящная, с лебединой шеей, французы называют таких прелестными дурнушками. Оба странноваты, но в танце их общая нестандартность оборачивается настоящим волшебством. Они перестраиваются, застывая буквально на секунду перед тем, как все меняется. Описать их пластику сложно, это своего рода творчество Пикассо, ожившее под музыку Пьяццоллы.

Следуя основной идее Конгресса — поражать гринго, Чичо и Лусия учат класс тому, что называется *desplazamientos,* — вытеснениям. Слово ассоциируется с чем-то вроде экзистенциального состояния, а на самом деле речь идет о старой знакомой — сакаде. Множестве сакад, которые мы с Джеймсом отрабатывали десятки и сотни раз в окружении пар из Германии, Голландии, Канады, США, Австралии, Франции и Швеции.

Я считала себя докой в сакаде, но оказывается, не знаю о ней ничего, как, впрочем, и обо все остальном. Во-первых, сакада не единственное, а одно из наиболее известных вытесняющих движений, все они основаны на принципе: один танцор ставит свою ногу на то место, откуда другой собирается ногу убрать.

Во-вторых, женщина может не только исполнять пассивную роль в сакаде, но и сама замещать ногу партнера, выводя вперед свою. Для меня это стало откровением. Оказывается, в танго не так много фигур, разделенных строго по половому признаку, таких как, например, истинно женское очо. Большинство же движений — даже ганчо — могут исполнять и ведущий, и ведомый (кстати, некоторые современные английские учителя танго предпочитают использовать эти слова вместо «мужчина» и «женщина»).

Сакада в исполнении Чичо и Лусии — легкое как перо, едва заметное приглашение убрать ногу.

— Делайте сакаду очень-очень деликатно, — объясняет Чичо и побуждает Лусию убрать с его пути ногу. Еще и еще. Множество сакад: мягких, но величественных, как павлиний хвост. Никаких синяков, никаких ударов. Никакой боли. Никакого сопротивления. Это своего рода memento mori в танго: «Я пытаюсь коснуться тебя, а ты ускользаешь… ускользаешь… ускользаешь».

— Ну и ну! — шепчет Джеймс. — Вот оно, настоящее нуэво.

— Да, — соглашаюсь я, хотя совсем не разбираюсь во всем этом. Я еще только начинаю догадываться, что в аргентинском танго есть разные *стили*, а не только разные *шаги.*

— А почему ты уверен, что это нуэво?

— Посмотри на открытое объятие, широкие шаги, плавность движений.

Суть «нового танго» — яблоко раздора для многих танцоров, к примеру, тот же Фрумболи (и не только он) считает: новое танго — это то, что предлагают великие танцоры прямо сейчас. Но на самом деле новое танго связано с музыкой (с ним прежде всего ассоциируют имя Пьяццоллы) и с расположением тел партнеров относительно друг друга. Рука партнерши лежит не на шее мужчины, а на его бицепсе или спине, благодаря чему между ними появляется свободное пространство, в котором может даже поместиться еще один человек. Возникающий простор рождает потребность в причудливых движениях.

(Пауза. Имейте в виду, нуэво — причина великого раскола в современном танго, на некоторых приверженцев традиций само его упоминание действует как красная тряпка на быка. И я не могу с полной уверенностью сказать, на чьей стороне сама.)

Отрабатывая последнюю сакаду, я спрашиваю Джеймса:

— Какое танго мы изучаем в Окленде?

— Нуэво.

— А в чем разница между ним и шоу-танго?

— Нуэво ты вольна танцевать только для себя, но в шоу-танго выступаешь перед публикой, так что напряжение вдвое больше!

Позже я отрабатываю сакаду с Лусией. Несмотря на кажущуюся хрупкость, ее стальную хватку замечаешь сразу, когда она вертит тебя на каблуках-шпильках, которые словно вплавились в пол.

— Хорошо! — улыбается она одобряюще, и это звучит как благословение.

К концу урока приходит почти стопроцентная уверенность: я могу выполнять и воспринимать сакады без вреда для себя и партнера. Правда, она еще не подкреплена на деле, ведь по какой-то причине партнерами мы не меняемся. Да и местных здесь никого нет, кроме учителей. Спрашиваю Джеймса, почему так.

— Что они, дураки? Они могут заниматься с нашими преподавателями в любое другое время в два раза дешевле.

Это лишь усиливает мою решимость плюнуть на ориентированный на гринго Конгресс и рвануть в самое сердце настоящего городского танца. Кстати, информация обо всех милонгах и занятиях публикуется в ежемесячном журнале *El Tangauta.* Там же печатаются рекламные объявления, расписание площадок, время проведения мероприятий и данные о преподавателях. Например, по четвергам вы можете посещать занятия с несколькими разными учителями, начинающиеся в

полдень и заканчивающиеся в десять вечера. А потом — отправиться на любую из дюжины милонг, которые организовываются по всему городу. Каждая из них отличается своим стилем исполнения, атмосферой, музыкальной программой и постоянными посетителями. Единственный способ не потеряться в таком многообразии — рекомендация знающего человека. Кто-то должен посоветовать вам, что выбрать. К счастью, сама Люсия советует мне вечером отправиться в El Beso, чтобы насладиться традиционным танго.

Это буквально за углом нашего отеля, в клубе, известном просто своим адресом — Риобамба, 416. Когда я подхожу туда и начинаю изучать афиши, меня поражает обилие милонг, проводимых здесь каждый вечер под разными названиями. Сегодня это «Поцелуй».

Поднимаюсь по лестнице, отодвигаю красную плюшевую портьеру и оказываюсь на своей первой аутентичной аргентинской милонге. Ноги в туфлях на небольшом каблуке дрожат. Не идеальное состояние для танцев. Впрочем, у меня масса времени, чтобы успокоиться, ведь с тех пор, как я заплатила на входе и присоединилась к женщинам у стены, никто не обращает на меня внимания.

Да, на милонгах женщины и мужчины сидят друг напротив друга, как два враждующих племени. Губная помада служит боевой раскраской, кортина — сигналом к атаке. Каждый четверг здесь проходит ритуальная «битва полов», приносящая наслаждение ее участникам. На войне нельзя без иерархии, поэтому хозяйка — крашеная блондинка средних лет с декольте — ведет меня за дальний столик на заднем фланге. Несмотря на невыигрышное место, я ничуть не расстраиваюсь, наоборот, радуюсь, что не придется сидеть у всех на виду и есть возможность осмотреться и привыкнуть. Публика подобралась разного возраста, но в основном *старики* — на мой юный взгляд — те, кому за сорок. Женщины, все как одна с длинными волосами, в соблазнительно обтягивающих нарядах и красивых туфлях разного цвета, в том числе открытых. А я? С короткой стрижкой, в узкой джинсовой юбке, разрез на которой с каждым днем все больше и больше увеличивается, постепенно добираясь до бедра, и в футболке. При первом же взгляде на меня понятно, что я здесь чужая. Ну, во-первых, никому из завсегдатаев не пришло было в голову нацепить юбку из денима. Во-вторых, все дамы, независимо от возраста, требований хорошего вкуса или дряблости тела, верх выставляют напоказ. В Окленде я думала, что одеваюсь провокационно, здесь же на мне явно слишком много одежды, даже туфли — и те с закрытыми носками.

(Пауза. Новичку в помощь: не спрятанные ступни — своего рода жест доверия. Открытый носок как будто говорит партнеру: «Вот, я показываю тебе свой палец на ноге, и, быть может, он тебе понравится. Я доверяю тебе и надеюсь, что ты не наступишь и не сорвешь мне ноготь». Обнаженный большой палец в танго — все равно что бикини в пляжной моде. Ну а степень откровения варьирует, доходя до кульминации в виде босоножек на шпильке высотой от семи до девяти сантиметров с несколькими ремешками — что сопоставимо со стрингами. В первый год занятий при большом желании можно позволить себе туфли с полуоткрытым носком, босоножки же — самоубийство).

Музыка здесь отличается от той, что на милонгах в Окленде. Никаких признаков Пьяццоллы, зато час за часом я слышу традиционные оркестры — как правило, с четырьмя бандонеонами — привет из 1930–1940-х годов. Ближе к полуночи танцпол наводняется людьми, но по-прежнему ко мне никто не приближается.

С безучастным лицом сижу за столиком, потягивая колу и взращивая внутренние комплексы: «А вдруг я не котируюсь здесь, в королевстве зорких мужчин и вспыльчивых женщин? Или тут из принципа не танцуют с чужими? Может, ганчо и сакады, которые я отрабатывала, — все зря, и мне никогда не станцевать с аргентинцем?» Настроение мое неумолимо падает, что естественно для девицы, подпирающей стену на танцевальном вечере.

И вдруг, с началом новой *танды*, когда старые пары расходятся и складываются новые, я ловлю на себе взгляд. Мужчина кивает мне, или это просто дружеский жест? А может, у него тик? Но тут он наклоняет голову более явно, и это точно приглашение на танец. Первое в жизни кабесео! Мое сердце отчаянно колотится.

Мы встречаемся на подходе к танцполу, который кажется чересчур заполненным, чтобы вместить еще и нас. Он что-то говорит на испанском, но, увидев, что я не понимаю, переводит:

— Весь вечер я искать ваш взгляд.

На вид лет тридцати пяти, невысокого роста, с подстриженной бородкой и крепким мужским запахом, — человек, которого я не забуду никогда, хотя уже через полчаса он уйдет из моей жизни. Но это поворотный момент. Я невыразимо счастлива стоять, а не сидеть, танцевать, а не ждать.

Не могу сказать, хороший ли он танцор, так как делает он что-то непривычное. Сильно прижавшись, он просто аккуратно ведет меня кругами, потрясающе попадая в музыку, ни разу не наткнувшись на другие пары. Потом мягко переходит на

маленький шаг, а я без труда подхватываю, но названия фигуры не знаю.

Что это? Простое движение, но точно не сакада или ганчо. И вниз не посмотришь, ведь между нами почти нет зазора. Это беспокоит меня, я чувствую, как пот струится по спине. Аргентинец не останавливается, не комментирует мой танец и не дает инструкций, как мы привыкли в Окленде («двойная сакада, ганчо, согни ногу, поставь ступню вот сюда, да не сюда, нет-нет, не так»). Он просто танцует, а я пытаюсь следовать за ним. Постепенно, пусть и на секунды, волнение стихает, и на смену приходит новое чувство, такое же, как и в объятиях Карлоса Риваролы, — наслаждение от блаженной простоты аутентичного аргентинского танго. В нем все двигаются *под* музыку, а не *параллельно* ей, что очень важно, если вы новичок и ваша музыкальность целиком зависит от того, кто ведет.

Взвинченная, жду, что партнер покинет меня после первой композиции или обычной танды из трех песен. Ничего подобного. Следует второй сет, за ним третий. Во время шумных кортин мы пытаемся общаться, но скоро темы для разговора и словарный запас иссякают. («Откуда вы?» — «Новая Зеландия». — «О». — «Но вообще-то я родом из Болгарии». — «О, первый раз в Буэнос-Айресе?» — «Да». — «Нравится?» — «Да». — «Здорово». — «Да».) Поэтому в перерывах мы просто стоим и улыбаемся друг другу в ожидании нового танца. Но даже когда мелодия начинает звучать, мы не возобновляем танец немедленно. Этикет требует, чтобы пары беседовали еще немного после того, как заиграет музыка, — дань временам, когда уважаемые дамы приходили на милонги в сопровождении компаньонок или наставниц, и единственная возможность поговорить с мужчинами представлялась только во время кортин, и, понятное дело, общение пытались продлить по максимуму.

В конце третьей танды он вытирает пот со лба и произносит: «Спасибо. Я бы хотел станцевать с вами еще».

А может быть, он сказал: «Больше не буду танцевать с вами». Трудно не запутаться в языковых тонкостях. Я благодарю в ответ. Честно признаться, мне хочется расцеловать его за то, что он нарушил мою нетронутость своим приглашением, показав другим мужчинам, что я «в деле».

Одного танца достаточно, чтобы попасть в обойму, и в ту ночь я больше не присела. Меня приглашают мужчины разного возраста, и с каждым из них мы исполняем те же самые небольшие, базовые, но доставляющие такое наслаждение шаги. Наконец я выясняю, что этот таинственный и очень распространенный здесь шаг называется *хиро*.

И означает просто поворот или вращение. Слегка закручивая бедра, женщина делает шаг назад и двигается вокруг оси своего партнера, огибая его в три шага. Пока он поворачивается, она как будто тихонько напевает ему, без слов рассказывая о себе и о том: неважно, что было раньше, сейчас она с ним. Хиро — одна из основных и знаковых фигур в танго, и, кроме того, она часто используется в аргентинском вальсе.

Я не узнала этот элемент, хотя мы и разучивали его в Окленде. Почему? Потому что нам преподавали размашистое, «сценическое», широкое хиро. А здешнее, адаптированное хиро приспособилось к небольшому заполненному танцполу, так чтобы никто не задевал друг друга. И в нем лица и грудь партнеров всегда обращены друг к другу, а не плывут параллельно, словно корабли в ночи, как я делала это раньше.

До этого вечера я *не взаимодействовала* ни с кем из своих партнеров. Я *использовала* их, чтобы они не дали мне упасть, и сама была нужна им для тех же целей. И, как всякий неофит в танго, училась шагам и движениям, а не языку близости.

Когда милонга иссякает, я бреду обратно в отель в состоянии блаженного истощения. Пот и адреналин затуманивают взор, поэтому до конца я еще не понимаю, что произошло, но чувствую, что моя танцевальная жизнь уже не будет прежней.

На следующий день, в пятницу, отправляюсь на милонгу под названием La Viruta. Безумно популярное место с богатой историей — настоящая жемчужина в короне городского танго. Огромный зал забит людьми, оркестр играет восхитительную музыку, действие происходит дотемна, точнее досветла. А если захотите, прямо здесь вы можете позавтракать медиалунами[3] в шесть утра — и продолжить танцы.

Раньше здесь располагалась Армянская община, о чем напоминают висящие на стенах памятные таблички и дух ностальгии, витающий везде, где собираются люди, оторванные от дома. Но именно здесь я впервые познаю момент абсолютного танцевального счастья.

Как ни странно, оно приходит в образе маленького, пузатого, лысого мужчины в сером костюме. Он стоит у бара и посылает мне почтительное кабесео. Торопясь присоединиться к нему, я едва не переворачиваю стол.

(Пауза. Кабесео превращает даже коротышку с животом в величественного героя. Потому что корни обычая нужно искать глубоко в подсознании настоящих мачо, как ныне живущих, так и их предков. Кивок женщине или брошенный в ее сторону пристальный взгляд никогда не станут причиной позора. А вот

если бы требовалось подойти к женщине и, упаси бог, спросить напрямую… и она бы отказала? Тогда пришлось бы тут же сделать себе харакири пастушьим ножом, или же товарищи закидали бы вас монетками и освистали: да ты, папаша, — лузер. Лучше всего кивнуть небрежно — даже если высокомерная стерва проигнорирует, никто не будет знать, кроме вас двоих.)

Диджей ставит танду Карлоса Ди Сарли, а это означает двенадцать минут сладкой музыки с привкусом горечи, с идеальной пропорцией бандонеона и скрипки, и в высшей степени танцевальной. Мой тангеро прижимает меня к себе, и мы сливаемся с толпой.

Его выпирающий живот мешает мне видеть собственные ноги. Но оно и к лучшему, потому что, оказывается, согласно этикету, смотреть вниз нельзя, сие оскорбляет партнера, рождая в нем неуверенность. Я парю в ночи, а вокруг, словно в тумане, танцующие пары и огни. Этот человек — плоть от плоти этой земли, в нем не меньше истории, чем в самом этом городе. Я чувствую, как музыка бежит по его венам, и понимаю, что он танцует всю жизнь.

Мы исполняем идеально симметричный стиль *милонгеро* — лаконичные движения, множество сдержанных хиро, большое количество шагов и близкое объятие — и ни разу не сталкиваемся с другими парами, хотя со всех сторон нас окружают люди. Все так ново и необычно.

К моменту окончания второй танды (в общей сложности семь танцев) я до такой степени взволнована, что почти жду от него предложения руки и сердца. Но он лишь благодарит меня, промокая блестящий лоб несвежим носовым платком, и галантно провожает на место. Мы так и не познакомились. Но после танца с этим сыном бедных итальянских эмигрантов, приехавших в Буэнос-Айрес с огромными надеждами и крохотными чемоданами, я чувствую, что стала другой. Точнее так: я чувствую, что становлюсь *собой*.

К высоким сводам зала Армянской общины летит радостный хор двух сотен душ. Или, вернее сказать, сотни — потому что у истинной пары одна душа на двоих. И теперь меня инициировали, сделав частью этого мира.

Спустя сорок восемь часов после приезда устанавливается ежедневный или, точнее, ежевечерне-еженощный график, потому что минимум по полдня я отсыпаюсь в своем похожем на пещеру номере, пока сушатся мои мокрые от танцевального пота вещи и обувь.

В светлое время суток я посещаю уроки молодой пары Габриеля и Наталии. Кстати, в мире танго преобладают имена без

фамилий. Иногда — псевдонимы. Но имена Габриеля и Наталии — настоящие и, как оказалось, звездные. Они учат идеальному балансу традиционного танго и нуэво.

Класс состоит из постоянных учеников, а вдобавок к ним я и Иисус — самый стройный юноша на свете, попавший сюда так же случайно. Иисус родом из Рио-де-Жанейро. Худой и изможденный, внешне очень напоминает того, в честь кого назван, аккурат перед распятием. Как единственных иностранцев для разогрева нас ставят в пару — довольно комическую.

Ребра моего партнера выпирают сквозь футболку, худая ладонь дрожит. Я боюсь сломать ее, если схвачусь чуть посильнее, что частенько делаю, когда волнуюсь. На смеси испанского, португальского и английского мы выясняем, что Иисус автомеханик, но хочет стать учителем танго в Рио. Он уже год здесь учится, а это совсем не дешевое удовольствие.

— Я трачу деньги только на съем жилья и уроки танго. А из еды могу позволить себе лишь эмпанаду.

(*Пауза*. Эмпанада — национальное блюдо Аргентины и Уругвая — маленький пирожок с начинкой.)

Сегодняшний урок — танец *милонга-траспье*.

Если можно так выразиться, есть *«святая троица танго»:* танго, вальс и дух святой — милонга. У каждого из жанров свой ритм и эмоциональный посыл.

Милонга (раз — два — три — четыре, раз — два — три — четыре с ударением на РАЗ и ТРИ) — дерзкая и заводная, заставляющая исполнителей под конец танца обессиленно посмеиваться.

Вальс (раз — два — три, раз — два — три) лиричен, вам хочется кружиться и мечтательно улыбаться.

Танго (раз — два — три — четыре, раз — два — три — четыре, с паузами) — что угодно, от легкой ипохондрии до суицидальной тоски.

Удивительно, но веселые милонга и вальс менее популярны, чем их «родственник». Возможно, это говорит о склонности танцоров к мазохизму. Да, во многом это действительно так, но об этом я узнаю позднее.

Вернемся на занятия, где с наших лиц уже ручьями течет пот.

Я никогда не училась танцевать милонгу раньше. Любители танго за пределами Аргентины не особо привечают ее. Слишком сложно. В итоге все, что мне известно: танец ритмичный, с неширокими шагами, самый характерный из которых траспье (быстрое удвоение).

Группа делится на мужчин и женщин. Я бросаю нервный взгляд на Иисуса и присоединяюсь к команде изящных

газелеподобных созданий под предводительством их королевы Наталии, стоящей впереди и показывающей сложный шаг: комбинацию из… она двигается слишком быстро, и я не успеваю разобрать. Потом она начинает считать: «*Раз, два, три и…*»… и мы дружно повторяем. Девушки безумно быстро закручивают и раскручивают ноги по какой-то неимоверной зигзагообразной траектории — туда-сюда, туда-сюда. Все, кроме меня, так как меня заносит то влево, то вправо. Я спотыкаюсь и пытаюсь не упасть. Стиснув зубы и затаив дыхание, стараюсь разобраться со своими ногами, хотя бы по очереди, но безуспешно. Видимо, где-то в проводах моего мозга происходит короткое замыкание, и приказы сверху не доходят вниз.

Самое главное о танце милонга: он безжалостен. Своеобразная лакмусовая бумажка, проверяющая: 1) музыкальность; 2) координацию движений; 3) общую физическую подготовку и 4) психическую устойчивость.

В отличие от танго, где допустимы задумчивые паузы и несуетная томность, — особенно, если вы танцуете под музыку современного композитора вроде Пьяццоллы и вдобавок глуховаты на одно ухо, — милонга состоит из ритмичных движений, не дающих расслабиться ни на секунду. Пропустите один такт, за ним последует другой — и все, ритм вам уже не поймать. Все дело в старой дружбе милонги (с ее бойкими пружинящими движениями и быстрым темпом) с *кандомбе*: темным до черноты, сексуальным, одурманивающим и проникающим в кровь танцем под бой барабанов. Но о нем мы еще поговорим.

А пока я застыла посреди зала, в мокрой от пота одежде, не в состоянии пошевелиться: этакое живое воплощение неуклюжести и неповоротливости. Да, я сдалась и ретировалась к краю танцпола, наблюдая за тем, как грациозные газели выполняют изящные извилистые линии шагов и воздушные прыжки, и пытаясь не расплакаться от расстройства. К счастью, никто на меня не смотрит — кроме Иисуса, который тоже «сошел с дистанции». Милонга любит собирать неудачников вместе.

— Слишком тяжело для меня, — понуро говорит он.

— И для меня, — отвечаю я на ломаном испанском. — Неужели правда класс среднего уровня подготовки? Похож больше на продвинутый.

Иисус улыбается: «Не думаю, что они здесь используют это слово в танго».

Действительно, понятия «начальный уровень», «средний» и «продвинутый», на которых зациклены любители танго во всем мире, в Аргентине не имеют значения. Новички торопятся как

можно скорее проскочить первую ступень и уже через два года приступить к замысловатым шагам «среднего уровня», а после пяти лет занятий перейти на головокружительный «продвинутый». По всей Европе и Северной Америке только и слышишь фразу: «растет как на дрожжах» — когда кто-то берет уроки у знаменитых танцоров.

Но давайте начистоту: оттарабанив два года и две тысячи ганчо, вы все еще можете представлять угрозу безопасности на танцполе. И после пяти лет и пяти тысяч сакад можете, как поплавок, дрейфовать на неспокойных волнах трафика, врезаясь в другие суда. А если слуха нет и вы не в состоянии отличить вальс от головной боли — тогда горе беднягам, которые встают с вами в пару, пока вы «перепрыгиваете через ступени». Я танцевала с такими «карьеристами» и знаю, о чем говорю. Поистине продвинутыми танцорами могут считаться люди наподобие Наталии и Габриеля — люди, танцующие по двадцать лет или с детства (в зависимости от их возраста).

С Иисусом мы распрощались навсегда, так как я решила, что больше не пойду на занятия «среднего уровня», и отправилась есть эмпанаду в другое, более доступное заведение.

Но не абы куда, а в Confitería Ideal на улице Суипача — легендарное кафе и танго-салон, уникальное место, которое можно сравнить с экономикой Аргентины, пребывающей в нескончаемом грандиозном упадке. Проходя мимо мраморного фасада и поднимаясь по лестнице в главный зал, вы созерцаете колонны, подпирающие роскошно декорированный свод, венские пирожные, заточенные в стеклянной витрине, наверное, со времен открытия кафе в 1912 году, и, разумеется, полуденный урок танго. По залу неспешно движутся пожилые официанты, облаченные в потертые красные жилетки и похожие на статистов из фильма Бертолуччи.

Я переобуваюсь и осматриваюсь по сторонам. Около десяти пар средних лет и старше либо танцуют, либо сидят за маленькими столиками. А вот учителей не видно. В Confitería царит потрясающая атмосфера праздности в духе бель эпок. Все вокруг словно говорит: «В жизни нет ничего важнее пирожных и полуденного танго».

Наконец я понимаю, что учитель — не кто иной, как приземистый парень по имени Диего. Но это не урок, а практика, как объясняет мне джентльмен с шелковой косынкой на шее и пигментными пятнами на руках. Хотелось бы поинтересоваться значением слова, но тем самым я расписалась бы в собственном невежестве и потому просто киваю — ну конечно, практика, я так

и думала.

Меня приглашает галантный джентльмен, от которого пахнет листвой, парфюмом и прожитыми годами. Он почему-то напоминает мне Хорхе Луиса Борхеса, но в отличие от великого аргентинца, писавшего о танго, но не танцевавшего, мой визави танцует и молчит. Его прикосновения деликатны, а чувство ритма безупречно, как сшитый на заказ костюм и торчащий из нагрудного кармана красный носовой платок. После трех композиций он спрашивает, откуда я, и, пораженный моим ответом, присаживается и обмахивает лицо носовым платком.

«Новая Зеландия», — делится он новостью о моем месте жительстве с проходящим мимо Диего. И тот, к моей радости, тут же увлекает меня на легендарный танцпол. Оказывается, практика — нечто среднее между уроком и милонгой.

Когда музыка стихает, Диего улыбается с такой теплотой, что хочется потеребить его пышные, как у настоящего гаучо, усы:

— Хорошо! Танцевать ты можешь. Музыку чувствуешь, попадаешь в такт, изящная! Но! Ты *не идти*! Ты не *использовать пол*! Ходить! Прямо сейчас!

Он указывает мне под ноги. Я разглядываю пол цвета ванильного мороженного. Никто раньше не говорил мне о том, как нужно ходить. Я проделала такой долгий путь из Болгарии через Новую Зеландию, чтобы танцевать танго в Confitería Ideal, и в итоге это все, что Диего может сообщить мне? Я не использую пол! Никто меня не понимает.

— Вы позволите?

Широкоскулый мужчина средних лет излучает обаяние, которому невозможно не поддаться. Гильермо д'Алио. Вряд ли хоть один человек мог бы назвать его внешность или манеру танцевать неяркой. Он учтиво повел.

— Я не хожу на уроки, — докладывает он. — Посещаю вечеринки, а иногда практики. Учусь самостоятельно.

Угу, это чувствуется. Не мне, конечно, судить. Меня только что вообще обвинили в том, что я даже полом не пользуюсь. Гильермо, напротив, специалист по этой части. Он рассказывает, что он художник-танго. То есть он макает туфли в краску и танцует на холсте.

— Приходи ко мне в студию, покажу, — удивительно, но из его уст предложение не звучит непристойно.

— Мы с дочерью делаем арт-шоу. Танцуем вдвоем, и получается живопись. Два искусства в одном. Часто ездим в Калифорнию, во Францию, в Голландию…

Я так заинтригована, что на следующий день вместо занятий отправляюсь посмотреть на работы Гильермо в его мастерскую в

районе Ла Бока, названном так, поскольку он находится в дельте (la boca) реки Риачуэло.

Риачуэло с плавающими маслянистыми отходами заброшенных предприятий выглядит и пахнет так же неприглядно, как звучит само слово. Именно здесь начинались все те ужасы, которые сделали Буэнос-Айрес городом богатства и сомнительной славы, — контрабанда, транспортировка грузов, мясо, деньги, работорговля, проституция.

Меня предупреждали, что не надо уходить далеко от местной достопримечательности — живописной и романтичной улицы Каминито («Дорожка»), которую окрестили так в честь известной в 1920-е годы песни. Или наоборот, песню назвали в честь улицы? Музыка танго настолько неотъемлемая часть города, что для приезжего вроде меня эти понятия неразделимы.

Каминито — своего рода эксцентричный музей под открытым небом, где художники предлагают китчевые изображения уличного танго. А в Ла Бока прошлое действительно живет. Оно дышит вам в затылок ядовитыми испарениями реки, перемешанными с прокуренным дыханием моряков, авантюристов и дельцов, торгующих человеческими жизнями, — все они до сих пор населяют темные аллеи. По пути к дому Гильермо я где-то на уровне подсознания ощущаю холодную сталь их ножей, гнилостный дух болезней, опасность темных делишек. Слышу, как шуршат наряды молодых девушек, которых погубил этот район; звон цепей миллионов рабов, чье кошмарное путешествие началось в далекой Африке, а закончилось здесь, в утробе голодного, алчущего наживы материка. Чую запах животных, которых забивали молотками на скотобойнях и на торговых судах отправляли на экспорт, что в свое время позволило Аргентине стать одной из богатейших стран мира.

Но здесь же из мяса и крови, из страданий и артистизма, из секса и насилия, контрабанды и изнуряющего труда, из тоски по Старому Свету и надежды на Новый, от детей африканских рабов и нищих итальянских и испанских эмигрантов родилось культурное чудо, имя которому — танго.

Потом, в конце XIX века танго перекочевало из трущоб в такие рабочие предместья, как Ла Бока. И, как сказал поэт Лорка, оказавшись здесь, в сумерках Буэнос-Айреса танго распахнуло объятия великим фанатам скорби и слез.

— А, Капка, дорогая, ты все-таки пришла! Как раз к обеду.

Гильермо встречает меня у двери своей студии. Я вхожу. Атмосфера, пропитанная парами скипидара и одержимостью творчеством. Странные танцоры с коренастыми фигурами и

одинокие музыканты, играющие на бандонеоне, наблюдают с развешенных по стенам картин, как художник раскладывает на запачканном краской и накрытом старыми газетами столе салями, сыр и хлеб.

— Сколько у тебя уже длится этот роман? — спрашивает с набитым ртом художник.

— Какой роман? — я даже перестаю жевать.

— Ну, с танго. Самые серьезные отношения из всех возможных.

— Правда?

— Конечно, — продолжает он работать челюстями с комичной серьезностью. — Все остальные имеют обыкновение заканчиваться.

На какое-то время мы замолкаем.

— Увидишь, — говорит он, собирая остатки еды. — Ты слишком молода, но возвращайся лет через десять, и поговорим. Посмотри вокруг, — он обводит рукой свою мастерскую-алтарь. — *Это* моя жизнь, моя возлюбленная. Я не хочу умирать, лежа в кровати. Я хочу умереть на своих двоих. А теперь давай танцевать.

Он ставит мелодию Гарделя, отца вокального танго. Я узнаю с первого же слова — «Каминито…». Мы неуклюже толчемся по захламленной студии. Конечно, Гильермо не танцор, а художник. Поэтому я прощаю ему жесткую, как рычаг, руку на моей спине и бесконечные наставления. Песня рассказывает печальную историю маленькой дороги: время разрушало ее точно так же, как стерло из памяти прошлое героя, когда он прогуливался по этой самой тропинке со своей возлюбленной. В танго прошлое всегда самое счастливое время. Но Гильермо весь в настоящем и будущем.

— Тебе на память, чтобы не забыла меня до следующей встречи, — он берет салфетку и быстро изображает танцующую пару.

— Я не знаю, будет ли следующий раз, — говорю я.

— Почему? Ты думаешь вернуться в Новую Зеландию, выйти замуж за фермера и забыть Аргентину? — брови паяца Гильермо ползут вверх.

— Нет, — смеюсь я.

— И я так не думаю.

Он провожает меня до автобусной остановки, и мы обнимаемся, как старые знакомые.

Десять дней моего путешествия почти на исходе, и единственное, что я успела сделать, не связанное с танго, — это

случайно подстричься в старейшей цирюльне в Сан-Тельмо. Именно в цирюльне. Не нужно особых познаний в испанском, чтобы отличить брадобрея от парикмахера. Но я здесь, стою посреди старомодного салона с кожаными креслами начала прошлого века, и меня доброжелательно разглядывает пара очень пожилых мужчин. Я показываю на свои короткие волосы, давая понять, что хочу их постричь.

— Нет, — улыбаются они, качая лысыми головами, и я вспыхиваю от смущения. Из головы улетучиваются все знакомые слова, кроме *тиñеса*, — *«куколка»*, так в Буэнос-Айресе ласково называют девушек.

— Танго, — твержу я, будто заветное слово способно помочь. — Я здесь ради танго. — Показываю на площадь, где высокий мужчина с «конским хвостом» на голове танцует с женщиной в черно-красном. Это Индеец — известный городской милонгеро, предмет обожания местных дам. Лицо старика озаряет понимающая улыбка.

— А да, танго.

Я лезу за карманным словариком, но это лишнее, потому что один из братьев — ах вот кем они друг другу приходятся! — принимается за стрижку. Делает он это очень медленно, трясущимися руками, покрытыми старческими пятнами, и очень бережно, будто каждый волосок стоит целое состояние. Второй дремлет в кресле. Он похож на огромную ящерицу, нежащуюся под солнцем. Пробудившись, он отказывается взять у меня деньги и целует на прощанье руку.

Радость и благодарность переполняют меня, я мчусь в ближайший киоск, чтобы купить им цветов, но вернувшись, вижу запертую дверь. Я кладу цветы прямо на тротуар у входа, что выглядит диковато, словно возложение венка на могилу. Так что беру букет и иду по городу, сияя, словно женщина, которую любят, — и именно так, впервые за долгие годы, я себя ощущаю.

По пути в отель в магазине Favela покупаю две пары танцевальных туфель с закрытым носком. И те и другие не подойдут для моей узкой ноги и «подарят» ночи агонии. А еще я покупаю в одном из музыкальных магазинов на Авенида Корриентес (улице, где отовсюду раздаются берущие за душу, меланхоличные мелодии) набор дисков с композициями Пьяццоллы.

Тем же вечером нам с Джеймсом представляется редкая возможность послушать в театре «Колон» «Концерт для бандонеона с оркестром» Пьяццоллы. Мы сидим в позолоченном зале, в вечерних нарядах, источающих, правда, не совсем

подобающий «аромат» (за десять дней непрерывных танцев у нас не осталось чистых вещей, причем не только у нас с Джеймсом, но у и всего нашего новозеландского десанта). Я и раньше слышала этот концерт, но слушать его вживую, наблюдать за сидящим в центре сцены музыкантом, играющим на черном бандонеоне, похожем на волшебное легкое, выдыхающее звуки… Невозможно передать словами это ощущение. Инструмент словно обращается ко мне своим почти человеческим голосом. Словно я разговариваю с душой Астора Пьяццоллы. Она понимает, какой путь я проделала и сколько мне еще предстоит пройти. Она чувствует мое одиночество, мою потерянность и страстное желание, которое я всегда ношу с собой в невидимом чемодане.

— Пьяццолла один такой, да, Капка? — Джеймс протягивает мне носовой платок.

Я и забыла про сидящего рядом друга, забыла вообще обо всем. Повернувшись к нему, вижу что-то странное в его глазах. Да это же… слезы. Смотрю еще раз, чтобы убедиться, но передо мной все расплывается.

Обессиленные после музыкального крещения, мы бредем в наш убогий, далеко не ориентальный отель, вдыхая разносящиеся отовсюду ароматы жареного мяса и свежезаваренного мате.

— Хочу быть частью всего этого. Но знаю, что не суждено.

— Капка, да ты везде чужая.

— Ну, спасибо тебе. Знаешь, как ободрить.

— Обращайся в любое время.

Мы потерялись, точнее, понимаем, что идем не в ту сторону. Но заплутать в центральной части города — совершенно нормально, даже можно сказать, это туристическая традиция. Прогулка по нескончаемой Авенида Корриентес с ее светящимися афишами спектаклей и кабаре, огромными, залитыми светом и открытыми допоздна кафе с такими названиями, как El Opera, наполняет меня космополитическим трепетом. Чувством, в котором уживаются одновременно и счастье, и грусть, и настоящее, и прошлое.

Назову это *тангизмом*. Некоторые знающие люди утверждают, что танго — это не просто музыка и танец. Существуют *эмоции* танго, *язык* танго, *места* танго и даже *люди* танго. Не нужно даже знать танго, чтобы воспринимать мир таким образом. Это состояние души.

В последний день в Буэнос-Айресе решаю спустить оставшиеся деньги на частный урок с преподавателем по имени Оскар — невероятно высокого роста и со свирепым лицом. В своей простой студии в Сан-Тельмо он не тратит время на

церемонии: сразу же после начала занятия достает четыре монеты и раскладывает их на полу так, что они образуют маленький квадрат.

— Танго кажется сложным, да? На самом деле все очень просто. Все крутится вокруг *cuadrado*, как вы это называете?

— Квадрат?

— Да, квадрат.

— Неужели все? — реагирую я скептически и, как всегда, категорично.

— Все. Смотри.

Он становится внутрь квадрата.

— Представь себе стул. Я — стул. *Салида,* — и он направляет меня в базовый шаг в сторону.

— Очо. — Выполняю очо.

— Очо назад. — Никаких проблем. Физически ощущаю тугие талии моих восьмерок — впервые. Самое женственное движение в танго.

— Хиро, — и я кручусь вокруг него — раз, два. Голова кружится, но и за эти несколько шагов я успеваю поведать учителю короткую историю.

Так мы и продолжаем какое-то время: он стоит посредине квадрата, а я вращаюсь вокруг него. Впрочем, в моей голове танго — все еще набор разрозненных, подчас болезненных и опасных для ног элементов, которые необходимо зазубрить по частям, потом соединить вместе — и ура, хореография в духе Франкенштейна готова.

— А как насчет сакады? — подначиваю я.

— Сакада, — реагирует он, и мы с легкостью исполняем ее, при том что Оскар остается в квадрате.

— Для тебя сакада — всего лишь большое хиро. Хиро с *adornos*?

— С украшениями?

— Да, в танго каждый элемент является вариацией другого. Все взаимосвязано.

И мне открывается поразительная, кристальная простота танца: как он развивается, начиная с базовых шагов, как в этом кружеве каждая петелька зависит от другой, цепляясь за нее. В итоге получается восхитительный орнамент движений. С моих глаз спала пелена, и я, как в таинственной истории Генри Джеймса, увидела «узор на ковре».

Танго органично. Здесь нет заранее распланированной, заученной последовательности движений. Есть только шаг, который перетекает в другой, а затем в еще один и еще, — все происходит поразительно естественно и невымученно. Моя

догадка кажется мне масштабной и при этом сокровенной.

Я бросаю взгляд на Оскара, собирающего монетки, и вдруг узнаю его. Это же человек с того видео, показанного Дэном Грином в его студии, тот самый гаучо, который танцевал с женщиной, садившейся на шпагаты. Вспомнилось и его имя, указанное в титрах.

— Еще вопросы? — спрашивает он, уловив мой вопрошающий взгляд.

— Ммм, да, — я думаю о тех фокусах, которые он «вытворяет» со своей партнершей. — Какое танго вам ближе: традиционное или нуэво?

— Потанцуем, а потом скажу, — отвечает он и ставит какую-то ритмичную композицию, возможно, Освальдо Пульезе. И хотя Оскар возвышается надо мной и выглядит отрешенным, я скольжу, блаженствуя от ощущения ясности в голове и четкости движений, от всего происходящего в угасающем дне Сан-Тельмо.

Буквально миг, и я уже отдаю учителю деньги, на которые могла бы питаться следующую неделю. На лице аргентинца появляется кислая улыбка, единственное выражение дружеских чувств. Вопрос повторять не приходится: то, как мы танцевали, — в традиционном близком объятии — говорит само за себя. Определенно никаких шпагатов.

— Вы собираетесь на бал Конгресса сегодня?

— Нет, — улыбка гаснет. — Меня не приглашали, да и не хочу. Я просто танцую танго. Все хорошо? Тогда *adiós*.

Он провожает меня и закрывает дверь. На следующий день Оскар и не вспомнит, как я выгляжу. Но его квадрат из четырех монет на скромном полу, как факел, будет освещать мой путь в течение следующих десяти лет и служить путеводной звездой в жизни, которая, к счастью или на беду, измеряется не календарными годами, а яркими танцевальными моментами — такими как занятие с ним. Подобно концерту Пьяццоллы в театре «Колон». Подобно студии Гильермо в Ла Бока. Подобно милонге La Viruta. Подобно встрече с братьями-цирюльниками.

Бал Конгресса должен был стать кульминационным моментом в нашем путешествии. Но для меня он, скорее, оказался последним гвоздем в крышке гроба моей прежней танцевальной жизни. Той, в которой я мечтала ослеплять и быть ослепленной. Той, из-за которой на вечер явилась в черном платье с бахромой, черных чулках и замшевых туфлях цвета бордо, уверенная, что именно этого требует танго. А разве нет?

Мероприятие организовано с блеском и размахом, как и положено крупнейшему международному событию начала нового века. Среди гостей и американки с фальшивыми жемчужными

украшениями в волосах, живущие на танцполе по какому-то своему экзотичному сценарию. И европейские джентльмены в расцвете лет, которые стараются соблюсти вежливость, обнимая иностранок с другого континента. Язык общения для всех — хиро, очо, сакады. А вот амбициозные молодые танцоры из Швейцарии, Голландии и Германии, мечтающие вернуться домой и вкалывать от звонка до звонка. И практичные шведы и датчане, осваивающие с таким трудом выученные на Конгрессе сложные шаги и пинающие стоящего сзади человека (меня).

Вроде все вместе, но не одно целое. Каждый из нас танцует собственную фантазию. Мы все хотим *чего-то* от танго — блеска, меланхолии, эротических переживаний или чего-то еще, не поддающегося определению.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — стучит по микрофону ведущий. — Добро пожаловать на Международный конгресс аргентинского танго 2001 года. Мы безумно рады видеть вас, приехавших на наш крупнейший мировой…

Елейная речь плавно течет еще какое-то время, и наконец объявляют выступление пар.

И вот под аккомпанемент Пьяццоллы и под нашими ошарашенными взглядами Фабиан Салас и Густаво Навейра в компании наряженных дам представляют технически безупречные номера, исполняют захватывающие шаги, поражающие своей точностью. Изящные прыжки, пируэты, модные в том сезоне танцевальные комбинезоны — искусство танго высшей пробы.

Я сижу среди красиво причесанных и сверкающих украшениями женщин, наблюдаю за космическим уровнем мастерства на сцене и опять чувствую себя изгоем. Земля уходит из-под ног. Все десять дней я тренировалась, танцевала как безумная, но сегодняшний «ключевой» вечер не имеет ничего общего с задушевным, непринужденным миром ночных милонг, приносящим такое удовольствие. Бал — своего рода шоу, куда приходят показать себя и посмотреть на других. Ярмарка тщеславия под саундтрек танго, хищный мир славы и гламура. Я в своем платьишке с бахромой явно не вписываюсь, олицетворяя не роскошь, а смущение и растерянность.

— Танцуете?

Слава богу, родная душа — Гильермо со своей неподражаемой улыбкой в клоунских полосатых брюках и поношенной живописной шляпе. Оделся он, явно желая привлечь внимание.

— Гильермо! Откуда ты? — спрашиваю я. — Местных здесь нет.

— Потому что они не могут себе это позволить. А я должен

присутствовать ради новых знакомств и связей. Тут не милонга, а танго на экспорт! — он трагикомично приподнимает брови. — Но плевать, мы танцуем и наслаждаемся.

Да будет так! Пусть Гильермо и пришел на бал на пятьдесят процентов ради танго, *он* на сто процентов рядом со мной. Пусть даже наше исполнение небезупречно, зато мы искренни.

Мне все равно, хорошо ли я смотрюсь, ибо для танцующих люди вокруг не существуют, они — всего лишь приглушенные голоса, отдаленное «шебуршание», фон, на котором между партнерами происходит главное.

Вот он — самый важный урок, который я вынесла: танцуя настоящее танго, вы ощущаете особое пространство, объединяющее вас и вашего партнера, независимо о того, кто он и надолго ли вы вместе. Тем парные танцы и схожи с занятием любовью.

Но будьте внимательны: тут сходство и заканчивается. Боже упаси вас подменить понятия, запутаться и задурить себе голову. Если подобное произойдет (что практически неизбежно), вы обречены. Именно так и случилось со мной.

Кортина

Капка Кассабова: Итак, почему вы танцуете танго?

Американка, 37 лет: Потому что у меня есть секреты.

Немец, 35 лет: Потому что я хочу услышать себя.

Русская, 32 года: Потому что тело мое одиноко.

Итальянец, 48 лет: Потому что я дурачусь как ребенок и оттого счастлив.

Швейцарская француженка, 27 лет: Потому что с помощью тела я желаю выразить себя.

Голландец, 60 лет: Потому что на языке тела каждая женщина рассказывает мне свою историю.

Вторая танда
Сердце
В поисках близости

Четвертая минута
Всего лишь раз
Урок: Искушение

Путь из Буэнос-Айреса в Окленд через Нью-Йорк — явное отклонение от маршрута, впрочем, вполне оправданное для меня, учитывая размах здешнего увлечения танго. Говорят, это настоящая танцевальная столица — грандиозная, чарующая и пугающая. По крайней мере, была бы пугающей, если бы я только что не побывала в Мекке танго.

Так я говорю себе, приближаясь к огромной студии Dance Manhattan, расположенной на пятом этаже небоскреба с полированными полами и зеркалами во всю стену. Руки дрожат, переобуваюсь, не прекращая твердить, что мне не страшно. Ну и что, если я никого здесь не знаю и мучительно завидую выходящим из лифта местным тангерос. Они такие оживленные, самоуверенные. Идеальные зубы, классные мешочки для обуви. В их речи угадываю иностранный акцент, но это успокаивает лишь на миг — ведь откуда бы ни приехали, теперь они все ньюйоркцы. Собравшиеся здороваются, целуя друг друга в обе щеки.

(Пауза. Во всем мире на милонгах принято здороваться и прощаться, расцеловываясь в обе щеки: «чмок-чмок» отнимает уйму времени, но того стоит, помогая создавать приятную иллюзию общности.)

Но я здесь чужая и мне целовать некого. Не успеваю запаниковать, что мне и танцевать будет не с кем, как меня приглашает чернокожий мужчина, весь в поту, но благоухающий цитрусовым парфюмом.

Моего партнера отличают динамичность, музыкальность и открытое объятие. После него еще несколько танцев: некоторые удачные, некоторые посредственные, вызывающие то облегчение, то разочарование. Оказалось, местные — не боги танца, зато дружелюбно настроены к незнакомцам. Большинство участников предпочитают открытое объятие. Закрытое — не «комильфо». Сидеть тоже не принято, поэтому либо стоят, либо танцуют. Все при деле. Пары быстро сменяются, музыка не прекращается. Никаких столов, стульев, прохладительных напитков (кроме бутылок с водой, которые каждый приносит с собой). Это танго по принципу «еда навынос». Мы танцуем по очереди, в спешке, словно торопимся попасть куда-то… но куда?

На следующую милонгу, вот куда. В ту ночь проводится еще одна или две вечеринки, и некоторые уже отправляются туда с

перекинутыми через плечо сумками с обувью. Ритм Нью-Йорка в этом плане уникален. Пожалуй, единственный город в мире, где могла родиться идея «Марафона Практилонги» — безумной комбинации практики, милонги и сердечного приступа («три по цене одного»). Длится подобное мероприятие ровно шесть часов до полуночи, чтобы выжившие успели попасть на другую площадку, где проводится афтепати после милонги — «афте-лонга»: вход после трех утра бесплатный, ни в коем случае не в уличной обуви.

Танцевальный марафон также изобретен в Америке, в Голливуде, в 1910 году, в начале приступа мировой тангомании. Его первой жертвой стала подхватившая «танцевальную лихорадку» жительница Нью-Джерси, проплясавшая без остановки пятьдесят дней. Находясь здесь, вполне могу поверить в это.

— Вы позволите?

— Да, — отвечаю, не успев дотянуться взглядом до лица мужчины, венчающего его гигантское туловище. Собственно, и во время танца я вижу только его грудь. Ее обладатель — Руперт Ньютон. Имя идеально подходит к внешности скучающего джентльмена Викторианской эпохи, коллекционирующего, скажем, марки.

— Я часто бываю в Буэнос-Айресе, — мимоходом сообщает он. — Недавно купил там квартиру.

— Замечательно, — улыбаюсь я, радуясь, что он не замечает зависти в моих глазах. Руперт хороший танцор, но от него веет скукой. И всё-то он видел, и всё-то он знает.

Немного позже выясняется, что он действительно праздный джентльмен, только собирает не марки, а редкие велосипеды и записи танго.

Каких только тангерос я не встречаю в следующие несколько дней — выходцев из разных стран, всех цветов и национальностей, но всех объединяет одно: их распирает от счастья, что они ньюйоркцы. Один из них, молодой болгарин, окончивший когда-то тот же французский колледж в Софии, что и я, теперь работает здесь в банке. К тому же он искусный танцор и приглашает меня на мини-экскурсию по местным милонгам. Он одержим восторгом, доходящим до какого-то безумия. Он *слишком счастлив*, чтобы танцевать.

— Подумать только, Новая Зеландия! Как ты там оказалась? Смотри, не выйди в итоге замуж за фермера, зароешь талант. Тебе надо перебираться сюда, вот где жизнь.

Я хвастаюсь своим путешествием в Буэнос-Айрес.

— *Все* ездили в Буэнос-Айрес. Это ж наши задворки, ну типа

того. Хотя, сказать по правде… — О да, только его правды мне недоставало, учитывая, что у меня и так испортилось настроение, — нам даже не нужно туда мотаться, ведь каждую неделю все эти маэстро приезжают сюда. И еще преподают местные аргентинцы. Они все тут. Здесь нужно быть. — Он смотрит на часы. — Давай, нас ждет вечеринка.

Моя неделя в Америке — калейдоскоп танцев и милонг. В своей попытке «накатать» как можно больше километров на танцполе я забываю имена и площадки, все они смешались в моей голове. Танцевальный мир «Большого яблока» требует нечеловеческой выносливости, и после шести ночей в подобном ритме я начинаю выдыхаться.

Последнее наше мероприятие проходит на открытом рынке в Гринвич-Виллидж. Людей пришло огромное количество: и участников, и просто зрителей. Мой удачливый земляк, как одержимый, выделывает па со своей новой сицилийской знакомой. Спустя несколько лет они поженятся и поселятся в залитом солнце пентхаусе с видом на статую Свободы, в пешей доступности будет с десяток милонг. Их дети будут танцевать танго с американским паспортом в кармане и улыбкой победителей.

А я? Я стою и смотрю на них. Я хочу быть одной из них — одной из этих счастливцев, но знаю, что не могу. Зато я *вижу*, почему танго так популярно в Нью-Йорке: оно каждому дает шанс — мальчику из Софии, девочке из Сицилии, и если ты хорош, то не упустишь его. Эта круглосуточная милонга возможностей очаровывает их и рождает желание танцевать еще и еще. Здесь не Буэнос-Айрес, но нечто подобное по своему величию. Своего рода Вавилон, то, чем аргентинская столица была сто лет назад, на расцвете танго. В тепличных же условиях Нью-Йорка оно до сих пор цветет, порождая новые гибриды.

Но мне пора обратно в мою тихую заводь. Я прощаюсь со счастливчиком банкиром и с кузиной, с которой жила бок о бок все это время. Она, бывшая модель, ростом за метр восемьдесят, пытается прийти в себя после кошмарного свидания с карликом, явившимся в ее квартиру с букетом, за которым не видно его самого. Советую ей попробовать танго. Там так много *высоких* мужчин.

— Звучит заманчиво, — реагирует она. Но в голосе слышится, что моя одержимость кажется ей, мягко говоря, неразумной. Будучи истинной жительницей Нью-Йорка и работая в финансовой сфере, сестра не понимает, как можно делать что-то без *цели.*

— А ты встретила кого-то?

— Конечно, сотни людей. — Мне вспоминаются Карлос Риварола, и Гильермо д'Алио, и все те интересные мужчины, с кем довелось потанцевать. И все же приходится признаться: того самого «кого-то» я еще не встретила.

А теперь назад, в городок с открытки.

«Добро пожаловать в город моряков!» — на океанском ветру под ясным небом Окленда развевался приветственный баннер.

Едва мы приземляемся, я уже хочу обратно в Буэнос-Айрес. Больше, чем когда-либо, я понимаю, что мне не место в городе будущего, городе крепких, любящих путешествовать мужчин. Мой дом там, в столице ночных милонг, курящих тангерос и музыки прошлого, где на улицах царят драматизм и запустение, меланхолия и воспоминания. Скажете, извращение? Возможно. Но такой уж я родилась.

Я не нахожу себе места, зато постура улучшилась, и теперь я без труда могу ходить и танцевать на каблуках. За месяц моего отсутствия ситуация с танго в Окленде изменилась.

Школы Тима Шарпа и Дэна Грина по-прежнему успешно функционируют, но у них появились конкуренты в лице роскошной аргентинки Сесилии и старины Джеффа, каждый из которых открыл свой танцевальный класс. А еще по средам стала проводиться милонга на набережной. В общем, в танго-сообществе все идет к публичным войнам и личным драмам.

В тот год я пережила несколько переломных моментов: свой первый тангазм, первую безумную увлеченность учителем и первые отношения. Мужчины, конечно, были разные, ведь это танго с его неизменными кортинами и сменой партнеров.

(*Пауза*. Предупреждаю: все вышеперечисленное случится и с вами в течение первых двух танцевальных лет, если, конечно, вы не святой и не буддийский монах, хотя в таком случае вряд ли вы бы занялись чем-то подобным. Особенно, хотя и не обязательно, это касается одиноких, пол и возраст значения не имеют.)

По мере перехода на новый уровень танго речь идет не только о ногах, но и о разуме и сердце. И тут нам понадобятся новые термины, среди которых с пугающей регулярностью повторяется слово «невроз».

Танго, как магнит, действует на людей, тяготеющих к психоанализу, отчасти потому, что Буэнос-Айрес — мировая столица в этом вопросе. Неудивительно, что один аргентинский психолог-фрейдист всесторонне исследовал лирику танго. Он обозначил классический цикл «истерического» поведения, характерного для персонажей многих песен. Конечно, в

значительной (если не большей) степени подобное применимо и к танцу. Итак:

1) обольщение (он приглашает, она соглашается);

2) помолвка (они танцуют, они вместе);

3) разрыв (после пары танд они расходятся, спасибо за танец);

4) страдание (мы были так близки, а теперь чужие друг другу, я не переживу);

5) желание (пожалуйста, я хочу все повторить).

Обратите внимание, действие заканчивается желанием и начинается тоже желанием, то есть все циклично: желание — обольщение — помолвка — разрыв — страдание — желание. Желание раз за разом обрекает нас на страдания, и ему мы не можем противиться.

Для неофита танго жизнь проста; поначалу ваше внимание сосредоточено в основном на ногах, и поэтому вы в безопасности. Но при переходе на следующий уровень, когда в игру вступают сердце и разум, — тут уже все по Фрейду.

Итак, однажды солнечным днем я оказываюсь в пригородной Оклендской студии, на практике у Джеффа. В углу зала я заметила парня среднего роста, с короткими волосами, мускулистой фигурой, характерной для игроков в регби, безукоризненными постурой и движениями. Я вроде бы видела его и раньше, и он всегда был сам по себе. Вот и сейчас он тихо тренируется, стоя у балетного станка. Сольное исполнение — одна из сложнейших вещей в танго, потому что вам не на кого положиться, только на свою ось и баланс.

— Это Сильвестр, — поясняет Джефф. — Один из моих учеников, через пару лет он будет прекрасным танцором.

На своих занятиях Джефф преподает стиль, которого и сам придерживается, — стиль милонгеро, или традиционное, близкое объятие. Кстати, Сесилия учит аналогичному танго. Разумно предположить, что, раз они представляют один и тот же стиль, им захочется объединить усилия и вести классы вместе, но нет, они не находят взаимопонимания, да и оба предпочитают руководить. Тем временем Сильвестр, который в обычной жизни занимается чем-то связанным с микросхемами, продолжает серьезно репетировать. Он берет лучшее от учителя и шаг за шагом вырабатывает свой алгоритм движений.

Кстати, любопытный факт об англоговорящих поклонниках танго: среди них преобладают инженеры, физики, IT-специалисты (особенно те, кто интересуется искусственным интеллектом), математики, хирурги и прочие высоколобые. Как-то один

знакомый физик объяснял мне сходство танго с квантовой механикой (или термодинамикой?) с помощью сложной системы диаграмм и формул музыкальных ритмов и шагов.

— Но я хочу просто танцевать и получать удовольствие! — слабая попытка протеста.

— Ты так говоришь, потому что тебя ведут. Можешь закрыть глаза и отдаться течению. А я ведущий. Чтобы ты наслаждалась, мне нужно все распланировать, разложить по полочкам. Мне нужна система.

Воистину, танцевать с ним было все равно что с роботом: функционально и без души. Есть ли система у Сильвестра, я не знаю, он немногословен, зато он явно обладает нечеловеческим терпением, позволяющим месяцами тренироваться одному, прежде чем танцевать с партнершей.

В данном случае — со мной. И вот наш первый танец, первый, базовый, элементарный шаг.

Салида.

В переводе означает «выход», но на самом деле это начало. Один из редких случаев, когда пара выполняет одинаковые движения: оба партнера шагают вбок, «открывая» танец. И хотя ничего сложного, до знакомства с Сильвестром во мне жила уверенность, что никто в Окленде не умеет правильно делать салиду. Но с ним ты точно понимаешь, вернее, тело знает, что он делает. Без принуждения, без пасов руками, без скручивания торсов, без телесных пыток.

Под звуки написанной Пульезе в 1940-е годы песни «Всего лишь раз» со мной происходит нечто странное и неизведанное: мы с Сильвестром превращаемся в единое целое — одно тело, один разум, одно сердце на двоих. Мне чудится, что, пока вот так танцуем, ничего плохого случиться не может. Никогда еще мужчина не дарил чувство такой защищенности, понимания и восхищения. Наши лица рядом, учитывая мои каблуки, а от его шеи исходит аромат тихоокеанских цитрусовых и исполнения желаний.

Это и есть тангазм. Следует ли за ним воображаемая картина нашего долгого счастливого будущего с радостно бегающими детьми и общей старостью под яблонями? Нет! Тангазм не в этом. Он вне времени. Он вне будущего или прошлого. Ничего не нужно, когда есть идеальное, совершенное настоящее. Здесь и сейчас, в эти двенадцать минут танца, которые перетекают в двадцать пять, затем в шестьдесят, затем в три часа. Я растворяюсь в нем, и мы вместе растворяемся в музыке…

Молодая, свободная двадцатисемилетняя девушка. Естественно, я хочу продолжения. А как иначе? Как *не желать*

испытывать подобное снова и снова? Но в полночь музыка затихает, мы прощаемся, обменявшись дежурным «увидимся», и я еду домой.

В машине играет инструментальная версия песни El día que me quieras («День, когда ты меня полюбишь»). В сослагательном наклонении — «день, когда ты полюбил бы меня». Но, хотя я самостоятельно учу испанский, внимания на языковые нюансы и символику сейчас не обращаю. Я ни о чем не думаю. Я чувствую. Испытываю настоятельную потребность снова и как можно скорее танцевать с Сильвестром, и пока это не случится, я не успокоюсь.

И вот спустя неделю мы опять вместе в той большой студии за городом. Но подходит конец занятиям, закрывается ночная милонга, и мы решаем продолжить репетиции под романтичные композиции в исполнении оркестров 1940-х годов. Ди Сарли и Пульезе — в его спальне. «Просто отработаем хиро и очо, и все», — убеждаем себя и друг друга. А из магнитофона звучит трагический голос исполнителя танго «Один лишь раз», предупреждая и повторяя: *«Любовь, которая оказалась ничем».*

«Это всего лишь танго», — говорим мы себе, медленно, но верно приближаясь к кровати… В идеальном мире это могло стать началом восхитительных танго-отношений. Но где он, тот мир?

Как только мы оказываемся вне объятий танго и начинаем говорить, между нами открывается пропасть размером с Тасманское море. Разные ритмы, разные жизни: я — далекий от спорта человек, обитающий в своем мирке книг, фильмов и тоски по Европе. Он — атлет, любитель микросхем и Азии. Ничего не получается. За пределами дансинга любви между нами нет. Через пару недель все кончено. Но Сильвестр потрясающе талантливый, достойный парень, и мы продолжаем танцевать и после финала.

Тем временем на занятия Сесилии в небольшой студии над «Макдоналдсом» стекается все больше и больше учеников. Здесь мы возвращаемся к азам, то есть не осваиваем последовательность шагов, а заново проходим технику.

— Стопы в одном направлении, будто катаетесь на лыжах! — командует Сесилия, щелкая пальцами в такт и лучезарно улыбаясь. — Вы должны двигаться мягко, плыть! Не бултыхаться, как пробки! И не тонуть, как «Титаник»!

А мы бултыхаемся и тонем — все, кроме Сильвестра, который вскоре становится партнером Сесилии в классе. Танцуя с ним, преподавательница надевает туфли с открытыми носками, выражая тем самым доверие. Их слаженный, монолитный дуэт — живое воплощение идеального близкого объятия. Я не позволяю

себе и намека на ревность, потому что мой мир озарен улыбкой Сесилии. А мы с Сильвестром по-прежнему с успехом испытываем наш тангазм, хотя и немного болезненный.

Но вот приходит время приезда Карлоса Риваролы с его неизменным калебасом.

— Как приятно снова здесь оказаться, — улыбается он восхищенным тангерос, которым очень хочется верить в его искренность.

С нашей первой встречи прошел год, и теперь, умудренная опытом, я понимаю, почему танец с ним подобен танцу с ангелами. Он умеет перейти от открытого объятия к близкому и обратно так, что вы даже не заметите. Он никогда не позволит вам почувствовать, что вы ошиблись. Он сглаживает ваши неудачи и подчеркивает моменты, когда вы грациозны. Он не просто маэстро, он джентльмен.

И снова я покорена им. И когда мы с Джеймсом берем у Карлоса частный урок и тот говорит, что ноги должны быть «более эластичными», я так отчаянно стараюсь добиться его похвалы, что еще больше костенею. Буквально превращаюсь в Пиноккио. Но учитель великодушно улыбается:

— *Очень хорошо*! Просто расслабься и наслаждайся!

Именно об этом я и забываю. Невозможно ничего добиться ни от танго, ни от себя, если не расслабиться. Вот почему Тим Шарп всегда выглядит так, будто все еще катается на льду за сборную Новой Зеландии, — он не умеет расслабляться. Это не в его характере. И все же Тим Шарп, как и Сильвестр, ведет блестяще. Не могу понять, почему.

Тайна раскрывается на последнем уроке Риваролы.

— У него правильная постура, — говорит Риварола. — *Estampa*.

Сильвестр и Сесилия демонстрируют *очо кортадо* — прерванное очо — основной элемент танцевальных вечеров танго, позволяющий экономить место на танцполе, и одно из старейших движений.

— Мужчине в танго не обойтись без *estampa,* — повторяет он.

— Поза, осанка, — переводит Сесилия. Я бы назвала это «печатью танго». В студии только три человека, совершенно разных внешне, отмечены такой печатью: Карлос, профессиональный танцор, который и выглядит соответственно, Сильвестр с телосложением Рэмбо и Тим Шарп, худой и угловатый.

— И ведет он грудью, видите? — продолжал комментировать маэстро. — Не ногами, не руками, а грудью ведет. А внутри — сердце. Si?

Он улыбается нам. Мы слушаем затаив дыхание. Да, сердце.

Хотя в танго я за год поумнела, в других отношениях — вряд ли. Вот почему за обедом я оказываюсь за одним столиком с Карлосом и пускаю через соломину пузыри в свою газировку, пока он терпеливо поправляет мой испанской («ты находишься здесь», а не «ты находится здесь»).

Я мечтала поговорить с ним об одиночестве и желании, но вместо этого молча смотрю на залив Вайтемата, что в переводе с языка маори означает «сияющий». Здесь так хорошо, все переливается на ярком солнце, в жарком небе парят чайки. А моя душа — в Буэнос-Айресе, в темных салонах с потертым плюшем и сигаретным дымом. И Карлос воплощает ту вселенную, о которой я грежу. Психологи окрестили бы мое влечение к нему перенесением: вытесненной эмоцией. Лично я, будучи в хорошем расположении духа, назвала бы это неуместной эмоцией, в противном же случае — старой доброй похотью.

Джентльмен остается джентльменом всегда, а не только во время танды, поэтому ничего *такого* между нами не происходит. Но пережитого достаточно, чтобы после его отъезда болело в груди, а город вновь опустел.

В идеале танго — гармония между желанием и самоконтролем, встречами и расставаниями, близостью и почтительным расстоянием.

В идеале, но не для меня, у которой желание всегда перевешивает, — собственно, поэтому я так влюбилась в танец. Танго *придумали* люди, обуреваемые страстями: обездоленные, одичавшие без ласки мигранты и неудачники из портовых трущоб, пытавшиеся телом выразить свою тоску по дому и женщине, чтобы окончательно не сойти с ума. А женщины, с которыми они впоследствии начали танцевать, принадлежали тому же миру тьмы: притонов, фабрик, борделей и улиц. В общем, во все времена танго предназначалось для изголодавшихся людей.

Оказалось, что таких полно в Окленде. Поэтому в нашем буржуазном мире многие рано или поздно, как пчелы, попадаются в эту сладкую ловушку. Настоящие драмы разыгрываются в гавани Виадук, а именно в кафе Limon, которым владеют турки и где раз в неделю собираются члены местного танго-сообщества. В свободное от разглядывания посетителей время владелец заведения, похожий на холеного аллигатора, ест спагетти и читает Достоевского на турецком.

На стене внутри кафе висит огромная картина, на которой двое то ли занимаются сексом, то ли убивают друг друга. Ее

автор — ливанский художник, угрюмый сердцеед, время от времени заглядывает в кафе, исполняет несколько томных танцев и уходит восвояси, оставляя на набережной потрясенных официанток, глядящих ему вслед.

Наша компания тангерос — смесь чудаков, культурных гибридов и выживших после жизненных крушений. В этом экзотическом вареве встречаются, впрочем, и «нормальные» люди — такие как Джефф и его девушка, хотя она уже не его девушка, так как у них *«все сложно»*.

В танго всегда непросто. Если вы не женаты, все еще хуже, ибо сложности тогда не так очевидны. Но они есть в любом случае, ведь танец привлекает сложных людей.

Скажем, Джерри из Ирландии с детским лицом. Он психолог, его партнерша — красавица голландско-португальских кровей. В Стране киви выходец с Изумрудного острова оказался потому, что женился на местной, родившей ему ребенка аккурат перед тем, как их брак пошел ко дну. Обычный сценарий для иностранца в Окленде. Джерри часто восклицал, что хотел бы оказаться где-нибудь подальше. Правда, женившись на своей голландко-португалке (которая любила появляться на милонгах в разных париках, чтобы, по ее словам, «ощутить себя кем-то другим»), он так говорить перестал. Через пару лет они развелись.

Или вот Ануш, армянка из Нью-Йорка с усталым лицом, измученным сердцем и ярко накрашенными ногтями. Она дизайнер одежды для танцев и с щегольством носит, а заодно и рекламирует собственные наряды. Ее откровенные декольте и оголяющие живот модели, как говорится, оставляют мало простора для воображения. Будучи лучшим и самым опытным танцором местных вечеринок, она придерживается аутентичного стиля милонгеро.

— Ты была в Нью-Йорке, Капка. И знаешь разницу между танцем там и тут. Ты понимаешь, как я себя здесь чувствую. Но, пожалуйста, не давай мне зацикливаться на этом. Я здесь ради него, и он того стоит.

Он — муж по имени Тэм, жизнерадостный англичанин, который давно живет в Окленде. Отправившись однажды на отдых в Америку, Тэм вернулся оттуда с Ануш и совершенно новым имиджем, превратившись из неуклюжего домоседа в лощеного тангеро.

Вскоре Ануш становится королевой Оклендского танго. Она преподает, организовывает милонги, борется за сферу влияния с самопровозглашенными гуру, которые появляются неизвестно откуда и ведут свои маленькие группки. Один из таких «чертей из табакерки» — коротышка-аргентинец с замашками Наполеона,

душеприказчик отчаянных домохозяек в Норт-Шор-Сити. Миниатюрный учитель с бородкой, как у его предков гаучо, в сдвинутой на бок шляпе-котелке, и его свита из ярко накрашенных дам средних лет в узких дизайнерских платьях и боа напоминают массовку фильмов Дэвида Линча. Они веселятся, даже если Джефф злится и бормочет сквозь стиснутые, темные от вина зубы: «С каждым их шагом близится смерть танго».

Ануш наблюдает за ними из-под полуприкрытых век, выразительно приподнимая брови. В своих эффектных туфлях на высоких каблуках, со всем присущим ей пылом, преисполненная благих намерений, американо-новозеландская тангера проводит милонги, похожие на мероприятия местных муниципальных собраний, — с тортами на дни рождения, пиццей, воздушными шарами и регламентированной сменой партнеров. Меня подобные вечеринки не очень вдохновляют, на них я чувствую беспросветное одиночество. Но она одержима всем этим, и ученики показывают прекрасные результаты. А еще у Ануш прекрасное чувство юмора:

— У меня сегодня новичок: одет как денди, но с явными отклонениями. Говорит: «Каким животным мне стать?» Я отвечаю: «Просто будь собой». А он: «Нет, мне нужно быть кем-то. Каково это — овладеть женщиной, будучи тигром, или соблазнить ее, как будто ты змея?» Говорю тебе, чудаков хватает, зато я так повеселилась.

Не всем посетителям Limon весело. К примеру, Рейчел: она переехала в Новую Зеландию из Германии много лет назад, ей всего тридцать с небольшим, но, глядя на нее, складывается впечатление, что она уже умерла и просто ждет своего часа в какой-то тоскливой приемной загробного мира. Ее одежду, казалось, достали из саквояжа меланхоличной дамы прошлого века, в волосы она любит вдеть бумажный цветок или укутаться в цыганскую шаль, но никакие украшения не способны смыть печали с ее лица. Несчастье стало ее отличительной чертой. В редкие моменты, когда, теряя самообладание, Рейчел издает нервный смешок, невольно пугаешься и ждешь, что за ним последует истерика, но она быстро берет себя в руки.

Каждый раз, глядя на нее, мне чудится, будто я совершила нечто ужасное. Позднее подобное выражение лица, говорящее «ты виноват в моих страданиях», я часто встречала и у других танцовщиц.

И все-таки Рэйчел не может не вызывать симпатии. Она австрийская еврейка, изгнание у нее в крови, и любит упоминать о «лучших годах жизни», оставшихся в прошлом. Роскошные милонги в Германии, работа с «экспериментальными»

театральными труппами в Берлине — вот какие были времена. Однажды она исчезла. Отправилась в Вену. Все решили, что назад она не приедет. Но мы оказались неправы:

— Рейчел, мы думали, ты не вернешься.

— Я же здесь живу, а в Европе просто гостила.

— Нет, ты здесь не живешь. Ты здесь существуешь.

В ответ она *рассмеялась*. Оказывается, один богатый итальянец сделал ей предложение, и это ее явно приободрило.

— Но я не полюбила его. Пыталась, но не смогла. Я жила на его вилле в Тоскане. Вы и представить себе не можете. Но не могу выйти замуж без любви, я слишком романтична, — она хихикнула от осознания собственной романтичности, а затем снова ударилась в воспоминания: — И дом у него восхитительный, и сама Европа.

Мне стало любопытно, вспоминала ли она Новую Зеландию с тем же восторгом, попивая кьянти на тосканской террасе: «О, западный берег Окленда. О, черный песок. Вы и представить себе не можете».

А я могла представить, и очень хорошо, потому что Рэйчел — это Капка, преступившая опасную черту: австрийка сошла с ума от СХЖ, синдрома хронического желания. Ее история служила предостережением всем оклендским тангерос, запертым в мире своих грез. Танго, как голос сирены, летящий через Тихий океан с пустынных улиц какой-то мифической вечной столицы, где танцуют ночи напролет и пьянеют от чувственности. И тех, кто слушал его слишком долго, он мог утащить на дно; вот отчего мы цеплялись друг за друга, как за спасительные бревна.

Урок — практика — милонга. Милонга — практика — урок. Как при любой зависимости, трудно сказать, была ли моя потребность в танце психологической или физической. У меня был Сильвестр, и люди в кафе Limon, и вечная музыка Пульезе, Ди Сарли и Пьяццоллы, и все же за пределами танцевального распорядка все было туманно. Для надежности прошлое я закрыла на замок. Будущее было неведомо. Жизнь представлялась набором фрагментов. Единственное, что мне нравилось в моем настоящем, было танго. Все, что мне нравилось *в себе*, тоже связано с танго. Меня переполняли разного рода желания, но я не знала, куда их направить, кроме как в танго.

Кто-то сказал, что люди могут жить только в местах, где обитают призраки. В Окленде их, в отличие от танго, не хватало. И поэтому мы сделали мир танца своим миром, по максимуму заселив духами.

Однажды вечером шаркающей походкой в кафе входит лысый

тип с погасшей сигаретой.

— Это же Клайв Джеймс, — ахнул кто-то.

Именно.

— Танго в Окленде, — растягивает он слова. — Вот уж правда, счастливая ночка мне выпала.

Он посмеивается над нами, но такой уж у него стиль. Он и над собой умеет пошутить — вспомните, к примеру, тот эпизод из «Открытки из Буэнос-Айреса», где Густаво Навейра показывает знаменитому австралийцу несколько основных танцевальных шагов, а тот все путает.

И, представьте, популярный писатель, поэт, ведущий и т. д. приглашает на танец меня! Звучит драматическая музыка Пульезе. Ведет мистер Джеймс хорошо, чувствует музыку, но…

— Что-то подсказывает мне: вы выпили, — заявляю я после первой мелодии. Грубо, да. Но любой тангеро знает: танцевать пьяным равносильно вождению автомобиля в аналогичном состоянии.

— А мне что-то подсказывает, юная леди, что у вас нос, как резак для бумаги. И язык ему под стать, — парирует он.

Так началось наше поразительное общение. Мы будем курить сигары, есть, читать, писать, подшучивать над собой и людьми и иногда танцевать. Дружбе с Клайвом, как выяснится, суждено пережить много других прекрасных явлений моей жизни.

А вот другая ночь. В Limon входит незнакомый молодой мужчина со скромной улыбкой и неясными чертами лица. Такими же размытыми, как кельтская татуировка на его руке. Мы танцуем под музыку песни Гарделя «День, когда ты меня полюбишь».

Незнакомца зовут Джейсон, и он идеально вписывается в атмосферу заведения, ибо, как и все мы, он, похоже, в поиске. Мы болтаем, вдруг — щелчок, и меня пронзает ослепляющая боль, сродни сердечному приступу. Любовь с того самого, первого взгляда. И, разумеется, я воображаю, что это меня он так долго искал.

Пятая минута
День, когда ты меня полюбишь
Урок: Разрыв

К моменту встречи с Джейсоном я занимаюсь танцами примерно год и прекрасно знаю: то, что происходит с ногами, в танго не главное. На самом деле я начала даже смутно догадываться, что танго вообще не связано с чем-то осязаемым. Бандонеон, туфли, истоптанный пол, тела тех, с кем мы танцуем, наши собственные тела — все это на поверхности.

Кстати о телах: выйдя первый раз с Джейсоном на танцпол, я не испытывала ничего похожего на тангазм. Мы даже не особо подходили друг другу. Юноша был слишком высок, привык к открытому объятию, но, главное, он не отдавался музыке полностью, вел «вполсердца», будто не был уверен, нужно ли ему это все. Складывалось ощущение, что он может передумать в любой момент и бросить танцевать. Или бросить *меня*, что значило бы одно и то же.

И все же кое-что в Джейсоне поразило, точнее так: если бы кто-нибудь спросил, чего я искала в танго и в жизни в целом, я бы ответила *«это»*. Найти кого-то, с кем можно прочувствовать *«это»*.

Поделиться своим тангизмом — особым духом, внутренней тоской, ностальгией и желанием. И это не то же самое, что «эстампа». Эстампа — это и поза, и осанка, и музыкальность, и манера двигаться. Иначе подобное я могла бы пережить с Сильвестром и другими великолепными танцорами (например, Карлосом Риваролой). Нет, тангизм касается не тела, а души.

Джейсону тангизма было не занимать. Он всегда улыбался, но оставался печальным. Находясь в одном месте, мечтал оказаться где-то еще. Будучи по профессии аналитиком данных, он цитировал Борхеса, Неруду, Томаса Элиота и слова из танго-песен. В его спальне на стене висел портрет Пульезе в очках. В моей — фотография Пьяццоллы с бандонеоном. Мы оба были изгоями из собственных жизней.

С самого начала знакомства у нас обнаружились общие «симптомы».

КАПКА: Почему ты уехал из Лондона?

ДЖЕЙСОН: Я крутился там как белка в колесе, и только танго приносило мне наслаждение. Стал подумывать о старой доброй Новой Зеландии, тем более что скучал по серфингу.

КАПКА: Ну, жить здесь хорошо.

ДЖЕЙСОН: Сейчас я уже не уверен. Лондонское танго великолепно. Милонга Zero Hour в клубе Dome, с настоящими аргентинскими преподавателями, такими как Гавито… а тут: земля бесстрастных людей…

КАПКА: Ты можешь жить собственными страстями. И потом у тебя в Окленде старые друзья…

ДЖЕЙСОН: Да, только их поглотили закладные и кредиты. Я слушаю звуки танго, а они — жужжание холодильника. У меня с ними не осталось практически ничего общего.

КАПКА: Заведи новых друзей. Здесь танго увлекаются очень хорошие люди.

ДЖЕЙСОН: Нельзя привыкать жить тут. Нужно смотреть в направлении Европы. Ты ведь человек мира, а можешь зачахнуть и умереть в пригородном мещанстве.

КАПКА: Знаю и ужасно тоскую по Европе. А ты скучаешь по Буэнос-Айресу?

ДЖЕЙСОН: Я провел там два лучших года своей жизни.

КАПКА: Станцуем? Это Гардель!

ДЖЕЙСОН *(иронично напевая)*: День, когда ты меня полюбишь…

Если любым танго-отношениям соответствует свой саундтрек, тогда нашим был Vuelvo al sur («Я возвращаюсь на юг») в исполнении Gotan Project. Джейсон узнал об этих музыкантах еще в Лондоне, услышав альбом La Revancha del Tango («Реванш танго»), с которого началась новая волна мирового помешательства на танго. Это зажигательные электронные композиции, основанные на классических мелодиях, с реальными голосами Эвиты и Че Гевары; и стихи, забавно искажающие политиков и поэзию, благо мой испанский достаточно прогрессировал, чтобы понимать смысл. Песня Vuelvo al Sur особенно меня поразила: «Я возвращаюсь на юг, как возвращаются к любви/Со страхом и желанием», и мы слушали ее снова и снова.

Vuelvo al Sur — в психоделическом свете тихоокеанского лета.

Vuelvo al Sur — во время прогулки по черному песку на западном берегу, там, где снимали фильм «Пианино».

Vuelvo al Sur — когда Джейсон решил отрабатывать хиро прямо в океанских волнах во время отлива.

Юг мог бы освободить нас от ужасного бремени желания. Одна беда: мы уже находимся на такой точке карты, что чуть южнее — и можно потерять почву под ногами и свалиться с глобуса.

— *Я теряю почву под ногами*, — заявил в один прекрасный выходной день Джейсон. Мы потягивали капучино и смотрели на безоблачное небо, пронизанное «пиками» мачт. — Может быть, это все, что остается, когда тебе тридцать. Оставить мечты. Стать провинциальной посредственностью. Или сбежать в Буэнос-Айрес.

— Тогда поехали, — сказала я. Через несколько недель его друг собирался жениться в Уругвае. — На месяц. Время у нас есть, а деньги найдем.

— О, время, силы, терпение и звонкая монета! — процитировал он Германа Мелвилла. Он был силен в цитатах.

(*Пауза*. Бедный Мелвилл и не подозревал, что описывал состояние танго, хотя тангизм предшествовал возникновению самого танца. И, поверьте, роман «Моби Дик», где корабль в море, как душа в поисках чего-то недосягаемого, — по сути, классическая танго-история.)

— Ты знаешь, что происходит сейчас с аргентинской экономикой? — это уже не цитата. Я знала: она дышит на ладан, но не могла позволить каким-то мелочам встать на пути моего счастья.

Когда мы приехали в Буэнос-Айрес, там происходило следующее: во-первых, катастрофический экономический кризис. Во-вторых, ежегодный городской чемпионат по танго. А вскоре предстояло третье событие, которое, правда, касалось только нас с Джейсоном. Но сначала о первых двух.

То, что Аргентина пребывала в упадке, было заметно с первых минут. Да и трудно не заметить распыленное на городской ратуше огромное граффити «Когда бедность — закон, насилие — справедливость». Днем и ночью толпы участников «кастрюльной» революции выражали протест, выходя на улицы и исступленно стуча по пустым кастрюлям и сковородкам. Они возмущались тем, что за считаные дни все их накопления исчезли в мифических карманах бывших властей.

Люди крушили фасады домов, витрины магазинов, даже уличные фонари. Двери опустевших банков были закрыты металлическими листами, обвинительным блеском сиявшими на солнце. Бездомные, кутаясь в грязные спальные мешки, ночевали в переходах на улице Авенида 9 июля — промозглом подземном городе с киосками, сувенирными магазинами, будками ремонта обуви и ларьками с фастфудом. Вечером оттуда вылезали старьевщики и отправлялись инспектировать мусорные баки.

На каждом углу стояли полицейские в бронежилетах. Казалось, они сами в любой момент готовы расплакаться, потому что, подобно всем остальным, хранили деньги в банке и из-за

ненавистных правительственных мер, получивших название *«корралито»*, остались ни с чем. В банкоматах кончились наличные. Отчаявшиеся жители атаковали обменные пункты, пытаясь поменять свои доллары. Но никакую валюту реализовать было нельзя, так как официального курса песо по отношению к доллару не существовало. Никто не знал реальной стоимости вещей.

Это был год *бронки*. Так называют особый феномен, коктейль из городской ярости и бесчестия. Бронка и банкротство — «две сестры», ожидавшие нас здесь.

Мы с Джейсоном сняли комнату в дешевом отеле Astoria на Авенида де Майо, где оказались единственными постояльцами. Наш балкон выходил на широкую улицу. Причудливые крыши домов крошились, как старые пирожные-меренги, из их разбитых окон вылетали голуби. Свесившись через железные балконные перила, мы наблюдали крах города со смешанными чувствами: болезненного изумления и недоверия. Это был конец эпохи, конец того Буэнос-Айреса, который мы знали.

Сидя в номере, мы щелкали пультом, переключая телевизионные каналы от новостного до специализированного — посвященного пластической хирургии, пока, наконец не натыкались на круглосуточный канал о мире танго, где все шло, как всегда:

— *Дорогие друзья по танго*, — ведущий улыбался своей пластиковой улыбкой, обнажая искусственные зубы.

Друзья по танго — это мы. Гости на свадьбе. Герои Грэма Грина в неспокойной чужой стране: славные, но слабые, действующие из лучших побуждений, но облажавшиеся, со скрипящим над головами вентилятором и неудачей, поджидающей за поворотом.

Вечерами, чтобы танцевать, мы по несколько километров шли пешком, так как уличное движение было блокировано демонстрантами. Именно на милонгах наши отношения стали постепенно ухудшаться. Ночь за ночью Джейсон просиживал в клубах, похожих на аргентинскую экономику.

— Мы в кризисе, — улыбаясь своей извиняющийся полуулыбкой, он все время цитировал популярную в те дни фразу *Estamos en crisis*.

Казалось, что даже здесь, в центре Тангополиса, настоящее для него не существовало, а привлекали лишь ломаные ритмы прошлого, как своего, так и города. Его все больше охватывала какая-то неизлечимая тоска.

Джейсон отказывался танцевать со мной, ибо его танго тоже пребывало «в кризисе» и он не хотел меня «мучить». Но так как

сидели мы рядом, другие мужчины меня тоже не замечали. Это против правил — похищать даму у ее сопровождающего.

Позвольте мне объяснить кое-что о времяпрепровождении на милонгах — это своего рода малопонятная астрофизическая аномалия. Когда вы (женщина) хотите танцевать, ждете приглашения и ничего не происходит, время замедляется, и в душе зарождается арктический холодок. Минуты тикают, температура внутри падает, и вот уже наступает погода, идеальная для образования ледников. Естественно, вы чувствуете все приступы танго-гипотермии — пульс слабеет, дыхание замедляется. В итоге наступает смерть от невнимания. Причем все вокруг продолжают веселиться…

Удивительно, но переживания не мешали Джейсону периодически медленно и апатично подниматься со своего места и отправляться танцевать с другими женщинами. Я наловчилась притворяться равнодушной. Ревность и готовые вырваться рыдания я безжалостно душила, глядя на гладко выбритые щеки мужчин, которые все-таки в конечном счете приглашали меня на танец. Но наслаждаться танго не получалось, ибо в голове, а что еще страшнее — в сердце, был Джейсон.

Я угодила во фрейдистский цикл истерического танго и находилась где-то между третьей (разрыв) и четвертой (страдания) стадиями, болезненно подогреваемыми пятой (желание). Вынуждена признать, что психоаналитики не ошибались. По крайней мере, судя по той ночи.

«Ненавижу эту любовь», — напевала я куплет из «Унижения», сидя в одиночестве за столиком в La Viruta, в то время как две сотни человек танцевали. Состояние, абсолютно противоположное тангазму. Настоящий танго-ад.

— Это делает меня несчастной, — сказала я в такси по дороге в отель в час ночи. К тому времени демонстранты уже разошлись по домам.

— А меня возмущает, что я должен нести ответственность за твое счастье, — огрызнулся он.

— Ты должен заботиться о *своем*, — вернула я подачу.

— Если это способ…

— Откуда вы? — внезапно спросил по-испански водитель. И сделал потише радио, по которому *как специально* передавали песню Rencor («Злоба»).

— Из Новой Зеландии, — ответила я со злостью.

— Туда легко эмигрировать?

Мы не знали, мы пытались не думать об этом. Но чья-то реальная беда, в отличие от страданий, причиняемых нами самим себе, заставила нас замолчать.

Джейсон отправился в номер, а я в бешенстве рванула во тьму боковых улочек, надеясь, что «прекрасный принц» не позволит мне скитаться одной. Но с какой стати? Оставлял же он меня сидеть часами в одиночестве на милонгах!

(*Пауза*. Давайте начистоту: он предоставлял меня самой себе, чтобы я могла отвечать на приглашения других мужчин. Но влюбленной женщине трудно мыслить рационально, я мечтала видеть его рядом и танцевать с ним. Конец истории.)

Недалеко от меня в отбросах рыскали *картонерос* — люди, зарабатывающие на жизнь, сдавая картон на переработку. Они беззлобно выкрикивали непристойности в мой адрес, а я думала, что, если они меня изнасилуют, это послужит ему уроком. Присев на оконный карниз посреди разбитой мостовой и мусора, утонула в жалости к себе.

Всё не то: и Буэнос-Айрес, и наши танго-отношения, которые родились из этого танца, а теперь лишали его магии и красоты, подобно тому как бронка портила атмосферу города «чистого воздуха»[4].

Пока я оплакивала Аргентину и себя, втайне веря, что Джейсон появится и одним взмахом руки спасет нас обеих, ну или хотя бы одну из нас, напротив меня возник аргентинец в разбитых ковбойских сапогах и с помятым лицом. Вышел он, судя по вывеске над дверью, из порнографического видеосалона, внутри которого горел красный свет.

– *Красавица*, все в порядке? Ждешь кого-то?

— Нет, — с горечью призналась я. — Потому что он не придет.

— Ну, тогда не стоит ждать, — он собрался уходить, но остановился. — Если хочешь знать мое мнение, не стоит ждать. Ничего и никого. Я тоже влюблялся, но после того, как мне пару раз разбивали сердце, зарубил себе на носу. Чао, милашка, иди-ка ты домой.

Где-то вдалеке раздавались сирены. Я воспользовалась советом и вернулась в отель к Джейсону. Он порывисто обнял меня, и мы уселись смотреть телевизор — там чьи-то ноги «рисовали» замысловатые украшения. *Дорогие друзья танго…*

Дела пошли на лад, когда Джейсон уехал в Уругвай. Я осталась, потому что свадьбы, даже чужие, меня никогда не привлекали. Кроме того, я просто не могла пропустить городской чемпионат Буэнос-Айреса. Это было соревнование непрофессиональных пар социального танго, демонстрирующих тонкости техники, а не обнаженные бедра, как принято в шоу-танго. Первичный отбор участников проходил на регулярных милонгах.

Я отправилась в центральный клуб под названием Porteño y Bailarin (самые интересные мероприятия по четвергам). И там по воле судьбы, будучи единственной иностранкой, познакомилась с Мерседес и ее другом Марио, торговцем автомобилями лет сорока в кремовом костюме с лицом героя-любовника, в глазах которого было то, чего я не встречала ни у одного автомобильного дилера, — ирония. Городская, типично буэнос-айресская ирония человека, который вот уже двадцать лет посещает милонги. Он мне сразу понравился, и я мгновенно влюбилась в Мерседес, миниатюрную, семидесятилетнюю, с аккуратно накрашенными губами. Бывшая балерина, она все это уже видела, но не теряла интереса.

Меня пригласили за их столик посередине зала, в «партере», совсем рядом с танцполом. Танцуя одну или две танды за ночь, основную часть времени Мерседес просиживала, потягивая шампанское, охлаждавшееся в ведерке, и комментируя происходящее к восторгу тех, кто сидел позади нее.

— Вон горбун из «Собора Парижской Богоматери»! Посмотрите на постуру. Вперился в пол, монетки, что ли, выискивает? А это что за развалина с крысиным хвостиком идет?

Она показала на скандально известного милонгеро по кличке Итальянец — местного жителя, впрочем, никакого отношения к Италии не имевшего. Если верить слухам, раньше он работал плотником и обитал с семьей в Милуоки, но через тридцать лет респектабельной жизни вернулся в столицу греха холостяком и продавцом наркотиков. Семь ночей в неделю на милонгах появлялись его «беременный» живот и рубашка с пятнами пота. Их обладатель жевал наркоту, строил рожи невидимым соперникам и беззвучно, одними губами, напевал песни, каждую из которых знал наизусть.

— Парень с приветом, — продолжала Мерседес. — А пристает к молоденьким цыпочкам. И ведь танцуют же они с ним! Воистину, женщины — идиотки! Нет у них мозгов.

— Ох, Мерседес, — попытался протестовать Марио, но возражать ей бесполезно. Она всегда была права. Тем не менее, когда позднее Итальянец возник на моем пути, я выдержала испепеляющий взгляд экс-балерины и откликнулась на его приглашение. Виной тому любопытство: наблюдая, как он двигался в компании длинноногой и длиннорукой нимфы, трудно было не поверить… во что-то хорошее. На его лице блуждало отсутствующее и блаженное выражение, он бережно обнимал голую спину своей партнерши, а губы шептали слова вальса «Моя душа». Сам он называл себя «*грязным старикашкой*», но придерживался важного принципа танго: «На улице ты можешь

казаться последней пьянью, но здесь, на танцполе, где знакомы каждый сантиметр, каждая песня, каждый такт музыки, на двенадцать минут твои грехи искупаются».

После пары милонг, во время которых он не пропускал ни одного такта и «загонял» меня до того, что впору было менять мокрую от пота одежду, я спросила: «Почему вы вернулись в Буэнос-Айрес?»

Начинался следующий танец. Его глаза сверкнули, он снова взял меня за руку и ответил: *«Con el lungo Pantaleón / Pepino y el Loco Juan».*

Я не поняла ничего, кроме двух вещей. Во-первых, фраза прозвучала на лунфардо, урбанистическом жаргоне, подвластном только старым жителям Буэнос-Айреса. Во-вторых, это была первая строчка из звучавшей в тот момент лихой милонги Un baile a beneficio («Благотворительный бал»). Танцуя, он шептал мне в ухо слова песни, рассчитывая сразить меня наповал, но вместо этого убил всякий интерес к себе и желание танцевать с ним дальше.

(*Пауза.* Во всех странах можно встретить представителей особой породы мужчин, которые во время танды без звука напевают вам в ухо, бормочут, вздыхают — в общем, издают загадочные отвлекающие звуки. Подобное музыкальное сопровождение навсегда отбивает охоту танцевать с их авторами.)

Возвращаясь за столик Мерседес, я чувствовала себя пристыженной, а она демонстративно молчала. Марио посмотрел на «женщину без мозгов» и приподнял брови в присущей ему ироничной манере, на их лицах читалось выражение: «В следующий раз будешь знать».

— Мерседес, — моя попытка восстановить мир. — Каковы основные правила чемпионата?

— Есть два категории: социальное танго и шоу-танго. В социальном не должно быть никаких *вольностей*. Никаких ганчо, никаких глупостей.

— В сценическом же нет места для *скромности,* — усмехнулся Марио. Как и его спутница, он был ярым приверженцем стиля милонгеро.

— О, кого я вижу, стоило остаться одному, как на свежую кровь потянуло? — взглядом Мерседес указывала на элегантную пару.

Мужчина, известный танцор Рикардо, с хвостиком и в блестящем черном пиджаке, походил на преуспевающего сутенера. А женщина была стюардессой из Франции с дымчатым макияжем глаз, которые сверкали холодным блеском тангомании. Мы уже встречались, она подходила ко мне после моего танца с

Рикардо.

— И как с ним? — спросила она.

— Отлично, — ответила я, как будто танцевала с ним всю жизнь.

— Он редко приходит на милонги. Но, думаю, теперь, раз он свободен, то начнет появляться здесь чаще.

Я ожидала, что она представится, но моя персона ее явно не интересовала. За время беседы она ни разу на меня не взглянула, неотрывно следя за Рикардо и пытаясь уловить *его* взгляд.

(*Пауза*. Женщины танцуют с мужчинами, знакомятся с ними и борются за лучших из них. Однополая дружба складывается лишь со временем, в давно устоявшихся компаниях тангерос. Вот почему в книге так мало женских персонажей.)

— А вот и кенгуру! — Мерседес смотрела на длинноволосого танцора в очках, с подпрыгивающей походкой.

— Австралийское танго! — хихикнул Марио.

— Не могу понять, он скачет или дергается? Терпеть не могу это кенгуриное танго.

Но парень был явно забавный, и позже я с удовольствием приняла его приглашение. Он странно держал правой рукой меня за талию, будто мое тело — арфа или бас-гитара. И кстати, на самом деле оказался профессиональным контрабасистом. Словом, двигался он с претензией на оригинальность. И был похож на иностранца.

— Нет, я не иностранец, — сказал Дарио. — Я стопроцентный аргентинец, то есть стопроцентная смесь. А сейчас живу в Бразилии.

Его бразильская жена, психоаналитик, тоже присутствовала на вечеринке. Она выглядела очень печальной, наблюдая, как Дарио танцует с другими женщинам (он это делал редко, дабы, по его словам, «не будить лихо»). Выражение ее лица оставалось таким же грустным и тогда, когда она сама танцевала со своим мужем. Мне в голову закралась крамольная мысль, что они с Джейсоном хорошо подошли бы друг другу.

— Невозможно весело проводить время, если приходишь со своей партнершей, — заявил Дарио. — Подобные вечеринки *нужно* посещать одному, в этом вся суть.

В следующий раз я встретилась с ним на знаменитой милонге Salon Caning (лучшие вечера по вторникам, пятницам, воскресеньям). К тому времени его жена уже вернулась домой.

— Вот честно, прямо груз с души, не могу расслабиться, когда она рядом. Ну а ты, Капка, почему такой вид? Дай угадаю: твой мужчина уже неделю не звонит из Уругвая.

Готовая разрыдаться, я кивнула и закурила свою последнюю

сигариллу, покачиваясь на семи-с-половиной-сантиметровых каблуках новых, состоящих из нескольких полосок черного вельвета, босоножек с *открытым* носком. Такие туфли — поворотный момент в танцевальной жизни любой женщины. Тем вечером я представляла собой мелодраматическую пародию на *тангеру* из песни. Например, на трагическую Малену — героиню одноименной классической композиции, на Малену, которая «поет, как никто другой», Малену, «с которой плачет бандонеон».

Существует множество версий рождения этой песни. Согласно одной из них, поэт Омеро Манци увидел выступление Малены де Толедо и был так поражен, что посвятил ей одну из самых проникновенных мелодий в истории танго. Услышав ее спустя какое-то время, певица оставила сцену. Малена убила свой собственный прототип, если можно так выразиться.

— Коробка из-под сигарилл пустая? Давай мне, — Дарио пытался развлечь меня болтовней. — Супруга их собирает, а я за мир в семье. Так или иначе, знаешь, все не вечно, ты не всегда будешь влюблена, и, значит, хорошие времена вновь настанут. Я разбираюсь в таких вещах. Моя жена может подтвердить. Ну а пока у нас есть танго, слава Господу или точнее, слава Пульезе. Единственное, чем я обязан Богу, — тем, что он научил меня *слушать* Пульезе. Поехали!

Когда мы закружились по залу, я осознала, что Дарио прав. Хотя его манера держать меня за талию немного раздражала, я веселела на глазах. Танцы дарили мне ощущение счастья, в отличие от любви. Так что любовь и танец не шли рука об руку, несмотря на все инстинкты и внешние атрибуты.

Танго *похоже* на танец любви. Оно *воспринимается* как танец любви. Оно *воспевает* любовь и обещает ее в награду. Но попробуйте выпустить эту песню за пределы танцзала — и все исчезнет. Такое внезапное и печальное открытие я сделала в тот вечер.

Дарио словно опережал мои мысли.

Сидя в перерыве между тандами за столиком и вытирая лицо огромным носовым платком, он произнес:

— Танго — продукт кризиса. В прежние времена был кризис нации. Сейчас кризис самоидентификации. Мужественность и женственность в кризисе. А танец, он отражает, ну ты знаешь, взаимодействие полов. Это танец на грани допустимого, он ниспровергает устои. Те, кто приходят сюда, — юристы, банкиры, адвокаты — скрывают свой маленький грязный секрет от коллег.

— Ну а что насчет пар? И у них кризис? Они ведь тоже танцуют, — спросила я. Мы посмотрели друг на друга и грустно засмеялись.

— Именно. Пары тоже танцуют. И танго *усиливает* их чувства, что тоже разрушительно. Если один или оба партнера счастливы, у них все фантастически. Но если один или оба в тоске — кошмар и ужас. Позволь не приводить примеры. Слышала испанское слово *desencuentro?*

Нет, а следовало бы. Оно как нельзя лучше описывало происходившее между мной и Джейсоном. Desencuentro — это противоположность общности: разобщенность, разъединение.

— Танцуете?

Передо мной стоял привлекательный мужчина в твидовом пиджаке. Загорелое лицо, аскетичная колкая бородка. Перед тем как начать танцевать, он снял очки и убрал в нагрудный карман. Интимная манера близко прижиматься. Я представила, что и любовью он занимается так же. Мы явно подходили друг другу. Раза в два старше меня, очень немногословный (сообщил только, что он художник-пейзажист, рисующий пампасы), мой партнер был живым воплощением классического старомодного milonguero porteño — портеньо-милонгеро: утонченно сексуального, серьезного и молчаливого. Тип, встречающийся только в Аргентине.

(*Пауза*. Разговоры только мешают хорошему танцу, ведь партнеры ведут диалог с помощью тела. Молчаливостью и серьезностью тангерос обязаны жителям Конго (региона в западно-центральной Африке), которые во время танца не болтали и сохраняли «каменное выражение лица», чтобы не растрачивать энергию. От них же в танго пришли и откровенно сексуальные движения, например *кебрада* (закручивание бедер и сгибание колен). Но как эта и подобные ей фигуры наряду с бессловесностью и бесстрастностью попали в танго и хабанеру? Через креольских танцоров, делившихся своими знаниями в темных подворотнях Буэнос-Айреса и Монтевидео.)

С разговорами или без, серьезное или улыбчивое, сексуальное или утонченное, либо и то и другое, социальное танго дарит нам счастье, показывая нас и наших партнеров в лучших воплощениях. На мелочи никто не обращает внимания. Это обещание, не рассчитанное на выполнение. Ночь страсти без наступающего за ней утра. *Встреча* без расставания.

Такова правда, дорогие *друзья танго*. И об этом не следует забывать. Но человек слаб. *Я*-то уж точно. Даже умный Дарио, со всеми своими теориями, и тот встретил будущую супругу в мире танго, а в минуту слабости женился и переехал в Бразилию. Мы продолжали с ним общаться, и на следующий год он написал, что разводится и возвращается в Аргентину.

Но это случится потом. А пока Буэнос-Айрес, и «фишка» текущего танцевального сезона, ну, по крайней мере для меня, — *desplazamientos*. И мой преподаватель не кто иной, как «знаменитый король ганчо», Пульпо, в переводе с испанского «осьминог», — к счастью, псевдоним, а не настоящее имя.

(Пауза. У истинных милонгеро, как правило, есть прозвища в «мачо-стиле»: Индеец, Испанец, Китаец, Турок, Худой, Осьминог. У девушек то же самое. В давние времена танго исполняли Турчанка, Китайская Роза, Мария Баскская. А одну из самых известных певиц наших дней окрестили Дурнушка Бетти. Как говорится, без комментариев.)

Пульпо и его партнерша Луиза явно предрасположены к сплетению своих щупальцевидных ног. Поначалу мне по неопытности показалось, что их «особенный» стиль представляет собой одно долгое ганчо, сопровождаемое бесконечной сакадой, словно его ноги каким-то образом приклеены к ее.

Но на самом деле они выполняли серию плавных вытесняющих движений — ганчо и сакад, а также бессчетное количество других вытесняющих и полувытесняющих элементов: *enganches, suspenciones* и бог знает каких еще, придуманных самим Пульпо.

Осьминог принадлежал к поколению танцоров экспериментального нуэво, при этом его отец и прадед играли на бандонеоне, то есть танго в их семье звучало уже больше ста лет. При этом человек с генами танго в крови умудрялся выглядеть так, словно просто дурачится на танцполе. Иными словами, в танго — мире подражателей, людей, страдающих навязчивыми идеями или раздутым эго, — он был редкой птицей — трезвомыслящим оригиналом.

Вот почему его преподавание оказывало такое «живительно-бодрящее» действие, и я приходила к ним снова и снова. Учеников Пульпо и Луизы ласково называли осьминожками, они сдавали свой «публичный экзамен» на регулярных милонгах.

Занятия проходили в La Catedral, альтернативном танго-клубе, где пол был такой неровный, что представлял реальную угрозу здоровью танцующих, стены местного туалета «истерзаны» граффити, а в безумно популярном у молодежи баре собиралось много людей под кайфом. В поисках забвения я там буквально поселилась: посещала дневные занятия Пульпо, вечерние практики и до рассвета оставалась на милонги.

За окном банкротство и бронка. Внутри объятия и музыка. Ибо на милонгах веселятся круглый год.

На своих практиках, забавы ради, Пульпо любил ставить музыку других стилей.

— Можете танцевать под Gotan Project и U2, значит, можете танцевать подо что угодно, а это свобода. Так что вперед.

И вот представьте меня, обвивающую ногой голень невообразимо высокого американца под песню Боно Where the Streets Have No Name («Там, где улицы без названий»). Лицо партнера показалось мне знакомым.

— Руперт из Нью-Йорка. Что ты тут делаешь?

— Привет, детка. Я тут за тем же, зачем и ты. Милые туфли.

Мне было очень приятно видеть его, как будто встретила старого приятеля. Мы пошли к барной стойке и выпили (воды без газа, никакого алкоголя).

— У меня здесь квартира. На Авенида де Майо.

— Совсем рядом с нашим отелем!

— Ничего удивительного.

— Нет, ну ничего себе. Такое совпадение!

— В танго совпадения извечны. Долго будешь танцевать, заметишь, что в самых странных местах натыкаешься на людей, которых давно не видела. Мир маленький.

Он оказался прав. Тем же вечером я встретила Натана из Веллингтона, который к тому времени жил здесь уже несколько месяцев, не пропуская ни одной танцевальной ночи, и был не робким новичком, а мастером своего дела.

— В любом случае приходи посмотреть, как я живу, — пригласил Руперт. — Пока в планах остаться здесь на несколько месяцев или год. Или больше, точно не знаю.

Наверное, так стоило сделать любому тангерос, у кого много денег, — пока идет кризис, купить квартиру в обесценившемся Буэнос-Айресе. Прежде чем уехать в Уругвай, Джейсон тоже подумывал о своем жилье.

«Мне нужен тыл, место, куда можно вернуться, если что», — размышлял он вслух, пока резвые риелторы мчались впереди нас с ключами от квартир, продававшихся в десятки раз дешевле их реальной стоимости. Мы посмотрели несколько вариантов, в основном в районе Сан-Тельмо, с которым у моего мужчины было многое связано, но он так ничего и не решил. Честно говоря, он не мог даже решить, съесть ему на завтрак один круассан или два…

Милонги все еще «функционировали», в отличие от многого другого. Везде в городе царили «боль и забвение», прямо как в песне «Мой любимый Буэнос-Айрес». Однажды я отправилась погулять в мой любимый Сан-Тельмо, в колыбель танго, где его исполняли на улицах для туристов и находилась цирюльня братьев-джентльменов.

Как и весь город, район был поражен недугом: жилые дома, некогда служившие особняками для богатеев, приходили в упадок. Их покосившиеся балконы в любой момент, казалось, могут упасть на голову прохожим и разом покончить со всеми их мучениями.

На улицах появились огромные вывески:

ЭМИГРАЦИЯ В КАНАДУ?

ПОМОЖЕМ В ПОЛУЧЕНИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ПАСПОРТА

Горько было видеть, как толпы потомков эмигрантов выстраивались в огромные очереди у иностранных посольств тех самых стран, откуда бежали их предки.

Было время сиесты. На Плаза Доррего, на настиле из линолеума танцевала пара. Длинноволосого мужчину я узнала — Индеец, прозвище которого намекало на происхождение; красавчик, год назад танцевавший на том же месте с той же девушкой в черно-красном одеянии. Или с другой — в танго партнерши меняются часто.

Братья-цирюльники отдыхали в кожаных креслах своего салона. Они выглядели живыми окаменелостями, один из них полулежал в точно таком же положении, в каком я видела его в прошлый раз. Другой приоткрыл глаза, посмотрел на меня и, возможно, узнал. По крайней мере, он поднялся, прошаркал к двери и поцеловал мне руку.

— Как вы поживаете? — спросила я, гордясь улучшенным испанским, и протянула купленную им в подарок коробку конфет, которую старик взял трясущимися руками.

— Все прекрасно, куколка. Ничего особенно не поменялось. Сан-Тельмо на месте, танцоры на месте, — он посмотрел на Индейца и его партнершу. — А мы дряхлеем. Особенно брат.

Брат оставался неподвижен, как игуана. Они походили на близнецов, но, наверное, время для них шло по-разному.

В тот жаркий полдень мы сидели и пили кофе с Эндрю Грэмом-Йоллом.

— Все это мы уже видели. Бывало и хуже. Аргентина *всегда* в кризисе, — сказал он и поскреб свою неподстриженную бороду.

Эндрю, известный англо-аргентинский журналист и писатель, хорошо помнил предыдущий «кризис». Вместе с семьей он покинул страну в 1970-е, успев уехать до того, как военная хунта помогла бы ему «исчезнуть», как многим его друзьям и коллегам, которые либо пропадали навсегда, либо иногда возвращались спустя месяцы издевательств, покалеченные и измученные. «Исчезновение» — один из отвратительных методов тоталитарного режима, который диктатура использовала, желая

скрыть правду об ужасающих пытках на латиноамериканский манер: когда подозреваемых «врагов» проволоками скручивали и подвешивали за щиколотки и запястья; выбрасывали из самолетов, понукали электропогонялкой для скота. Во время правления генералов-убийц Эндрю приезжал в столицу, но даже с паспортом британского подданного он все равно подвергался опасности.

— И какие тогда царили настроения? — спросила я.

— Тихо было. На зданиях ничего не писали: еще бы, ведь каждого, кто пытался, расстреливали.

Эндрю назвал тот Буэнос-Айрес «чистым, но страшным городом… Белые стены, как символ молчания».

И конечно, никакого танго. В 1970-х — начале 1980-х милонги попадали в категорию подозрительных сборищ *трех и более лиц*. Кроме того, понятно, что аргентинцам было не до танцев. Они жили в мире, где людей старше пятнадцати лет забирали из домов, баров, с рабочих мест или прямо с улиц и увозили в неизвестном направлении на неприметных седанах.

— По крайней мере, сейчас люди не только не молчат, но еще и танцуют.

Он улыбнулся. У него был твердый взгляд, мягкий голос и серое от усталости лицо.

— Мне нравится твой оптимизм, Капка. Аргентина — один сплошной сумбур и беспорядок. Но это мой сумбур, мой дом, здесь моя любовь и ненависть…

— Знаешь, как мы говорим о себе? — спросил продавец машин Марио. Он, Мерседес, один психоаналитик и я сидели как-то во вторник вечером в Porteño у Bailarin и распивали вторую бутылку шампанского, и от него у меня болела голова. — Мексиканцы произошли от ацтеков, перуанцы от инков, а аргентинцы из лодок.

Я засмеялась, потому что, в отличие от остальных, подобной шутки еще не слышала. Сидевший рядом психоаналитик своим смиренным выражением лица, бородой и узкими руками напоминал святого, каких можно встретить на резных изображениях в колониальном стиле.

— Один мой пациент, — сказал он, — дитя итальянских эмигрантов, пребывает в хронической депрессии. Он говорит, что всему виной пампасы. Смотрит на бескрайние степи, чувствует себя потерянным и не может понять, почему находится здесь, ведь окружающий пейзаж не для него. Вам, европейцам, наверное, не понять.

— Очень даже. Я живу в самой прекрасной стране мира, в

Новой Зеландии, но…

— Но это не ваше, — продолжил мою мысль собеседник.

— Да. То есть нет.

— Вам кажется, что настоящая жизнь где-то там, в другом месте.

— Именно. Но откуда вы знаете?

— По тому, как вы танцуете, — он хитро улыбнулся, и я не рискнула развивать тему. — А теперь представьте целую страну таких горемык. Наши корни не здесь, вот почему мы подсознательно тяготеем к европейской культуре. Что-то толкает нас искать себя, стремиться отличаться от других. Быть особыми. У нации нет общей идеи, кроме этой страсти. Собственно, вот в чем природа извечного аргентинского чувства дискомфорта.

— И поэтому у нас так много песен со словом «Прощай», — встрял Марио. — Adiós muchachos, Adiós marinero, Adiós mujer.

— Adiós lo niño, — продемонстрировала я свои познания. — Люблю ее.

— А я нет, — Мерседес гневно отпила из бокала. — Пьяццолла слишком похоронный. Слушаешь и думаешь: какого черта, возьму да и покончу со всем одним махом! А вот ритмы Д'Ариенцо заставляют твои ноги ласкать пол. Марио, бог ты мой, мы же пропускаем лучшую танду вечера.

Торговец автомобилями, одетый в кремовый костюм, резко вскочил, и они ушли.

(*Пауза.* Д'Ариенцо известен как «король ритма» — *compas.* В 1930–1940-х годах он оживил танго, сделал его танцевальным и вернул на танцполы, пока на смену не пришел фокстрот. Музыка в танго на треть состоит из ритма. Остальное — мелодия и лирика.)

А вот психоаналитик больше хотел говорить, чем двигаться:

— Сказав «прощай» чему-то, обязательно нужно встретить нечто новое. Иначе…

— Иначе что?

— Иначе живешь прошлым.

— А танго?

— Танго учит находиться *в контакте* с прошлым. Никакого невротизма, *целительный* танец.

Какое облегчение услышать это! Целительное танго — вот противоядие от патологии фрейдистского танго-цикла, думала я. Мне хотелось порасспрашивать еще, и тогда деньги, отданные за входной билет на милонгу, полностью себя оправдали бы: все-таки не каждый день встречаешь танцующего психоаналитика.

(Пауза. Я ошибалась: в Буэнос-Айресе столько психоаналитиков, что рано или поздно вы обязательно наткнетесь

на кого-нибудь из них на танцполе, ну или подле него, где они будут стоять и наблюдать. Им нужно находиться там, чтобы получить вуайеристское, фаллическое фрейдистское наслаждение от танго. Но не торопитесь с выводами: на милонги ходят не только поклонники отца-основателя психоанализа, но и не столь опасные юнгианцы и представители Лаканианской школы. Почему танго так манит подобных специалистов? Очень просто: танго неотделимо от секса и смерти. И тем не менее не все так однозначно. Люди — создания непростые, особенно танцоры. Танго и психоанализ — союз, рожденный в чистилище — месте, где душа очищается от грехов, прежде чем попасть на небеса.)

— Тогда почему люди становятся тангоманами? Это *здоровая* зависимость?

— О, давайте так: гостей милонг можно разделить на две большие группы: психотерапевтов и тех, кто в них нуждается.

И прежде чем я успела задать еще вопросы или узнать о своем диагнозе, он исчез, так как был одним из тех редких тангерос, кому приходилось вставать раньше полудня, а следовательно, уходить в час ночи — рано по местным меркам.

Карлос Риварола уже поджидал меня в Café Tortoni. Даже небритый и в джинсах, он все равно выглядел импозантно.

— Я опоздала, прости, — мы расцеловались. — Милонги заканчиваются так поздно, мой режим совсем сбился.

Он улыбнулся, обнажив зубы человека, употребляющего много мате, и накрыл мои руки своими.

— Я вижу, тебя укусила бацилла танго, Капкита. Сколько прошло — год, да? А ты уже говоришь по-испански и все время жаждешь танца.

— Не знаю, Карлос. Я ищу *чего-то*, но чего именно, и сама не знаю.

Он кивнул как человек, который знает:

— Не сдавайся, найдешь. Рано или поздно танго дает каждому то, что он ищет.

— И *тебе*?

Он пожал плечами.

— Я не знал ничего, кроме танго. Оно было со мной всегда. Но, пойми, это не просто движения. Это *люди*, которые рядом с тобой, другие тангерос. Отправляясь на милонгу, я счастлив, там меня ждут те, с кем я дышу в одном ритме. Ну и женщины, как без них? Моя жена и другие, с которыми я танцевал. Великая Мария Ниевес сказала: «Женщина — восемьдесят процентов танца». Она права, без женщины нет танца.

Под его внимательным взглядом я испытывала и радость, и печаль. Радость, оттого что сидела с Карлосом, рассказывающим,

что без женщины (меня) танго — ничто. Печаль, потому что меня все еще тянуло к нему, но между нами ничего не могло быть. Печаль, потому что приходилось покидать мир нескончаемых милонг. Печаль, потому что я не знала, когда вернусь сюда снова. Печаль, потому что я была всего лишь «*очередной женщиной*», а танго и для Карлоса, и для всех остальных продолжится и без меня. Печаль, потому что ни Буэнос-Айрес, ни танго не могли вновь соединить нас с Джейсоном.

Несколько дней спустя, вечером, когда солнце заходило за горизонт, окрашивая все в розоватый цвет, я стояла в Пуэрто-Мадеро и смотрела на причаливающий к берегу паром. На нем из Уругвая возвращался Джейсон; от предвкушения встречи после двухнедельной разлуки меня била дрожь.

За последние годы порт разросся, там стали открываться дизайнерские магазины и дорогие рестораны, отчего возникало поразительное сходство с набережной Темзы в Лондоне. Пуэрто-Мадеро упоминается во многих песнях, но лучшая из них — Кевина Йохансена — звучала как раз сейчас. И, конечно, она не просто о Пуэрто.

Пуэрто-Мадеро, Мадеро Пуэрто,
путь наш лежит в Пуэрто-Мадеро…
Где все иноземцы мечтают остаться.
А местные все — поскорее убраться.

В ней отражена *суть танго* — желание оказаться в другом месте, ибо там, где ты сейчас, тебе не по себе. Возможно, мне, как и Эндрю в свое время, нужно было выяснить, где же живут моя любовь и ненависть. Другими словами, где мое *сердце*.

И вот появляется Джейсон с рюкзаком за спиной, обросший светлой бородкой путешественника. Он проходит через терминал в своей футболке с изображением улыбающегося отца танго — Гарделя.

Сердце готово выпрыгнуть из груди, я окликаю его, но он не слышит меня. Он идет в сторону другой брюнетки в такой же, как у меня, кремовой юбке, только с чересчур ярко накрашенными губами. Она тоже ждет кого-то.

Но она — не я, если, конечно, мы не герои Борхеса и нет другой, параллельной вселенной, в которой я — аргентинка, *мечтающая убраться куда подальше отсюда*. Вместо лица Джейсона я вижу его спину. Внезапно встреча оборачивается расставанием. У меня закололо в груди…

В следующий момент Джейсон, подойдя к женщине ближе,

понимает, что обознался, и оборачивается в поисках настоящей Капки. Но у меня нет сил даже окликнуть его. Он продолжает кружиться посреди зала, рассеянно и смущенно улыбаясь, и его вид точно отражает мое состояние. Потерянность и одиночество.

Шестая минута
Мелодия сердца
Урок: Связь

Для танго нужны двое, и ровно столько же нужно, чтобы все испортить. После месяца размолвки в Буэнос-Айресе Джейсон и я провели тридцать дней взаимного отчуждения в Берлине, куда я поехала на год по писательскому гранту.

Часть меня уже знала, что нашим отношениям пришел ganz kaputt. Да, он стремился к тому же, что и я. Да, в нас обоих жил дух тангизма, но беда в том, что слишком сильный. Мы были профи лирической песни о Юге и о нашем любимом Буэнос-Айресе, но в обычной жизни оказались полными профанами. Романтик по натуре, Джейсон теперь заявлял, что «не верит в отношения». Когда мы узнали, что нужно ехать в Европу, он очень обрадовался и отправился вместе со мной. Но и здесь не чувствовал себя уютно, в итоге решив вернуться на Юг один. Казалось, он хотел не просто очутиться «*где-то в другом месте*», но стать *«кем-то другим»*.

Осень. Золотые листья устилали Аугустштрассе. На нас смотрели здания, испещренные вмятинами от пуль. Мы говорили друг другу «до свидания», хотя оба понимали, что уместнее — «прощай». Прощай, «День, когда ты меня полюбишь». *Adiós*.

Вернувшись в скромные апартаменты с диваном-футоном и несколькими пустыми книжными полками, я с мазохистским удовольствием вновь и вновь слушала ту, «нашу» песню, вспоминая, как Джейсон с полуироничной застенчивой улыбкой напевал про «лунный свет в твоих волосах» и «безумные фонтаны, говорящие о твоей любви». Из магнитофона раздавался голос Карлоса Гарделя, который умер в самом расцвете лет и славы, разбившись в авиакатастрофе над Колумбией в 1935 году. Никого в Аргентине не оплакивали сильнее, ну, кроме Эвиты, разумеется. Меня ждал год в Берлине, чтобы поскорбеть по Джейсону и нашим иллюзиям и закончить свой роман о событиях, происходящих в Парагвае.

Когда наступила ночь, я пролистала «Прощай, Берлин» Кристофера Ишервуда. Молодой англичанин приехал в Берлин осенью 1930 года. Тяжелее всего ему приходилось вечерами, когда он ощущал, насколько «одинок, в чужом городе, далеко от дома». Страдания героя мне понятны.

Но подождите-ка! Я в самом чарующем городе Европы, в котором всегда исполняли танго или хотя бы вальс, а мы знаем о

давних родственных связях двух танцев.

Танго в Берлине — звучит как надо.

Я гуляю под липами по Унтер-ден-Линден, мимо кафе, где продают воздушные штрудели с сахарной пудрой, нежной, как крылья ангелов; мимо сувенирных лавок, торгующих откровенной ерундой, и здания русского посольства, где хранятся залежи папок с секретными файлами. Дойдя до Брандебургских ворот, впервые пересекаю Стену.

Последний раз я была в Берлине в середине 1980-х, еще ребенком. Мои родители, сестра и я стояли у Бранденбургских ворот. Баррикады и вооруженные солдаты отделяли нас от остального мира. Так железный занавес выглядел с восточной стороны: горстка мающихся от безделья парней в коричневой униформе в течение четырех десятилетий.

Теперь все, что осталось от Стены, — это таблички с именами людей, пытавшихся перебраться на ту сторону и застреленных теми самыми скучающими солдатами. Последний неудачливый беженец погиб здесь за несколько месяцев до того, как она была разрушена. Таков Берлин с его липовой аллеей и невидимыми шрамами.

На блошином рынке Трёдельмаркт в Тиргартене можно за бесценок приобрести символы прошлого: захватанные ручные зеркальца, стулья без сидений, серебряные чайники без крышек. И множество фотографий безымянных людей.

В одной из коробок среди изображений детей, которых уже нет в живых, фрау с толстыми телами и поджатыми губами, мужчин с гитлеровскими усами, барышень в кружевных одеяниях я нахожу странное фото пары, танцующей танго. Они смотрят в камеру, с поднятыми руками и застывшими лицами, характерными для танго *duro,* или сурового танго. В давние времена подобное бесстрастное выражение называли *cara fea* — сердитое лицо, определение, как раз подходящее обоим. Но их глаза смотрят прямо на меня по прошествии более чем века, будто знают обо мне то, чего я еще сама не знаю. На оборотной стороне что-то нацарапано чернилами, но даты нет.

— 1930-е?

— Три евро, — турецкий торговец улыбнулся черными зубами.

— Обдираловка, — ворчу я, но протягиваю деньги.

Небо над осенней столицей темнеет. Мне становится не по себе: а вдруг дни будут сменять друг друга, Берлин меня не примет, и я так и останусь здесь одна-одинешенька? Нет. Со мной все будет в порядке. У меня нет права быть *не* в порядке. Моя улица Аугустштрассе видела много прощаний, гораздо более

страшных, чем мне суждено когда-либо пережить. Мне повезло жить теперь, а не тогда. У немцев как раз на такой случай есть очень важное понятие, которое укладывается в одно длинное слово — *Vergangenheitsbewältigung* — преодоление прошлого.

Аугустштрассе находится в Митте, еврейском районе. Моя квартира раньше принадлежала иудейской семье. За углом дома стоял маленький, похожий на могилу монумент, призванный напоминать прохожим, что 55 000 местных жителей были убиты. Местный супермаркет располагается на улице Инвалидов, продолжении улицы Ветеранов. Мне ли, обладательнице паспорта Страны киви и безопасного болгарского имени, быть несчастной?

Фото пары заняло свое место на стене в гостиной. Возможно, они станут моими проводниками в городе призраков.

И действительно, в следующую среду я переступила порог своей первой местной милонги, проводившейся все на той же Аугустштрассе. К входу в старинное здание вела вереница лампочек. «Малена поет танго, как никто другой…»

Сердце отчаянно забилось, они знали, что я приду, иначе бы не играла любимая песня! Но кто они?

— Что это? — спросила я по-немецки женщину, которая жевала жвачку и собирала плату на входе.

— Clärchens Ballhaus, — ответила она с тевтонской суровостью и протянула маленький билет. Потом ее голос смягчился, и она добавила: — Milonga de los Angelitos.

Милонга ангелочков. Clärchens Ballhaus — один из старейших танцевальных салонов с золотисто-коричневыми стенами и развешанными на них ретро-изображениями берлинцев. Маленькие ангелочки отплясывают на полированном полу, прочие сидят за столами, потягивая пиво, все курят и обуты в специальные танцевальные туфли. Мой год танго в Берлине официально начался.

Именно здесь в 1913 году берлинцы стали танцевать парные танцы. Владельца заведения убили в Первую мировую, и его вдова Клара взяла бразды правления в свои руки. В золотой век декаданса и кабаре Clärchens служил пристанищем для артистичных, либеральных, распутных или философствующих, таких как однорукий сутенер Франц Биберкопф, антигерой классического довоенного романа «Берлин, Александерплац». Он потерял руку на войне, что не мешало ему обнимать барышень, слетавшихся в салон на звуки популярных мелодий.

Играл веселый вальс Desde el alma («От души»), написанный в 1947 году, — спустя два года после того, как Берлин был полностью разрушен, включая и это здание. Поняв, что могу

пропустить много танд, я переобулась в свои черные бархатные туфли на каблуках и оглядела танцпол, забитый гостями от двадцати до шестидесяти лет, одетыми в самые разные наряды — от джинсов до платьев и отглаженных брюк. Неплохо. Отметила нескольких танцоров, чей стиль можно назвать «терминаторским» (от таких нужно держаться подальше), и несколько парней в кроссовках и мешковатых штанах, владеющих открытым объятием (к таким — поближе).

Но по-настоящему мое внимание привлек стройный мужчина лет тридцати, с сияющими прямыми волосами цвета индиго, небрежно спадавшими на полосатую рубашку. Он танцевал в тесном объятии в стиле милонгеро. Красавец с точеным азиатским лицом. После того как музыка сменилась, тангеро вернулся за свой столик, закурил сигару и стал рассматривать людей через узкие прорези глаз.

Явно завсегдатай (судя по тому, как все с ним здоровались), но держится отстраненно. Желание потанцевать с ним росло с каждой минутой, но азиат принадлежал к категории тех, кто танцует только с *проверенными* дамами. Значит, нужно выйти на танцпол и показать себя. Ко мне как раз подошел юноша с пронизывающим взглядом, жесткими, как шлем, волосами, в черно-белых туфлях.

— Привет, — сказал он. — Не хотите потанцевать со мной? Вы не обязаны, если не хотите. Я не обижусь.

Берлин, оказывается, дружелюбен к чужакам, а значит, без кавалера я не останусь. И хотя он был как раз из тех, кого я прежде как танцора забраковала бы, но новичку в чужом городе не стоит привередничать.

— С удовольствием.

— Спасибо. Надеюсь, вы не пожалеете.

Началась танда вальсов, а он старательно ведет в череду сакад, не подходящих темпу вальса. Да еще скручивает мое запястье.

— Немцы любят вальс. Можно оторвать немца от вальса, но вы не можете, как это сказать?..

— Лишить его вальса.

— Верно.

— Вы не немец?

— Нет, моя мать венгерка, по сути и я венгр. Томас.

Последовало еще несколько композиций, Томас мне нравится, но уж очень он мучает мою спину и выполняет фигуры так яростно, как будто они его личные враги. Поэтому я решаю завершить танец вежливым «благодарю вас».

Он провожает меня к столику.

— Я предупреждал, что не очень хорош, если честно, ужасен. Но хотя бы осознаю.

— Неправда, — лгу я, думая, что «индиговолосый» в любом случае уже не пригласит меня. Черт, черт! А Томас и не думает уходить.

— Сколько тебе лет? — спрашивает он внезапно.

— Двадцать восемь. А тебе?

— Тоже двадцать восемь. У нас есть еще два года научиться. Потом будет поздно.

— Мне скоро 29, значит, у меня всего год.

— Да. Но ты уже идеально танцуешь. Вот в чем разница. Ладно, извини, мне пора.

И он исчезает так же стремительно, как и появился: сперва голова-шлем, а затем черно-белые туфли. Позднее я выяснила, что он не знал ни слова по-венгерски. Его венгерские корни служили способом не быть немцем. Для поколения, выросшего с Vergangenheitsbewältigung, быть частью Германии все-таки болезненно.

— Танцуем?

А вот Ганс, напротив, выглядит слишком по-тевтонски: выступающая челюсть и маленькие голубые глаза, теряющиеся на фоне тяжелого лба. Стыдно признаться, но я едва сдержалась, чтобы не отказать. Однако, поборов себя, принимаю приглашение. Удивительно, в танце он уподобляется романтическому поэту (скажем, Шиллеру), сочиняющему любовную лирику. В мою честь. В обычной жизни предприниматель. Милонги посещает семь дней в неделю. Сложен, как Минотавр, а смеется пискляво, как евнух.

— Прекрасно двигаешься. Если надумаешь выйти замуж за меня, дай знать в любое время.

— Я не рождена для брака.

— Ок, жениться *необязательно*. Это так, дополнительная опция, просто ты знай. И не порть вечер, я пытаюсь наслаждаться. Слышишь, Melodia del corazón («Мелодию сердца»)? Люблю ее. И Донато. Кстати, ты знаешь, что Донато играл в оркестре, аккомпанировавшем немому кино в Буэнос-Айресе? Пойдем еще потанцуем.

Кто бы мог подумать, что немцы так романтичны? Танго, бросая вас в объятия конкретного человека, как ничто другое, помогает избавиться от культурных предрассудков.

— Осторожнее, — говорит Лара. — Нацисты тоже любили искусство. Здесь, на земле поэтов и романтиков, сжигали людей и книги.

Ларе около тридцати, она — театральная актриса из Тель-

Авива и постоянная гостья Clärchens Ballhaus, приехавшая в Берлин играть в английской постановке «*Гамлета*».

— Какая роль?

— Офелия, разумеется, — она закатывает густо накрашенные глаза. — Боже, ненавижу эту пьесу. Едва дожидаюсь вечера, чтобы отправиться на милонгу и отдохнуть от безумия.

Лара — новичок и занимается в группе интенсивной подготовки, то есть на милонгах танцует пока нечасто. Она курит, смотрит по сторонам и выглядит сногсшибательно со своей кудрявой гривой и лицом вавилонской принцессы. Я кивнула в сторону мужчины с волосами цвета индиго и спросила, кто это.

— Его зовут — в мире танго, по крайней мере — Мистер Че. То ли малайзиец, то ли индонезиец. Он художник или владелец ресторана, а может, бара…

(Пауза. Сарафанное радио полнится слухами, и количество всегда побеждает качество. В сплетнях впечатления, даже ложные, важнее фактов.) В любом случае Мистер Че славится репутацией довольно опасного человека: им восхищаются многие женщины, но он не привязывается ни к одной, появляясь и исчезая в компании неизменной сигары.

Лара откладывает сигарету. Ее пригласил на танец Ганс, и они вместе идут к площадке. Она движется, как кошка, и я буквально слышу, как бьется его восхищенное сердце. Но после единственного танца она бесцеремонно бросает партнера и возвращается за наш столик.

— Ты с ним говорила? — спрашиваю я. — Он милый, и неплохо танцует.

— Да знаю, но все так сложно. В Берлине приятнее, чем в Тель-Авиве. Еврейские мужчины вообще кошмар. Но нет. Невозможно. Моя бабушка чудом избежала холокоста, и то только потому, что уехала куда-то на спортивное мероприятие. А остальные ее родственники? Убиты. Они здесь жили. Мой дедушка уехал из Митте в начале 1930-х. А другие его родственники? Убиты. Сейчас немцы довольно милы, и я уже немного знаю их язык, но как можно заниматься любовью с одним из них? Танцевать — да, но не больше. Не больше.

Она встряхивает кудрями и зажигает очередную сигарету. Ее слова заставляют меня задуматься. Раньше мысль о том, чтобы заниматься сексом с немцем, тоже страшила меня, и не только из-за всей ситуации с Джейсоном… Но сейчас, после пары танго с немецкими танцорами, что-то изменилось в моей душе. Или, может, в теле.

Общаться с Ларой на подобную тему не хочется — не моя территория, поэтому выбираю танцпол. Мой партнер — высокий,

красивый дантист из Потсдама с вьющимися волосами и славянскими скулами. Он опытный танцор, правда его открытое объятие несколько вяло, да и музыку он опережает. Но зато все время он не сводит с меня своих умных серых глаз. Разговор идет на французском, и в конце он произнес:

— C'est le pays de nos desirs, c'est le bonheur, c'est le plaisir.

— Pardon?

— Это строчка одной из моих любимых песен Youkali («Юкали»). Курт Вайль написал ее в 1930-е. Я тебе принесу.

Никогда не слышала ее, равно как ни одной другой композиции в стиле европейского танго из богатой коллекции Клауса. Никогда специально для меня не записывали CD. Никто раньше не оставлял у моего порога красную розу, завернутую в листок с текстами танго. И не один раз, а каждую среду, когда Клаус приезжал из Потсдама.

Старомодные, робкие ухаживания, типичные для «ости» — так называют жителей бывшего Восточного Берлина, точнее, всех представителей несуществующего ныне Восточного блока. Мы потягивали вишнево-банановые коктейли и напивались мохито на Ораниенбургерштрассе, в тени Тахелес, разрушенного, разрисованного граффити дома в стиле Баухаус, прибежища необузданного искусства и бомжующих художников. До того как к власти пришли нацисты, в нем располагался торговый центр, принадлежавший евреям, и вплоть до падения Стены здание оставалось никому не нужным.

Клаус танцевал только со мной всю ночь и был самым приятным и добросердечным из моих партнеров. Все было очень романтично. Но трудно сказать: была я очарована или задыхалась от такого внимания, возбуждена или раздражена? Почему все не закончилось прекрасным романом? Просто он здесь жил, а я гостила; он дантист, а я перекати-поле.

— Хочу жить, как ты, — заявил он однажды после Clärchens Ballhaus и бутылочки дешевого гевюрцтраминера. Мы сидели у меня дома. — Богемной жизнью. И танцевать с тобой от всего сердца, — он подобрал мои туфли и зарылся в них лицом.

— Ты можешь начать жить, как я, в любой момент, — ответила я, жалея его и себя. Впрочем, меня волновало и то, что мои туфли могут попахивать после ночи танцев. — На самом деле не так здорово, я даже не знаю, где буду на следующий год.

— Моя проблема как раз в том, что я точно знаю, что и где буду делать, — Клаус погладил мои ноги. — А вот где эти ноги будут через восемь месяцев? А через восемь лет?

— Бог знает.

Впереди города, люди и путешествия. Но от одной мысли об

этом я чувствовала себя уставшей и одинокой.

— Все станет на свои места, и твоя жизнь будет сплошной песней.

— Какая это будет песня? «Малена»?

— Нет, не «Малена». Может, «Мелодия сердца».

— А ты? Какая песня станет твоей?

Он покачал головой. Его виски начинали седеть.

— Не знаю, существует ли танго для меня. Сколько вообще песен о дантистах?

Мы вымученно смеялись и смотрели на пару на стене. Они знали все о прошлом и о будущем. Я спросила ухажера, что написано на обратной стороне фотографии, но оказалось, что это древненемецкий и разобрать мог только эксперт.

Спустя какое-то время у моей двери перестали появляться розы. И хотя Клаус мне нравился, я почувствовала облегчение. Мне не нужны были «сложности». Я просто хотела танцевать, что и делала каждую ночь на милонгах, практиках и занятиях.

Воскресенье: занятия у жизнерадостного диджея Диего Эль Пахаро («Птички»), получившего прозвище, потому что под конец милонги всегда ставит веселое инструментальное танго El Amanecer («Рассвет»), в котором перемежается звук струн и щебетание птиц.

Как и некоторые другие аргентинские экспаты в Берлине, он зарабатывает на жизнь преподаванием танго и проведением милонг. На его уроках, куда я пришла усовершенствовать технику и выучить новые шаги и где моим партнером стал Ганс, я впервые узнала о *диссоциации* — приеме в нуэво, где объятие дает свободу телесного самовыражения.

— Итак, что такое диссоциация? — спрашивает Диего и демонстрирует серию сакад вместе со своей временной партнершей, миниатюрной парижанкой, которой из-за крошечного роста приходится носить туфли на особой платформе. — Это диалог между верхом и низом. Верхняя часть корпуса и нижняя вытворяют разные вещи.

Сакада — он скручивает бедра, заводит свою ногу между ног партнерши. Сакада — снова. Сакада. Настоящий человек-штопор.

— Ноги должны быть длинными. Они всегда длинные, когда вы делаете шаг назад. Тянитесь! Тянитесь!

— Посмотри на ее ноги, — говорит Ганс. Крохотная девушка разворачивается и растягивается, растягивается и разворачивается.

— *Майн готт*, Ганс, — сержусь я, потому что он смотрит на ее ноги. А я вижу элегантную *диссоциацию*, превращавшую крохотные ножки в длинные. — Никто раньше не объяснил мне. А

это так очевидно!

— Давайте, *малыши,* — призывает Диего. — Развернуться. Потянуться. Развернуться. Потянуться. Это что, нога? Почему такая короткая? Давай, тяни. Отлично!

Диссоциация, зачем она? Чтобы совершенствовать наш стиль открытого объятия — в физическом плане, и чтобы облегчить страдания — в плане эмоциональном. Я была полна решимости тренироваться каждый вечер. Поворот, растяжка, поворот, растяжка. От груди, от груди. Отлично!

Понедельник: B-flat, маленький бар в Митте, где простоватый на вид диджей Густав проявляет незаурядный музыкальный вкус. Кто бы мог помыслить о существовании стольких песен в стиле танго-кабаре на русском, немецком, французском, иврите и, бог мой, чешском языках? Густав чередует их с современными греческими балладами, например, настоящим европейским хитом — To tango tis nefelis («Танго ангелов»), в исполнении Харис Алексиу. А затем может включить какую-нибудь берущую за душу балканскую мелодию, скажем, Underground Tango («Танго Андеграунд») Горана Бреговича.

Как мы танцевали под все это? Плохо, или просто никак. Поэтому бóльшую часть времени я проводила, сидя у бара и болтая с Ларой и Гансом. Однажды, где-то около часа ночи, Густав поставил «Юкали» в исполнении Уте Лемпер — современной берлинской Марлен Дитрих. Несколько пар поднялись и закружились под порывистый ритм хабанеры, как потерпевшие кораблекрушение суденышки.

— У меня большая проблема, — заявил Ганс.

— Это точно, — произнесла Лара, и я порадовалась, что не вхожу в число ее поклонников.

— Есть много женщин, которые хотят быть со мной, — продолжил молодой человек — Но я их не хочу. А есть те, кого хочу, но они не хотят меня.

В ответ мы засмеялись, что, конечно, немного жестоко с нашей стороны.

— Как мне жить с этим? Не хочу *диссоциироваться* всю жизнь, — он оглядел зал, сделал глоток вина и повернулся ко мне. — Я серьезно. Вот скажи: какой тип тебя привлекает?

— Тип? У меня его нет. А твой?

— Ты.

— Она не тип, — вмешалась Лара. — Она личность.

— Хорошо, — уступил Ганс, глядя теперь на Лару. — Ты мой тип личности, Лара.

— Вздор! — Лара выдохнула дым через свои точеные

ноздри. — Я больше не влюбляюсь. Какой смысл?

Мужчина выглядел раздавленным: «Ну а какой смысл *не* влюбляться?»

— У всех у нас общая проблема, — сказала я. — Мы хотим того, кто не хочет нас. Или недостаточно хочет.

— Юкаааааали, — проревел Ганс, но никто в баре и глазом не повел. Пьян он не был, он просто был берлинцем. Mais C'est Un Rêve, Une Folie il N'y A Pas De Youkali.

Это только мечта, и едва ли
Есть на свете Юкали.

Юкали — такая же фантазия, как Юг для меня и Джейсона. Юкали и есть «день, когда ты меня полюбишь». Юкали — то, что Клаус мечтал найти со мной, а я — с Джейсоном. Танцевать с Сильвестром — не что иное, как Юкали. А за окнами бара медленно падал невыразимой красоты снег. Приближалось Рождество.

Лара молча, не хмыкая в присущей ей циничной манере, слушала песню, отражавшую все, о чем думали присутствующие, и внезапно произнесла:

— Этот бар, эта ночь: вот оно, наше Юкали, ребята.

И она улыбнулась нам так, что мы, потеряв дар речи, поняли самое главное о своенравной израильской красавице. Теперь я знала, почему она занялась танго.

Вторник: пафосное заведение Bebop в турецком районе Кройцберг. Здесь за столиком со мной сидела Гизелла — пятидесятилетний психолог в шелковом платье, и Катастрофист — не помню его настоящего имени — вышедший на пенсию египтолог из Восточной Германии. Он любил разговаривать на разных языках, поэтому наша беседа текла на смеси английского, французского, немецкого, испанского и русского, а иногда он сам с собой общался на арабском. Мужчина все время рассказывал о Четвертой мировой войне и «новых нацистах» (американцах), впрочем, не объясняя связи между этими двумя понятиями. В нем было что-то истинно берлинское, причем относящееся не к современному городу, а к старому Восточному Берлину суперобразованных полиглотов, которые не могли никуда уехать, и мозг их отравляли мечты о дальних странах.

Гизелла все время ждала приглашения на танец.

А тут Мистер Че, загадочный как никогда, в стильном костюме угольного цвета.

— Почему он не танцует с тобой?

— Я не подхожу ему по возрасту, — печально улыбнулась

она.

— Дорогая моя, у красивой женщины нет возраста, — запротестовал Катастрофист и подал ей руку.

(*Пауза*. Немного о возрасте и танго. Сами годы для женщины не проблема. Если вас знают и вы не косолапите, то танцевать, конечно, будете. Но чем старше вы становитесь, тем выше вероятность, что придется танцевать *только с определенными постоянными* партнерами. Суровая правда такова: мужчины ищут свежей плоти. И только нормы приличия не дают милонгам превратиться в откровенное место сводничества. Но даже этикет не в силах отменить жестокие законы биологии, о чем нам напоминает вид «забытой» Гизеллы, в то время как менее искусные, но более юные дамы танцуют. Пожилые мужчины, такие как Катастрофист, особенно если от них дурно пахнет или они плохо двигаются, также могут быть отвергнуты молодыми барышнями.

И еще о возрасте. Есть аргентинская поговорка: *танго умеет ждать*. С эмоциональной и психологической точки зрения этот танец не для самых молодых. Можно и в девятнадцать владеть потрясающей техникой, но, пока вы не побываете в личном аду, с душой танго вам не познакомиться, только с его ногами. А вот в двадцать шесть, тридцать пять, пятьдесят, шестьдесят лет жизнь вас уже пару раз да ударила, избавив от кое-каких иллюзий. Теперь вы готовы. Танго дождалось вас.)

Сегодня мне везет! Мистер Че кивнул мне со своего места, и подтвердилось то, о чем шептала моя интуиция: наша пара создана для близкого объятия. С учетом моих восьмисантиметровых каблуков мы одного роста и схожего телосложения. Но дело не в физике тел, а в химии. Мы двигались под одну и ту же музыку, что было удивительно после моих недавних танцев с неуклюжими партнерами, в голове которых звучало не танго, а, скажем, военный марш.

Мистер Че слышит и чувствует музыку всем своим изящным телом. И вот мы вальсируем, как дервиши (а они умеют танцевать вальс?), и в конце первой танды смеемся, опьяненные радостью до головокружения. *(Пауза*. Если семьдесят процентов ваших движений не состоят из хиро — это не вальс. После хорошего вальса у вас *должна* голова идти кругом.)

С каждой тандой мы приближаемся к опасной черте тангазма, а потом — конец. И закончить на этом — достойный выход, мы оба знаем это. Ведь для первого раза удовольствия может оказаться слишком много.

— Благодарю, — и легкая улыбка.

На следующую ночь мы снова танцуем. И опять тангазм.

— Благодарю, — говорит Мистер Че. Тангазм длился *всего* несколько танд. Его никогда не бывает достаточно, но боль от его окончания смягчает предвкушение танцев на завтрашней милонге, и на следующей неделе, и потом.

— Кафка, я должен остановиться, или мной завладеет китайская мания.

Мой партнер оказался не малазийцем или индонезийцем, а китайцем. По крайней мере он так представился.

Присаживаемся у бара.

— Хочешь печенье с сюрпризом? — Мистер Че достает угощение из своего черного пиджака. Разломив печенинку, извлекаю маленькую записочку со словами: «Если начнешь флиртовать, правильно сделаешь».

Я смущенно смеюсь. А стесняется ли он, понять сложно — его глаза совершенно черные, без зрачков.

— Как тебя зовут на самом деле?

— Мистер Че.

— Это вымышленное имя.

— Кафка тоже не настоящее.

— Но я никогда не говорила, что меня зовут Кафка.

— Я называю тебя так. Из-за метаморфоз. Потому что ты каждый раз разная, — он грубовато засмеялся, но тут уже перестал. — Ты любишь фаду? А фламенко? Отведу тебя во фламенко-бар.

Он сдержал обещание, и спустя пару дней мы пьем сангрию в баре El Sur и зачарованно смотрим в прокуренный рот певицы.

No tengo lugar,
No tengo paysage,
Y menos tengo patria…

— У меня нет родины, у меня нет дома, — переводит Мистер Че. — Вот она, цыганская доля. Ты цыганка? Я не хочу быть цыганом.

— Я тоже.

— Хочу свое пристанище.

— И я.

— Правда, дома я слушаю танго и фламенко и чрезмерно предаюсь *дуэнде*, — он откусил кончик толстой сигары. — Тебе знакомо это состояние?

— Не знаю о таком.

— Дуэнде — то, что ты чувствуешь, когда слушаешь грустную и красивую музыку. Как фламенко, как танго. А Лорку читала? Он говорит, что «это мощь, а не труд. Битва, а не мысль». Как

влюбленность. Ты теряешь голову, становишься одновременно и счастливым, и грустным.

— Ты когда-нибудь влюблялся?

— Пока у меня есть сигары, влюбляться мне ни к чему. Но если хочешь, можем закрутить романчик.

Пришла пора мне цинично рассмеяться:

— Через несколько месяцев я уезжаю, Че.

Странно называть этого безволосого, франтоватого мужчину именем волосатого Че Гевары и еще страннее осознавать, что *«че»* на аргентинском сленге — что-то вроде «эй». Эй, ты!

— Знаю, потому и сказал не «роман», а «романчик». В любом случае секс не так важен. Он может случиться с кем угодно. А вот *отношения*…

Он замолчал и смотрел куда-то вдаль.

— Что ты делаешь здесь, в Берлине?

— Живу уже двадцать лет.

— А почему уехал из Азии?

Выяснилось, что он родом из Сингапура и недавно развелся.

— Ты была там? Думаешь, там много людей, которым я нужен? А тут я хочу открыть новый ресторан. Маленький, но хороший — такой же, как я сам.

Он достает печенье с сюрпризом и вскрывает его.

— Что написано?

— Не верь болгарам, они вечно все выдумывают. Пойдем, провожу тебя.

Мистер Че всегда провожал меня до дома через Ораниенбургштрассе, где стояла толпа проституток на чудовищно высоких платформах, носивших зимой раскрашенные джинсы и флуоресцентные куртки. Одна из них запала на китайского Че Гевару, и каждый раз, когда мы проходили мимо, протягивала ему с высоты своего роста презерватив в красной упаковке и говорила басом: «Привет, секси».

— Доброй ночи и сладких снов, — учтиво отвечал тот, помахивая сигарой, и мы удалялись.

Мой партнер всегда ходил пешком. У него была машина, но за вождение в нетрезвом виде его лишили прав.

— Китаец всегда найдет дорогу домой, — убеждал он меня и исчезал в ночи, укутываясь в свое пальто, как у героя фильмов «нуар»[5].

Мистер Че — человек эпохи Ренессанса в новом Берлине, джентльмен и крепкий орешек с предсказанием. Он мне очень нравился. Нет, не так: он мне слишком сильно нравился, но я не справилась бы с *осложнениями.*

Не забывайте о диссоциации! Разворачиваемся и тянемся.

Пусть ваши ноги делают свое дело, но не вовлекайте в них грудь и то, что внутри.

Среда: время танцевального салона Clärchens Ballhaus. Здесь диджействовал Эль Пахаро, а неподалеку от его освещенного помоста сидела я в компании самопровозглашенной «элиты» берлинского танго. Моя работа над романом о Парагвае медленно и упорно двигалась в непонятном направлении, поэтому танго снова стало *единственной* важной вещью в жизни. Видите ли, возможно, я и справлялась с романтической диссоциацией, но практиковаться в диссоциации социальной оказалось сложнее.

Центробежные страсти милонги — причем не всегда благородные — засасывают вас. По сути, танго-вечера — это своего рода соревновательное пространство, которое может обнажить все худшее в вас. Если позволить. Например.

Неприкрытые амбиции: любой ценой танцевать с лучшими партнерами.

Зависть: к той бесстыдной карьеристке, которая цепляется за него, чтобы он с ней танцевал, — некоторые женщины на все готовы!

Агрессия: я хочу потихоньку задушить ее в туалете.

Гордыня: я буду сидеть здесь, пока он сам меня не попросит, потому что я слишком хороша, чтобы устанавливать зрительный контакт или, упаси бог, встать и подойти.

Неуверенность в себе: может, я недостаточно хороша.

Самобичевание: я никогда не буду достаточно хороша, со мной явно что-то не так, зачем я вообще сюда пришла сегодня, здесь же преисподняя!

Зависть к туфлям: будь у меня такие босоножки! На мне бы они смотрелись лучше, чем на ее ногах-сардельках.

Месть: он не приглашал меня месяцами, теперь я не буду замечать его.

Межплеменная вражда и чувство собственной непогрешимости: наши не танцуют с вашими, поэтому я возьму за правило игнорировать их. Что они о себе возомнили? Тоже мне — Аль Пачино! Впрочем, и *он* далек от идеала.

Снобизм: я не буду отвечать на его кабесео — он, конечно, милый парень, но рейтинг у него как у танцора невысокий.

Жестокость: «Веселишься?» — женщине, которую никто не приглашает всю ночь.

Самомнение: взгляды всех устремлены только на меня.

Навязчивый нарциссизм: боже, я так прекрасна, что сейчас заплачу. У мужчин то же самое. Если говорить о «темной стороне» милонги, единственное гендерное различие в том, что она делает женщин патологически жестокими, а мужчин — тупыми мачо.

Дамы страдают от депрессии, а мужчины — от отказов, но итог один.

(*Пауза*. Танго может повернуться к вам и счастливой, благородной стороной, о чем я позднее расскажу.)

Одной из «элитарных» посетительниц была Ольга из Черногории. Впечатление от ее изысканной фигуры портило вечно разочарованное лицо баронессы в изгнании. Она вечно жаловалась и ждала, когда Диего Эль Пахаро и пара его аргентинских друзей потанцуют с ней, другие же тангерос ее не устраивали.

— Немцы! Да что они понимают? — она морщила хорошенький носик. — Немцы и танго — оксюморон.

— Неправда. — По крайней мере я *пыталась* бороться со своим снобизмом. — Некоторые из них молодцы.

Но Ольга лишь качала головой:

— Все они чужие. У немцев просто нет… души.

— Есть. Другая, но есть.

— Танцуя с Диего, чувствуешь… — она отмахивалась. — Капка, сколько тебе лет?

— Двадцать девять.

Такое ощущение, что здесь все помешаны на возрасте.

— Когда тебе стукнет столько, сколько мне, поймешь.

Полагаю, ей было под сорок, но она скрывала истинную цифру.

— Я предпочитаю в танце близкое объятие, хочу *ощущать* мужскую грудь. Не нужны мне все эти новомодные выкрутасы. Ты только посмотри на них.

Стиль нуэво, с характерным для него открытым объятием, пользовался в Берлине огромной популярностью, особенно среди молодых танцоров. Каждый раз, двигаясь с лучшим из них, Кристофом, я чувствовала себя практически готовой обратиться «в новую религию». Когда танцуешь с восприимчивым и музыкальным партнером, вариант нуэво плавнее, свободнее и креативнее, чем традиционный салонный стиль близкого объятия. А самое восхитительное в нуэво — то, что вы должны всегда держать собственную ось, а не опираться друг на друга. Настоящая эмоциональная диссоциация. Вы находитесь на близком, но не интимном расстоянии; вместе и при этом по отдельности. Танец для эмансипированной, эгалитарной пары. Правда, по мнению многих традиционалистов, такая пара перестает быть танго-парой, ведь у них нет *настоящего* объятия.

— Не бывает правил без исключений, но в большинстве своем жители местного племени нуэво выглядят так, будто работают на

мощных станках, — говорит Клайв Джеймс.

Он приехал в Берлин, чтобы просидеть неделю «в одиночестве, в кафе» и написать большую книгу: «либо шедевр, либо предсмертную записку длиной в двести пятьдесят тысяч слов».

— Хотя, — добавляет он, — некоторые из немок сами похожи на эти станки.

Вечером мы вместе отправляемся в Clärchens, где Джеймс удостоился особого внимания Ольги, обожающей знаменитостей. Сейчас она красуется на танцполе. Клайв тем временем настроен скептически.

— Ее зад почти так же красив, как лицо, — говорит он, выпуская дым сигары «Кафе Крем», которую курит так, будто это сигарета.

— Клайв, зачем вы затягиваетесь?

— Шутишь? Какой смысл *не* затягиваться! — и продолжает: — Беда в том, что зад гораздо *выразительнее* лица.

Ольга настоящий мастер, и они исполняют несколько танд. Едва танцы заканчиваются, Клайв бежит назад со словами: «Быстро, забери меня скорее отсюда, пока она не стала частью моей жизни на веки вечные!»

Но, естественно, мы никуда не уходим. Нам слишком хорошо в Clärchens, и к тому же сейчас вальс — а это у них получается лучше всего.

— Просто задумайся, детка, — говорит Клайв. — Всему виной вальс. Старый добрый вальс. Кто бы мог представить?

Популярные парные танцы начались в Европе в конце XVIII века именно с вальса, исполняя который мужчины и женщины стали прикасаться друг к другу. До него в *«старорежимных»* танцах, таких как гавот или менуэт, участники смотрели друг на друга, но двигались на расстоянии. Тогда вальс считался новшеством скандальным — и правда: в том, что мужчина обнимает женщину за талию, а та не прикрывает грудь рукой, а кладет ее партнеру на плечо, *есть* некий сексуальный подтекст. Историк танца Серхио Пуйоль писал, что вальсу удалось то, что не удалось Наполеону: он покорил Европу. Увы, добавляет автор, европейский вальс кончил так же, как и Французская революция: он стал безнадежно буржуазным. К 1815 году «сатанинский танец» превратился в культуру истеблишмента, его даже благословила католическая церковь. А тому, что она благословляет, как всем известно, пора на покой.

Что и сделал вальс, успев пересечь Атлантический океан в 1805-м и добраться до Буэнос-Айреса и Монтевидео, где его жадно подхватили как местное высшее общество, так и фермеры в

провинции, которые в зависимости от региона исполняли его по-своему, наряду с полькой и мазуркой, привезенными украинскими, польскими и русскими эмигрантами. И задолго до того, как первый доставленный из Германии бандонеон прохрипел танго, на танцполах Аргентины и Уругвая XIX века кружились пары, привносившие в вальс новые повороты и зигзагообразные шаги с удвоениями и однажды превратившие его в то, что сегодня называют «танго-вальсом».

Все они — случайные спутники. Штраус и Карлос Гардель. Крестьяне, которые изобрели бандонеон в нескольких сотнях миль от Берлина, в деревне Карлсфельд, потому что не могли позволить себе построить орган в своей церкви… И джазовые ритмы Пьяццоллы.

Случайные в обычной жизни, но не в танго, где такие смешанные союзы обязательно имеют место. Иначе бы не было танго. Иначе нас всех бы тут не было: ни меня, покуривающей за компанию с Клайвом сигары, ни Мистера Че, танцующего с Ольгой танго с пением птиц, ни вальсирующих Ганса и Лары, ни насвистывающего Диего Эль Пахаро.

Здесь, в темном сердце города, на «Милонге ангелочков», все мы берлинцы, а я еще и необычайно счастлива.

— Вот она, жизнь, дитя, — протянул задумчиво Клайв. — Будь я в твоем возрасте и только все начинал бы, делал бы это в Берлине. Как сказал Кеннеди: «Я — берлинер»[6].

Пятница. Название милонги Walzerlinksgestrickt звучало для меня волнующе похоже на слово Vergangenheitsbewältigung: договориться с былым и договориться с вальсом — что-то роднило эти два понятия. Walzerlinks, величественный танцевальный зал в стиле ар-деко, располагался внутри похожего на склад здания середины XIX века. В салоне сияли огни и разодетые гости. Сверху за нами наблюдала гигантская люстра. Одним словом, самая элегантная площадка для танго в Берлине.

— Че, почему мы так много танцуем? — спросила я однажды китайца, угощаясь мятным мохито.

— Потому что… *Tangotanzen macht schön,* — он ухмыльнулся и откусил кончик сигары.

Танцуя танго, ты становишься прекрасным.

— К тому же, когда я танцую, я чувствую.

— А как насчет техники? — перед нами возник Томас. Сначала его черно-белые туфли, потом серьезное лицо. — Прежде всего надо овладеть техникой.

— Неважно, — ответил Че. — Чувства и техника — это одно и то же.

— Но мне не нужны чувства во время танца, ведь тогда я могу

влюбиться. Мое сердце уже дважды разбивали, так что теперь я сосредотачиваюсь на ногах.

Мистер Че посмотрел на него с нескрываемым презрением.

— Зачем смотреть на собственные ноги? Они всегда с тобой. А вот женщины не всегда. Женщина сейчас здесь, а завтра — нет.

Томас выглядел оглушенным: «Над этим я должен поразмыслить».

— Как твое искусство? — спросила я. Он сообщил, что пишет короткие рассказы и играет в группе. Вот чем занимались молодые берлинцы: они либо вечно учились, либо работали над нескончаемыми творческими проектами. Каждый в мире танго грезил заняться чем-то особенным, стать кем-то, оставить свой след.

— Я написал историю. Она о мужчине без имени и без лица, забывшем, кто он такой.

— Звучит, как моя биография, — оскалился Че.

— Это автобиография, — ответил Томас очень серьезно. — А теперь простите, мне пора.

— Бедный Томас. Не везло ему в любви.

— А ты знаешь кого-то, кому *везло* в любви? Вот почему мы танцуем танго. Без неудачного личного опыта нет музыки танго. Нет музыки — нет танца. Нет танца — нет счастья, — китаец заправил блестящую прядь за ухо.

— Ты прав.

— А то. Знаешь, что еще? В моем лексиконе есть особое выражение: *Ich bin tanzerisch verliebt*.

Я — танцевальный влюбленный.

Я покраснела, ибо тоже пребывала *в состоянии танцевальной влюбленности* в Мистера Че. В отличие от обычной влюбленности она не распространяется за пределы танцевального зала и потому не делает человека несчастным. Сотни жарких танцев и никаких *осложнений*: именно этого я хотела и получала с ним.

— Лучше быть танцевальным влюбленным, чем вообще не влюбленным, — произнес Че.

— Да. И лучше, чем просто влюбленным.

Диджей Кристоф проигрывал одну из излюбленных композиций Мистера Че Transnochando («Бодрствовать всю ночь»), и мы присоединились к людскому вихрю, несущемуся по танцполу против часовой стрелки.

(*Пауза*. В танго движение всегда идет против часовой стрелки. Сама пара должна вращаться аналогично. Почему? Есть несколько теорий. Первая, метафизическая — это попытка остановить время. Вторая, историческая — способ связать музыку прошлого и тех танцоров, что были до нас. Третья — да просто

так, в танго всегда все наоборот. Четвертая — старые милонгерос настаивают, что по часовой стрелке *не выходит*. И они не лгут — действительно ничего не получается. Проверьте.)

Суббота. Ballhaus Rixdorf, танцевальный зал с балконами, сильной акустикой, натертыми полами и кабинкой бессонного диджея, освещенной, как маяк. Вечера здесь проводятся с 1998-го, а заправляет всем престарелый хиппи с воспаленными глазами и, по слухам, обладатель самой большой в Германии коллекции музыки танго.

Здесь собирались стильные люди: одни приходили танцевать всю ночь (как Ганс), другие забредали на пару танд (Мистер Че), а кто-то — как Ольга — изъявить *нежелание* танцевать. Тут же демонстрировались последние тенденции модной танго-одежды: эротичные босоножки, танго-кроссовки, просвечивающие брюки, которые носили и мужчины, и женщины (только у первых под ними виднелись очертания трусов, а у вторых — стринги).

Именно в Rixdorf я танцевала свое последнее танго в Берлине. Снова была осень, и срок действия визы заканчивался. Тени на каменных зданиях в Митте стали длиннее. Совсем скоро вечеринку на открытом воздухе у реки Шпрее закроют, и все переберутся под крыши. Но меня к тому времени в Германии уже не будет, и никто не заметит моего исчезновения. Такова милонга. Тех, кто перестает приходить, забывают. А при очередном твоем появлении со всех сторон слышны восклицания: «О, давненько тебя не было видно! Сколько — месяцев пять?»

«Два года» — говоришь ты, с грустью отмечая про себя, как мало значит твое отсутствие. Время течет по-разному для тех, кто верен одной площадке, и для тех, кто кочует. Хотя, конечно, *друзья* помнят.

— Ненавижу зиму, — процедил Мистер Че, сидя за нашим столиком в Rixdorf. На часах было около трех утра, и вечеринка подходила к концу. — Люди — как растения. Им нужен свет. Китайцам нужен свет.

— Я хочу остаться в Берлине. Я была так счастлива здесь.

— Но ты цыганка, а они всегда кочуют.

— Не желаю быть цыганкой. Хочу стать частью чего-то.

— А я бы уехал. Отправился бы в Испанию, занялся фламенко. Танго теперь вызывает во мне грусть. Выкинул бы все вещи: диски, граммофон, кассеты, книги, одежду. Стал бы другим человеком.

Но потом, к счастью, оживился: «Отведу тебя завтра в Monsieur Vuong».

Официанты в Monsieur Vuong — геи-азиаты, на стене — постер с вьетнамским мастером карате, мистером Вонгом, со

стальными мускулами.

— Лучше зависеть от лапши, чем от танго, — сказал Мистер Че, втягивая в себя лапшинки.

— Или от романчиков.

— Не нужны мне короткие истории. Долбаные интрижки, одна за другой. Хочу жениться и каждую ночь возвращаться к одной женщине. Ты бы пошла за меня, Кафка?

Я засмеялась, хотя в горле у меня стоял комок, и не из-за лапши.

— Думала, ты никогда не влюбишься.

— Я *хочу* влюбиться, но не могу. Или женщина уезжает. Отсюда шутки. Танго. Когда танцуешь, тебе не до слез.

— Не желаю уезжать, — я сжала его горячую руку, внезапно испытав приступ паники. Что меня ждало в Новой Зеландии? Nada — ничего… Он сдавил мою ладонь в ответ и отвернулся:

— Платон говорил, что у души три начала: «разумное», «яростное» и «страстное». И когда что-то одно преобладает, у человека нет баланса.

— И у нас нет?

— Оттого и танцуем. Танго дает душевное равновесие. — Он потянулся и поцеловал меня в щеку. — Не плачь по мне, Кафка.

— Что ты собираешься делать?

Улыбка в ответ:

— Я китаец, и у меня сигара. Пойдем, провожу тебя.

Диски, четыре пары стоптанных танцевальных туфель и фотографии, добытые на блошиных рынках, ждали, упакованные в коробки. Но сколько бы я ни собиралась, ни проверяла все, меня не покидало чувство, что я забыла что-то важное.

Ганс поехал со мной в аэропорт. Вручил на прощание кассету с русскими и немецкими композициями. Теперь он встречался с актрисой из России.

— Надеюсь, у вас получится.

— Да, я тоже очень-очень надеюсь. А когда ты вернешься?

— Не знаю. Проблема в том, чтобы не уезжать.

— Все покидают Берлин, — сказал Ганс, внезапно помрачнев. Лара вернулась в Тель-Авив, перед отъездом закрутив-таки бурный роман со знакомым танцором, истинным арийцем, но им оказался не Ганс. — Но мой город всегда открыт для каждого.

Берлинское танго научило меня тому, что диссоциация не мешает единению. Можно испытывать настоящую связь со своими партнерами, вплоть до тангазма, причем не мучить их и себя, втягивая в Танго-Отношения, или в Танго-Роман, или во что-то

еще, достойное заглавных букв.

Сказать «до свидания» Берлину, моим друзьям, моей *танцевальной влюбленности* оказалось трудно, сложнее даже, чем произнести *adios* на Аугустштрассе год назад.

Такси везло нас мимо Clärchens Ballhaus, мимо обломков Тахелеса, мимо цветущих лип, по мосту через Шпрее, мимо Кунст-Верке и рынка Ностальжи, где продавались фальшивые куски Берлинской стены (проштампованные для убедительности), мимо царапин и шрамов старого Берлина и витрин и блеска нового. Ганс засунул руку в карман и вытащил забытую мной фотографию пары, танцующей танго.

— Загадка решена, — сказал он. — Катастрофист перевел то, что здесь написано. Tangotanzen macht schön.

Танцоры, казалось, подмигивали мне: видишь, мы же тебе говорили.

Кортина

Капка Кассабова: Итак, почему вы танцуете танго?

Испанка, 26 лет: Потому что хочу выяснить, кто я такая.

Уругваец, 53 года: Потому что так я вспоминаю, кто я такой.

Австралийка, 36 лет: Потому что так я больше становлюсь собой.

Англичанин, 38 лет: Потому что я могу забыть, кто я.

Американка, 29 лет: Потому что я могу быть кем-то другим.

Грек, 40 лет: Потому что не хочу умирать.

Третья танда
Разум
В поисках дома

Седьмая минута
Мечтать и ничего больше
Урок: Туризм

— Капка, ты вернулась!

Вечер среды, гавань Виадук, кафе Limon. Турки за баром исполняют подборку из столь любимого Сильвестром Освальдо Пульезе, а мои оклендские друзья потрясены мои появлением:

— Мы и не думали, что ты вернешься.

— Но я живу здесь, разве забыли? — ответила я и тут же взяла себя в руки, заслышав в своем голосе ностальгические нотки Рейчел. О, эти милонги Берлина, вы и представить себе не можете!

— Нет, ты здесь *существуешь*.

— Боже, — воскликнула Ануш, — на твоем месте я бы осталась в Германии.

— Но тангомания добралась и до нас. В Новой Зеландии теперь происходит столько всего. Тебе не нужно больше убегать, — протянул Джеймс.

— Не волнуйся. Я остаюсь.

— По крайней мере пару месяцев, мне ли не знать Капку, — смеялся Джеймс.

Я проигнорировала его замечание, ведь здесь, в давно знакомом кафе, жизнь казалась мне замечательной. Старые и новые тангерос лениво танцевали, попивали кофе с молоком и шардоне и делились танго-событиями: за время моего отсутствия возникли другие милонги, материализовались новые учителя, появились хорошие танцоры из разных студий, и на обломках старых отношений расцветали новые. В танго-меню предлагались пляжные вечеринки, пикники и даже ежемесячная милонга в Оклендском яхт-клубе, в окружении тысячи парусов. Стал проводиться Новозеландский чемпионат по танго, и мой знакомый Гевин, с улыбкой хоббита, победил в номинации «лучшее выступление», выполнив со своей молодой партнершей в красных сверкающих туфлях на каблуках идеальные ганчо и сакады. Как насчет такого поворота, дамы?!

Как-то в кафе я встретила Сильвестра.

— Думаю, мы должны друг другу пару танд. Что скажешь? — он протянул руку. Я ничего не ответила, и без слов было понятно, как приятно снова оказаться в его объятиях.

— Твой стиль немного изменился. Ты диссоциируешься.

— Прости. — Мы танцевали в стиле закрытого объятия,

подразумевающего ассоциацию, а не диссоциацию.

— Ничего страшного. Я так или иначе пытаюсь чередовать открытое и закрытое объятия, так что все нормально. Хорошо, что ты вернулась.

— Хорошо, что я вернулась.

Следующей композицией была «наша» песня двухгодичной давности — Una Vez («Всего лишь раз»). Странно танцевать с ним и понимать, что он и есть «моя самая большая танцевальная любовь». С ним я ощущала то блаженство, которого не находила ни с кем — даже с Мистером Че или Карлосом Риваролой.

«Всего раз в жизни, всего лишь раз…»

— У тебя идеальная ось. И баланс улучшился.

Сказать по правде, спустя год эмоционального эквилибра в Берлине именно баланс я отчаянно пыталась поддерживать. Правда и то, что на момент разговора с Сильвестром моя жизнь, подобно танго, двигалась против часовой стрелки. В свои тридцать я снова вернулась в дом родителей на побережье, гуляла, проигрывала в голове сладко-горькую «Мелодию сердца», собирала ракушки и скучала по уродливой красоте Берлина: по следам от пуль в домах на Аугустштрассе, по Мистеру Че и нашим полным недомолвок шутливым беседам. Скучала по Ларе и ее умной голове с роскошной гривой.

Una Vez заканчивается и сменяется знаменитым вальсом Soñar y nada mas («Мечтать и ничего больше»).

— Самый прекрасный вальс на свете, обожаю его, — произнес Сильвестр.

Оставался час до полуночи. Мы исполняли идеальные близкие хиро, а в зале витал аромат ягнятины на гриле. Я закрыла глаза и попыталась не думать ни о чем, *мечтать и ничего больше.*

Но мне хотелось большего, пусть и не знала, чего именно. «*Не пробуждайся, если мечтаешь о любви, девочка*, — стонал певец. — *Ибо любовь — мечта».*

Внезапно краем глазом я заметила юношу, который стоял на улице и смотрел на меня через стеклянное окно кафе. Я его тотчас узнала, хотя много лет не видела.

Мы с Терри дружили со времен учебы в маленьком университетском городке на Южном острове; последние восемь лет он писал из разных неспокойных мест, где переживал одно экстремальное приключение за другим: перебивался на улицах Дамаска, убегал от банды наркоторговцев в Колумбии, находился под прицелом тайной полиции Сирии, подозревающей, что он агент Израиля… и ничто из его злоключений меня не удивляло, просто он всегда был выдумщиком и авантюристом. Последняя

новость, пришедшая от него, — про вербовку в ряды британской армии.

И вот он появился в кафе, будто взошло солнце. Кудри сменил военный ежик. Лицо уставшее и очень взрослое, хотя ему еще и двадцати шести не было.

Но глаза те же: зеленые, счастливые и любопытные. За плечами армейский рюкзак и гитара, которую он, с присущей ему неуклюжестью, брякнул на стол. На фоне вальса «Романс по соседству» раздался ее громкий звон.

— Здорово, дружище Капка. Ты подстриглась.

Я пожала плечами, чувствуя глуповатую радость оттого, что вижу его: «Ну прошло… сколько, восемь лет? Мне нужно было постричься».

Его лицо расплылось в улыбке, а я поймала себя на том, что и мой рот широко растянулся. Терри выглядел странно со свои рюкзаком и стриженой головой среди всей этой *dolce vita.*

— А ты что здесь делаешь?

— Мой дедушка умер. Я в увольнительной, приехал на похороны.

— Мне очень жаль. Но что ты делаешь именно в *этом* месте?

— Не знаю. Дай, думаю, пошатаюсь, отдохну, посмотрю на новую гавань Виадук. А еще увидел фото, на котором ты где-то танцуешь, и решил попробовать отыскать.

Несмотря на характерные для киви манеры поведения и лексикон, за годы службы он приобрел не вяжущийся с ним английский акцент.

— Так откуда ты узнал, что я тут?

— Я не знал. Просто дай, думаю, зайду. А тут ты.

Он сжал меня в искренних объятиях, настолько долгих, насколько я могла выдержать без того, чтобы не начать вальсировать. Потом подсел за наш длинный стол к остальным тангерос, с которыми сразу же и познакомился.

— Привет, Джим. А как бы мне подхватить это ваше танго?

— Танго не болезнь, чтобы его подхватывать, — ответил Джеймс, и все засмеялись. Так он пытался защитить меня от незнакомого наглеца. Но к концу вечера все были очарованы Терри. Особенно я.

Спустя неделю он уехал в Британию, и началась десятимесячная романтическая переписка, в которой строились планы на будущее и обсуждалась тема совместной жизни. Очевидно, судьба всегда хотела видеть нас вместе, еще с тех юных лет, когда я страдала от анорексии, а он — от прыщей.

В конце концов мы решили, что я перееду в Британию, пока не закончится срок его службы. И вот под взволнованными

взглядами родителей и всезнающим оком Пьяццоллы, изображение которого по-прежнему висело на моей стене, я собрала несколько коробок с танцевальными туфлями, дисками и книгами. У меня была виза, билет в один конец и любовь всей жизни. Что еще нужно романтику? Да ничего. Nada más.

Снова настало время прощаться с друзьями в Окленде.

— Капка, если с твоим коммандос ничего не выйдет, знай, у тебя всегда тут есть танго, — Джеймс фыркнул, но смешок вышел грустным.

— Жду твоих армейских донесений, — сказал Джефф.

— Да здравствует Королева! — подмигнул мне Мурат, красавец-турок, новый владелец Limon.

— Вперед, тангера, — Ануш помахала кроваво-красными ногтями.

Нас с Терри не связывало ничего, кроме мечты, но мечты очень значимой.

К моменту встречи в аэропорту Хитроу мы не виделись десять месяцев. Меня шокировал вид заросшего парня в шортах хаки и «римских» сандалиях. «Боже правый, что я наделала», — мелькнула на секунду шальная мысль. Но пути назад не было. У меня была двухгодичная виза, а прошлая жизнь, упакованная в коробки, осталась в подвале родительского дома. А главное, я любила этого мужчину, который стоял посреди гудящей толпы и приветствовал меня, тихонько наигрывая на гитаре первые аккорды моей любимой «Малены».

«Малена поет танго, как никто другой…»

Я пыталась улыбаться сквозь слезы. Мы оба смеялись и плакали, чувствуя облегчение после долгих поисков чего-то и кого-то по свету. Никакой больше бандонеоновой тоски по Малене.

Терри предупреждал, что обитает в армейской казарме в глухомани. Там, в его комнатке военного компаунда, я разложила под подоконником танцевальные туфли, диски, книги. Терри тем временем полировал свои парадные башмаки, которые — во имя Ее Королевского Величества — всегда должны сиять. Цвели деревья, и в вечерней неге мы мечтали о будущем. А что же в настоящем?

В тот момент мы были самой счастливой парой в мире. Мы залезали на крышу офицерского клуба, построенного в английском стиле и выходящего на парадную площадь. Пели цикады, и луна на темно-синем небе казалась нарисованной, как старомодный кадр из фильма «День, когда ты меня полюбишь», где Карлос Гардель поет своей невесте, и лица их сияют от

макияжа, а волосы, уложенные по моде 1920-х годов, — от бриллиантина.

Терри ставил «Мечтать и ничего больше».

— Как насчет потанцевать? — спрашивал он, лучезарно улыбаясь. Он всегда светился, а рядом с ним и я тоже.

— Но…

Разве он знал, как вальсировать? Да, знал, пусть и в своей «военизированной» манере, и мог вести хиро: раз-два-три, раз-два-три, хотя и не поспевал за музыкой. Оказывается, последние пару месяцев каждые выходные его друзья ходили в пабы или «по бабам», а он ездил в Кембридж, где брал уроки танго в зале старой пресвитерианской церкви. Оставаясь потом допоздна на милонгах, он вынужден был ночевать где-то в полях, в спальном мешке.

— Пока плохо получается, но мне хотелось тебя удивить. Не понимаю я этой музыки, почему все так мучительно грустно, но я хочу танцевать с тобой, так что готовься меня учить.

К сожалению, учитель из меня никудышный. Я всегда была ведомой, никогда не вела, а пытаться представить себя на мужском месте — все равно что перейти по ту сторону зеркала.

На другой стороне все по-иному. Мужчина поднимает *левую* руку. Он двигается вперед, в то время как женщина отступает, выполняя каминату или очо назад, — привет мускулинным основателям танца — и всегда партнер должен следить за местом действия, даже если это кровать, а не танцпол. Я понятия не имела, как подобное вытворять, и потому просто руководила, используя набор фраз «веди грудью», «слушай музыку», «взаимодействуй со мной», «нет, ногу не сюда», «спине больно от твоей руки», «вот так хорошо», «давай еще раз», «что значит, ты не можешь?».

— Матерь Божья! Как же мне выполнять все одновременно, и не свихнуться, — роптал ученик. А мне нечего было отвечать, кроме как: «Не думай, просто чувствуй». Совет неверный, так как для ведущего в танго анализировать — превыше всего. Увы, тот скучный компьютерный гений оказался прав! Если вы хотите научиться водить, прежде всего нужны организованные мозги.

Естественно, танго — танец импровизационный, но мы здесь не о дискотеке говорим. А об импровизации, основанной на схеме шагов, — вспомните Оскара и его квадрат из четырех монеток на полу. Импровизации, которая после более века соревновательных социальных танцев расширилась, как вселенная, и превратилась в космическую систему безграничной сложности и красоты. Каждый из нас, кто осмеливается войти в небесные врата танго, должен открыть это для себя. Дорогу от четырех монеток до

Млечного пути мы все проходим в одиночестве, даже если вокруг люди и учит нас любимый человек.

Я пытаюсь объяснить все это Терри, но его военное мышление не воспринимает мои путаные метафоры. Пытаюсь вести его, иллюстрируя то, что иначе донести не удается, но все впустую.

(*Пауза*. В наши дни женщины, осваивающие мужскую партию, не редкость. Подобная мода зародилась в Европе и Северной Америке в 90-е годы XX века и путем культурного танго-обмена добралась обратно до Аргентины. Сейчас повсеместно проводятся практики только для женщин и на милонгах часто можно встретить пары из двух партнерш. Многие дамы учатся вести, потому что им не хватает танцев, или же они не хотят зависеть от мужской милости.

«Однополый» танец — какой в нем смысл и является ли он танго, спросите вы. Технически — да. Но с других точек зрения (если вы не гомосексуалист) это умопомрачительно скучно. По своему опыту скажу: танцевать с женщиной — неважно, насколько хорошо она ведет, — сродни *репетиции*. Можно поспорить: мол, разве кто-то не сказал однажды, что танго выше вопросов пола? Правильно.

На эту тему написано множество книг, некоторые из них даже хорошо написаны. И потому вместо ответа лишь спрошу: теперь вы понимаете, какую запутанную сеть мы плетем, когда танцуем?)

На самом деле я не хотела знать, что́ стоит за мужской партией. Иначе исчезло бы очарование. Я просто хочу, чтобы мужчина *делал это*, неважно, чего оно ему стоит.

Кроме того, если у вас нет повышенной активности в генах, вы обнаружите, что обучать своего мужчину танцу совершенно несексуально. И такие уроки отличаются от тех, что в фильме с Ричардом Гиром и Дженнифер Лопес. Учитель и ученик, разгораются страсти, достигая кульминации в студии, в сцене, когда ночью они даже не замечают, что она *ведет*, хотя и притворяется ведомой. Ловкий трюк, распознать который под силу лишь профессионалу. Но когда страсти на первом плане, а танго — на втором, уроки не ведут к кульминации.

В итоге я говорю Терри чудовищную чушь, в которую почти верю сама:

— Да что мы зациклились на танго? Меня оно больше не интересует. Может, то была лишь глава жизни, и я ее перелистнула. Кстати, как там мои кексы?

— Но я же знаю, чего тебе не хватает, — он насквозь видел причину моей домашней суеты. — Танцуя с тем парнем в Окленде, ты выглядела такой счастливой. Хочу, чтобы ты

испытывала подобное и со мной.

Вот отчего, когда Терри не уезжал на сборы, мы отправлялись искать подходящие классы и милонги в близлежащей округе. Танго в Кентербери? Здорово. Танго в Грейвсенде? Конечно! Мой мужчина относился к занятиям танцевальным так же серьезно, как и к военным, и делал успехи. Но вскоре он отправился на настоящие учения, и я осталась одна. За окном на площади военный оркестр репетировал «Мы — чемпионы», а я обратилась к Пьяццолле, чтобы приглушить одиночество, волнение и нарастающее чувство, что я очутилась в не очень-то смешной комедии о чьей-то чужой жизни.

В очередной раз танго идеально подходило под мое настроение. Все, что мне было нужно, — это «Забвение», «Годы одиночества», «Зимой в Буэнос-Айресе». Карлос Гардель, Пульезе, Ди Сарли, Gotan Project, Даниэль Мелинго — они заменили мне семью. Они меня всегда понимали, и особенно хорошо здесь, в армейских казармах, где я оказалась и единственным «гражданским лицом», и единственной женщиной. И спустя какое-то время я поняла, что если не уеду — неважно куда, — то полезу на стену под звуки песни с подходящим названием: «Мое безумие». У меня появилась идея писать статьи о путешествиях. Естественно, отправлялась я в те города, в которых могла танцевать.

Так я узнала, что тангомания поразила Европу, как в свое время испанская лихорадка. Старый Свет пал не сразу. Перебравшись в начале XX века из закоулков Буэнос-Айреса в европейские бальные залы, из-за войны, грязных политических игр и поп-музыки, танго на пару-тройку десятилетий ушло в подполье.

Кто погубил его в конце 1950-х? Генералы, которые свергли Перона и ввели «военное положение», когда любые собрания больше трех человек оказались под запретом. А в 1960-е? Джаз и рок-музыка. В 1970-е? Группа «Битлз». В начале 1980-х? Снова генералы, загубившие тридцать тысяч человек. Мрачное средневековье танго длилось долго.

Поворот к лучшему произошел в 1980-е, когда странная новая музыка Астора Пьяццоллы произвела революцию жанра. В 1982 году международное шоу «Танго аргентино» снова превратило танец в сексуальный и модный, за что мы должны благодарить первую великую пару мирового шоу-танго — Марию Ниевес и Хуана Карлоса Копеса.

В 1990-е началась глобальная экспансия аргентинского танго. Специальные школы, милонги, различные события и концерты

появились в крупных городах Европы, Северной и Южной Америки, Азии и Австралии. К первому десятилетию XXI века не осталось ни одного города или деревни в Европе, где бы не было танго-сообщества. За двадцать лет аргентинское танго проделало путь от неприглядной танцовщицы на задворках мира до дивы на шпильках на сверкающей сцене. От преданных пионеров движения, которые все это время не давали погаснуть его огню, — таких как Ниевес и Копес, Мигель-Анхель Зотто, Динцель (о котором я расскажу подробнее), Карлос Гавито (о котором тоже расскажу), — до огромной индустрии профессиональных танцоров, сражающихся нынче за золотую жилу.

Каждый европейский город, в котором танцуют танго, — а мест, где его не встретишь, очень мало, — имеет собственный отличительный стиль, свою индивидуальность. Подобно тому, как каждый из нас двигается, выражая свою глубинную сущность: чувственно, напряженно, мечтательно, отчаянно, эгоистично, щедро, торопливо, самодовольно, бесстрастно, злобно, — так, в известном смысле, и города танцуют по-разному.

А что происходило со мной? Я сходила с ума, потому что в первый год в Англии пыталась сшить жизнь из двух совершенно разных половин, которые ничего не связывало. Более того, они противостояли друг другу во всем — от моды на обувь до идеологии. Речь идет, разумеется, о танго и британской армии.

Одна моя часть жила в военном городке с охраняемыми воротами и мужчинами с разными акцентами, но в одинаковых формах, когда они отправлялись в Ирак и Афганистан либо возвращались оттуда. На утомительные ужины с серебряными приборами в офицерской столовой им надлежало приходить в костюмах. На некоторые специальные мероприятия офицеры приглашали дам, и после каждой перемены блюд отодвигали нам стулья, мы все вставали за длинными столами, которые простирались вдаль, словно мечты Британской империи, и были заставлены серебряными трофеями из бывших колоний. Стоя, мы поднимали хрустальные бокалы в сторону огромного портрета молодой королевы Елизаветы II с собакой породы корги.

Другая же моя часть проскальзывала мимо КПП, как бабочка, перелетающая из одного аэропорта в другой. В моей ручной клади максимально компактно, словно что-то запретное, были уложены «предметы первой танго-необходимости» — пара туфель, платье, шелковый веер, карта города с отмеченными танцевальными площадками и маска на глаза, чтобы отсыпаться днем после ночного веселья.

Итак, позвольте пригласить вас на экскурсию по милонгам

Европы: двигаемся с востока на запад.

Милонга 1: Before and After. София

Милонга Before and After («До и после») проводится в здании декадентского ресторана, построенного в стиле сецессион. *До* подразумевает конец XIX — первую половину XX века, до того, как с появлением Красной армии все пошло прахом. В то время это был буржуазно-богемный дом поэтессы и светской дамы, развлекавшей друзей у мраморного фонтана. Гости танцевали танго, курили длинные тонкие сигары, крутили романы, складывали лирические вирши и заболевали туберкулезом.

После — наши дни, каждое воскресенье, где в зале с кожаными стульями, фотографиями тангерос на бело-голубых стенах в стиле ар-деко и венскими стульями собираются нарядно одетые мужчины и женщины. Я как раз пропустила занятие Дэни и Чарли, чья техника столь же специфична, как их вкус в одежде. Она носит дизайнерские юбки и чулки в сеточку. На его шее — узорчатый шейный платок, заправленный в свежую белую сорочку, что придает ему вид компадрито[7].

По-рыбьи холодные глаза тангеро вполне соответствуют слухам о том, что во времена холодной войны, которую можно назвать *промежуточным периодом*, он был то ли детективом, то ли агентом тайной полиции. (*Пауза*. При коммунизме танго не существовало, одно с другим просто не вяжется.) Но как мы уже знаем, сплетни зачастую далеки от реальности. Несомненно одно: он без ума от танго. Именно он пару лет назад создал здесь из ничего мир танго, и вся его жизнь крутится вокруг уроков, выступлений и софийского радио, посвященного танго.

Сейчас время милонги. Чарли приглашает новичка (меня) станцевать под великолепно звучащую композицию в исполнении оркестра Де Анджелиса. Чарли хороший танцор с безошибочной техникой, но меня не покидает ощущение, будто мы скользим на коньках по ледяной тундре души.

— Приходите к нам чаще, — в конце он целует мне руку. Глядя на него вблизи, понятно, что в жизни он повидал всякое, причем отнюдь не все радужное. — Не чувствуйте себя иностранкой.

В Софии я провела первые шестнадцать лет жизни, и это единственное место на земле, где люди правильно пишут и произносят мое имя. Но сейчас я, как и все эмигранты, оказалась в ловушке устаревших представлений о своей родине и не в курсе новостей, за исключением танго.

— Приветствую, — мужчина, на вид старше меня, протянул руку. — *Сеньорита* танцует?

О да! И достаточно одного очо в компании загорелого старого лиса с платком на шее, чтобы понять: в его теле альпиниста — душа танцора сальсы. Короче говоря, с танго он не в ладах. Но во всем остальном очарователен, и я стараюсь побороть в себе снобизм тангомана. Он торгует антиквариатом. На его прилавке на блошином рынке (позади которого сверкали купола храма Александра Невского) я обнаруживаю свалку исторического утиля: старые граммофоны и позолоченные часы, нацистскую символику, кольца филигранной работы времен Османской империи, меха вымирающих животных, набор матрешек, где фигурка Путина вставляется в Сталина, а Сталин — в Ленина.

— Думаю, они забыли Брежнева, — обнажает золотой зуб мой новый знакомый.

Словно вернулась в Берлин.

В следующее посещение Before and After знакомлюсь с другими лучшими парами города. Иво и Надя — энергичные выпускники Оксфорда.

— Я экономист, но живу ради танго, — сообщает Иво с улыбкой. Его виски тронуты сединой. Надя — фармацевт, а выглядит так, будто сошла со страниц журнала Vogue.

Они лучшие представители поколения «после», то есть моего поколения. Но в отличие от меня ребята вернулись в Болгарию создавать что-то прекрасное, например, танцевальную школу Tanguerin. А что останется после меня, экспата? Углеродный след в атмосфере планеты. Мечта — и ничего больше.

— Ты чувствуешь себя в Британии как дома? — интересуется Иво. Он не только артистичен и подвижен, но и умеет читать мысли.

— Нет, — говорю, — но, возможно, это из-за того, что я обитаю в казарме.

Он смеется:

— Я жил в Оксфорде и прекрасно тебя понимаю.

— Радуйся, что здесь ты в гостях, — советует Надя.

— Вот уж верно. Если бы я могла танцевать не переставая, я бы делала это, — произносит женщина с изможденным лицом, сидящая за нашим столиком. Она бывшая гимнастка. На руках — длинные красные шелковые перчатки. — Чтобы жить в Болгарии, нужно *много* танцевать.

— Ну, необязательно смотреть на вещи под таким углом, — улыбается здоровяк Ивайло с ямочками на щеках, лицом русского витязя и фигурой рестлера. — Тут, там или в Касабланке — дело случая. А свой мир ты творишь сама.

Звучит песня Pensalo bien («Подумай хорошенько»)

Д’Ариенцо, Ивайло идет танцевать со своей партнершей с лицом балерины, и я, глядя на их искусную танду, понимаю: они фантастические тангерос, они влюблены друг в друга, и они действительно создали свой собственный мир здесь, в посткоммунистическом «после». Юноша изучал математику, психиатрию, драматургию и семиотику, а танго для него не просто искусство, а выражение политических и нравственных намерений. Его сложное видение реальности нашло отражение в Манифесте Ивайло, согласно которому танго:

1) радикальная форма борьбы с пошлостью и безумием душевной пустоты, нравственная защита от китча;

2) отважное единение с другими людьми, блаженный оазис выражения «я могу», возможность контактировать с миром;

3) неистовый экстаз личности каждого, призванный освободить нас от феодализма нашей собственной истории;

4) глубокое проникновение в ту часть человеческой души, где бурлит природный водоворот дуэнде, разрушающий ужасы цивилизации.

Мне кажется, если мы проберемся сквозь семиотические дебри, то придем к убеждению, что танго дарит возможность побега, связь, свободу и экстаз. По мне звучит довольно разумно. Впрочем, я пока усвоила только первые две вещи, а свобода и экстаз мне неведомы.

— Сеньорита танцует? — передо мной рука торговца антиквариатом. Он так искренне улыбается, что отказать ему было бы подобно пощечине. И я, с зубовным скрежетом и болью в спине, исполняю с ним танду.

В конце милонги все принимаются целоваться и обмениваться фразами, наподобие «до завтра», или «увидимся на практике на следующей неделе», или «позвони мне по поводу туфель», или «у меня стамбульские мастер-классы записаны на видео». Я тоже раздаю поцелуи направо и налево, но знаю: завтра меня уже здесь не будет. Несмотря на теплый прием и очаровательных людей, София больше не будет моим домом. У моих многочисленных воспоминаний истек срок годности, и теперь я здесь гость, чьим единственным связующим звеном с этими милыми болгарами служит танго.

Милонга 2: Старый порт. Марсель

Меня занесло в захудалый бар, один из многих подобных в районе Старого порта — точке на карте, где заканчивается Европа и начинается Африка. На горизонте в розовеющих сумерках развеваются паруса, и изъеденная временем крепость из

песчаника напоминает остатки декораций после киносъемок. В зале с развешенными по стене морскими картами и витающим в воздухе запахом моря и сигарного дыма тридцать человек танцуют или смотрят на танцпол под ритмичные звуки милонги. Вечеринка проводится в будний день, и все выглядят очень стильно в легкой хлопковой одежде.

Я пытаюсь получать удовольствие от танца с пригласившим меня французом, несмотря на его белые туфли (всегда плохой знак) и ужасное чувство ритма.

(*Пауза*. Танго, благодаря допустимым паузам, может скрыть огрехи вашей музыкальности или техники. Милонга, напротив, безжалостна. И опытный танцор едва ли согласится на танду из милонг с неизвестным партнером, предпочитая разогреться танго или вальсом. Похоже, мой партнер о таких вещах не задумывался.)

— Я Роллан. У тебя много *любимых*? — спрашивает он, когда мы присаживаемся за столик, из-за которого только что выпорхнула его молоденькая спутница.

— Простите?

— Мы сейчас танцевали под Milonga de mis amores («Милонга моих любимых») Анибаля Тройло, разве нет?

Роллан одет в мятую рубашку в индийском стиле, у него «конский хвост» и щербатый рот. Но его глаза за круглыми «ленноновскими» очками выглядят комично и успокаивают меня.

— Всего один, и этого достаточно.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать один.

— У тебя еще десять лет наслаждений.

— И чем я должна наслаждаться?

— Своей молодостью. Используй оставшееся время по полной.

Наглый старый козел.

— А вам сколько?

— Пятьдесят. У мужчин фора десять лет. Но теперь я уже все, вышел из игры.

— У вас же молодая подружка.

— Да, но она от меня уходит. Такова история моей жизни. И история Марселя. А вот и Хамади.

Хамади, коренастый алжирец с дредами, в белой свежей рубашке, приглашает меня на танец. В более консервативных танго-сообществах мужчина никогда не подойдет к женщине, сидящей в компании другого. Но здесь этикет никого не волнует, что для меня, иногородней, не так уж и плохо.

— *Eh, oui*, — темная улыбка озаряет лицо алжирца. — Я здесь

уже десять лет.

Хамади живет в Марселе нелегально, перебиваясь случайными заработками. Суровая жизнь и наркотические грибы сгубили его левантийскую красоту, но в глазах его пылает лихорадка, которая завораживает меня так же, как всегда завораживал Марсель — с тех пор как побывала здесь лет десять назад, будучи новоиспеченной выпускницей французского факультета. Хамади обнимает меня так крепко и интимно, как будто завтра не существует. Он из тех самоучек, которые давным-давно сходили на пару занятий, а до всего остального дошли сами. Романтика темы Motivo sentimental («Сентиментальный мотив») Ди Сарли чувствуется во всем его теле. Ощущения столь сильные, что после трех танд в горле встает ком, и думаю (хотя могу ошибаться), что-то подобное наблюдается и у него в брюках. Так или иначе, было бы нечестно по отношению к Терри испытывать такую близость с другим мужчиной, поэтому я решаю не продолжать, и немедленно жалею об этом, поскольку вижу, что бугор в штанах Хамади — это кошелек, который он извлекает из кармана, чтобы купить кока-колы.

(Пауза. Нормально ли для тангеро «приветствовать вас», когда он танцует с вами? Ну, это от него не зависит. Плохо, если он хочет, чтобы вы знали об этом. Такие мужчины — редкость, и их немедленно изгоняют. Телесные посягательства вне танца — основной запрет в танго, гордящегося своим кодексом чести. Так или иначе, нижняя часть женского тела не соприкасается с мужской, хотя иногда легкое касание ногой или бедром его паховой зоны рождает вопросы.

Вот почему традиционные брюки свободного покроя во многих отношениях лучше всего. На самом деле вы не найдете настоящего тангеро в обтягивающих или идеально сидящих джинсах. Для женщин предпочтительны эластичные ткани, летящие юбки и мешковатые шаровары. Так что, извините за каламбур, защита от удара ниже пояса — свобода движений ниже пояса.)

Мы с Хамади болтаем у барной стойки. Он уехал из Алжира вскоре после того, как его брата, полицейского, убили в теракте.

— Меня спрашивают, вернусь ли я назад. Как сказал не помню кто, у моей страны печальное прошлое, катастрофическое настоящее, но, к счастью, нет будущего, — его смешок прозвучал своеобразным разрешением улыбнуться и мне. — Здесь люди ввязываются в «темные делишки», но я пытаюсь не вляпаться ни что вот такое. Я говорю одно: вернуться в Алжир — сложно. Корабли отправляются каждую ночь, но туда или на самолет мне не попасть — нет документов. Добраться домой я могу, только

доехав до Гибралтара на автомобиле и поймав попутный грузовик.

— Твоей маме, должно быть, тяжело.

— О да, ее это убивает… а я нашел танго, которое люблю, и могу танцевать семь ночей в неделю при желании. Оно дает мне все что нужно. А там, кто знает: может, я однажды женюсь на француженке и стану уважаемым человеком!

— Здесь много красивых женщин, — мы оглядываем проходящих мимо узкобедрых дам на высоких каблуках.

— Они слишком худые, это расстраивает меня до глубины души. Привет, брат! — обращается мой собеседник к молодому арабу с нагеленными волосами и в щегольском черном костюме.

— Юсуф, еще один *магрибский* тангеро, — улыбается Хамади. Магрибский означает североафриканский.

— Да, нас двое, и уже толпа, — отреагировал нагловатый Юсуф, танцевавший в восхитительном стиле милонгеро.

— Ты тут повидать своих ребят? — спрашивает Хамади и добавляет: — Он живет в Лондоне.

— Угу. В нем самом, и занимаюсь у Гавито.

Это объясняет многочисленные паузы и наклоны, отличающие стиль Карлоса Гавито, наиболее известного широкой публике своим выступлением с Марселой Дюран в шоу «Танго навсегда».

— Будешь в Лондоне, Капка, обязательно загляни в The Dome, — он явно упивается мыслью, что живет в столице Великобритании.

Хамади вылавливает косяк из своего волшебного кармана, и мы пускаем его по кругу.

(Пауза. Хотя танцы в подвыпившем состоянии под запретом, танго тяготеет к наркотикам, и легким и тяжелым, особенно к таким, которые можно вдыхать или нюхать. Есть даже категория песен о барах и наркотическом дурмане, например: «Сегодня я упьюсь», «На посошок», «Виски», «Кокаиновые цветы». Припев композиции 1940-х годов под названием «Танго и пьянство» звучит так: «Ностальгия ведет к пьянству,/А пьянство ведет к танго». У милонгерос старой школы бывали проблемы с разными видами зависимости разной степени тяжести. Одного знаменитого танцора окрестили Спиртовкой из-за количества вина, которое он потреблял. Позднее он перешел на безалкогольные напитки, но, по его словам, это было хуже: они его «окисляли».)

Пока двое мужчин ловят кайф, я смотрю на гавань. Как удивительно совпало, что Марсель стал первым европейским портом назначения танго, и отсюда оно распространилось по

Европе, вплоть до Санкт-Петербурга.

Кто же привез его сюда? Аргентинские моряки. А какие первые песни они привезли? La Morocha («Брюнетка») уругвайского музыканта Саборидо и El Choclo («Початок кукурузы»). Несмотря на свое аграрное название, последняя, наравне с «Кумпарситой», — одна из самых знаменитых мелодий. Ее автор — Анхель Виллольдо — стал первым, кто писал стихи для танго на литературном языке, а не на сленге, поэтому он может считаться создателем жанра танго-поэзии. Танго El Choclo получило такую популярность, что расцвело в трех разных поэтических «початках»; моей любимой версией стала сочиненная Дисцеполо полвека спустя, специально для дивы Либертад Ламарке, исполнившей ее в фильме Бунюэля «Большое казино». «С этой веселой, шутливой песенки/Зародилось танго./Словно вскрикнув,/Оно покинуло трущобы, устремившись в небеса».

А с кем же танцевали аргентинские моряки? С бедными, но бойкими местными девушками — итальянками, корсиканками, француженками, армянками, гречанками, в отличие от которых приличные дамы даже шагу бы не ступили в сторону порта. Они танцевали прямо здесь, на месте этого бара и в злачных переулках за ним. Именно тут все и происходило: преступления, торговля, секс, мечты, кошмары, танго.

Танец XX века, первый танец, позволяющий импровизировать, ведь до него парные танцы имели четкую последовательность шагов, и все участники выполняли одни и те же фигуры (за исключением разве что вальса, но и там количество вариаций было строго ограничено). Танго же, со знакомым партнером или неизвестным, всегда творческое, увлекательное, интимное — и, следовательно, непредсказуемое. Два круга танго никогда не повторяются, даже для одной пары.

Это первый в истории танец индивидуалистов. Первый городской танец, переступивший порог бальных залов. Первый парный танец, поднявшийся над социальными, возрастными и расовыми барьерами. Танго никогда не было безопасным. Вот почему оно волнует людей уже столько лет.

— Все хорошо, ля Капка? — смотрит на меня Хамади.

— Знаешь, я много мечтала о Марселе. А теперь, когда вернулась сюда, все кажется нереальным, будто… — не в состоянии выразить словами, я просто плыву от марихуаны на смутной волне счастья. Хамади смотрит на меня воспаленными глазами.

— О да, здесь есть улицы Гваделупа, Мартиника, Монтевидео, Израиль, Палестина, Александрия, Касабланка… я хочу сказать, ты не одинока, ля Капка.

— Именно, — произнес подсевший к нам Роллан. — В Буэнос-Айресе то же самое, там округ Палермо, и Плаза Франция. Вот так танго и кружило между портовыми городами.

— Дело не всегда в месте действия, — присоединяется к разговору его подружка с черными волосами, спадающими на широкие плечи. — В танго важнее всего время, это танец борьбы человека со временем. Танго не принимает того, что все скоротечно. Оно как пластинка, которую заело.

— Вот Марго нам и разложила по полочкам, — добавляет Роллан. — А сама вместо того, чтобы танцевать, бормочет свои мантры. — За сарказмом его слов улавливается боль. А девушка улыбается своей мудрой дзен-улыбкой.

— Да, правда, я собираюсь в буддистский монастырь. На некоторое время. Долгосрочных планов не строю, так как осознала их бессмысленность; реальная жизнь там, где ты, здесь и сейчас.

— Точно, Марго, — мрачно ухмыляется Хамади. — Я вот как раз приехал.

— Maaaaar, ya no tengo a nadie, — внезапно запевает Роллан под звуки песни Tristeza Marina («Тоска моряка»). Он курит косяк и переводит для нас: «Море мое, у меня нет никого… Нет больше любви у меня». — И добавляет: — «Но у него была избранница, по имени Марго».

Он смотрит на тезку героини песни, встающую из-за стола, ей все это кажется слишком сентиментальным.

— В итоге суженую он потерял, слишком любя моря, — продолжает Роллан, за его круглыми очками прятались усталые глаза. — Проклятье портового города, потому они и построили золотой Нотр-Дам де Ла Гард на вершине холма, чтобы защитить моряков. Но никакая долбаная девственница не спасет наши души, только танго может.

Размышления прерывает кабесео Хамади. Он не французский интеллектуал, и изъясняется не словами, а телом.

И хотя больше мы никогда не виделись, в те двенадцать минут танца с ним я точно знала, что такое настоящая жизнь.

Милонга 3: Zero Hour[8]. Лондон

Выступая в 50-е в клубах Буэнос-Айреса, Астор Пьяццолла со своими друзьями-музыкантами обычно выходил в антрактах на улицу передохнуть, и в пустоте полуночных авеню ему слышалась заунывная и тревожная тема zero hour, которую позже он стал исполнять на бандонеоне. Так же называется самая известная милонга в Лондоне, проводимая в The Dome, куда я отправилась по рекомендации Юсуфа.

У входа гостей встречает хозяйка, высокая темноволосая боснийка Билджана с королевской осанкой. На помосте царит поджарый и смуглый Ос, один из первых и лучших танго-диджеев Европы. Вместе (хотя на самом деле они уже не пара) они творят пьянящий микс из старого и нового танго, из музыки Франсиско Канаро и группы Gotan Project, из Освальдо Пульезе и Астора Пьяццоллы, из томительных нот и жизнерадостных ритмов, блистательных кортин с исполнением сальсы и приглушенного освещения…

О боги, неужели это…

— Посмотрите, Гавито танцует, — подтверждает мои сомнения стоящая сзади женщина с раскрытым шелковым веером. Карлос Гавито — одна из живых легенд мира танго. Рука старого греховодника обвивает чей-то молодой стан. Его черное одеяние, лысина, седая борода, золотое кольцо, сияющее на пальце, и особый блеск в глазах — все выдает в нем настоящего *милонгеро*.

Чтобы понять, что такое настоящий милонгеро, нужно увидеть, как танцует Гавито; его фирменный «пирамидальный» стиль, когда он и партнерша наклонены друг к другу под углом, способным вызвать ночной кошмар у остеопата. И если вы не против лицезрения ее лица, симулирующего оргазм, обязательно посмотрите, как Гавито и его страстная бывшая партнерша Марсела Дюран исполняют свою часть в шоу «Танго навсегда». Если их выступление не вызовет у вас дрожь, можете официально считать себя мертвым. На самом деле стареющий Гавито и Марсела с точеной фигурой встретились именно здесь, когда она выступала с шоу. Приняв в нем участие, Карлос прославился повсеместно, включая родную Аргентину, где ранее был неизвестен (ибо жил в Европе и на Ближнем Востоке).

— Гавито — лучший учитель из всех возможных, — говорит мне диджей Ос, аргентинский экспат. С ним я познакомилась благодаря нелепому случаю: зацепив каблуком какой-то кабель и чуть не рухнув лицом вниз. «Танго ослепило тебя, такое случается», — сказал Ос и помог мне удержаться на ногах.

— Я брал у него несколько уроков. Гавито — это само танго. Как сказал кто-то: «мелодия, поэзия и движение…»

— …И женщины, — добавляю я. Жизнь Гавито — череда сногсшибательных танцев и партнерш.

(Пауза. Будоражащее выступление Карлоса и Марселы — *не прелюдия* к происходящему между ними после, в приватной обстановке, а *кульминация*. Как сказал однажды сам маэстро: «Наши отношения представляли собой такую редкость, какую мы ищем всю жизнь и иногда находим. Но нет нужды распространять это за пределы танца. Все всегда было связано с ним. Танец

обладал гораздо большим могуществом, чем личные отношения».

Если вкратце: они превратили тангазм в искусство, а потом их пути разошлись, что приоткрыло мне суть: 1) идеального контакта в танго; 2) отношений в танго; 3) жизненного поиска каждого настоящего тангеро. Из чего можно сделать не самый обнадеживающий вывод: живите искусством, а не любовью. Любовь ведет к разочарованию. Искусство — нет.)

— И дамы, — подтверждает Ос. Никогда не думала, что диджеи бывают скромными, но Ос именно таков: стеснительный очкарик. — У Гавито свой путь. С танго, с женщинами, с виски… он живет так же, как танцует.

— А ты танцуешь?

— Раньше да. Сейчас редко.

— Почему?

— Ну, с танго всегда так… то прибывает, то убывает.

— Как луна.

— Именно, — он улыбнулся обезоруживающе, и мне захотелось его обнять. — Знаешь мелодию A Media Luz? «В полутьме». Старинная композиция, написанная в 1925-м. *Коррьентес, триста сорок восемь*… Гуляла когда-нибудь по Коррьентес? Эта улица, которая никогда не спит…

Я спрашиваю Оса о Zero Hour.

— Танго пришло в Лондон в начале 90-х. Меня учили чилиец и англичанка, а потом я встретил Билджану, и она предложила мне поработать диджеем. Я ставил музыку Gotan Project, когда группа только появилась и никто под них не танцевал! А теперь электротанго звучит отовсюду. Танго захватило Европу, и это ведь хорошо? — за очками и сигаретным дымом угадывается улыбка.

Под близоруким взглядом Оса люди заполняют танцпол. Флегматичные, ярко накрашенные азиатки; женщины из Восточной Европы со злыми глазами; английские розы с бледными лицами, танцующие с пузатыми латиноамериканцами, целеустремленные жители Туманного Альбиона, азартные американцы. Они танцуют преимущественно нуэво, с открытым объятием.

Наряду с Парижем Лондону суждено было стать исконной европейской столицей тангомании. В преддверии Первой мировой войны (на время отодвинувшей танго) тангомания захлестнула Лондон. Писатель Герберт Уэллс назвал 1913-й «годом танго», и бал в магазине Selfridges стал мероприятиям, куда все стремились попасть. Журнал *Punch* не был впечатлен и писал так: «Теперь нам понятно, что это смесь плясок черных и гаучо, но молодые английские юноши и девушки, исполняющее

подобное, выглядят, как паралитики».

Пусть и «паралитики», зато счастливые. Танго изменило английское общество, ритуалы ухаживаний, даже моду. Перо на шляпе подняли, чтобы оно не проткнуло глаз партнеру. Юбки стали свободнее и с разрезами для большей свободы движения. Корсеты отбросили в сторону. Началось производство танцевальных туфель и чулок. Появилось несколько руководств по танго, одно из которых написал блудный сын зажиточных аргентинских родителей, отправивших отпрыска в Европу осваивать профессию инженера. Но вместо учебы тот выступал в театре «Шафтсбери» и писал танцевальные манулы, подписываясь английским именем, чтобы дома не прознали родители.

А как дела обстоят сейчас? В наши дни на Туманном Альбионе танцуют в весьма своеобразной манере, но местные тангерос по-прежнему счастливы. Напоминающая чем-то штору юбка с разрезом, появившаяся почти сто лет назад, по-прежнему в моде — хотя стала гораздо короче. Корсет возродился в виде мягкого бюстье, а затем трансформировался в топ без лямок, почитаемый профессиональными танцовщицами во всем мире.

Гавито танцует с очередной нимфой. Вернувшийся из Марселя Юсуф — в паре с Билджаной. Я — с Клайвом Джеймсом, прибывшим сопровождать меня по территории Джека-потрошителя (Таффнел-парку) на необычное для танго мероприятие на природе.

— Вообще-то, — объясняет Клайв, — известный маньяк исчез, потому что для него тут становилось все опаснее. — Сейчас он раздражен, мучаясь над исполнением сложного двойного хиро. У него неплохо получается, но он перфекционист.

— Черт, будем считать, что этого хиро не было. В следующей жизни я хочу родиться Освальдо Зотто. Он раскрывает хиро, словно книгу — глава за главой.

— А не Гавито?

— Шутишь? Я уже в свои годы успел облысеть.

Спать этой ночью мне предстоит на кожаном диване у Клайва, а наутро вернусь в казарму. Клайв уедет в Австралию. Диджей Ос — в Аргентину. Биджана направится в графство Девоншир практиковать шаманское танго (не спрашивайте меня, что сие означает. Все вопросы к ней). А Карлос Гавито?

У Пьяццоллы есть такая песня «Баллада моей смерти», первая строчка которой гласит: «Я умру в Буэнос-Айресе». Через несколько недель слова окажутся пророческими для Карлоса Гавито: он погибнет в аргентинской столице. За свои 63 года маэстро танцевал в 93 странах — путь настоящего милонгеро поистине захватывающий, но короткий, и цена за осуществление

мечты в танго высока. Нельзя списывать все на танец, но правда такова: выдающиеся представители мужского пола в танго не доживают до почтенного возраста. Спустя несколько лет после Гавито самый лиричный танцор, Освальдо Зотто, умрет в возрасте сорока шести лет от сердечного приступа.

— Давай, детка, — Клайв с трудом наклоняется, чтобы переобуться. Мы собираемся уходить с моей последней милонги в Лондоне. — Час пробил. Пойдем, прежде чем я превращусь в тыкву. Ой, постой-ка, я *уже* превратился. Будь другом, подай мне сигару и скати вниз по лестнице.

Милонга 4: Танго на Сене. Париж

Танцпол забит.

— Не могу уловить твой ритм, — говорит после первой песни уругвайский экспат.

«Просто у меня он есть, а у тебя нет, *mon ami»,* — вертится у меня на языке, но я сдерживаюсь и лишь улыбаюсь в ответ. Он неуклюж, немузыкален, и я уже жалею, что пошла на компромисс, согласившись танцевать с ним. Но новичку в чужом городе приходиться выбирать из двух зол: либо принимать приглашение, либо подпирать стену.

— Вы давно танцуете?

— Тебя еще на свете не было, — улыбка обнажила плохие зубы. — Приехал в начале 80-х, не зная ни слова по-французски, и начал заниматься танго.

«Бог мой, — думаю я безжалостно. — Как можно за такое количество времени ничему не научиться?»

— Здесь много аргентинцев и уругвайцев? — спрашиваю после мучительной танды. Стоим наготове и беседуем. Позади темнеет Сена.

— Слишком! Большинство из них полулегальные выскочки с амбициями, аргентинцы-профессионалы, пытающиеся заработать…

— Не вижу ничего плохого, — реагирую я, с нежностью вспоминая об Эль Пахаро в Берлине.

— Конечно, ничего плохого. Удачи им. А ты откуда?

Я объясняю.

— А, ну тогда все понятно.

— Что вы имеете в виду?

— Ясно, почему ты танцуешь. Тебя выгнали из страны, дорогуша.

— Неправда! У меня два гражданства.

— Ну, хорошо, хорошо, — улыбнулся он. — Есть разные виды изгнания. Меня выставили по политическим причинам. Ты же

изгнанница двадцать первого века.

— Предпочитаю думать, что у меня душа космополита, — говорю задиристо.

Снова улыбка в ответ. Его зовут Сальвадор, и он писатель. Передо мной классическая дилемма. Меня раздирают на части два желания: либо продолжить интересную беседу с ним, либо по-человечески потанцевать с кем-то другим. Гложет и другая жестокая мысль: стоит ли тратить драгоценные танды на болтовню с малопопулярным тангеро, тем самым дискредитируя себя?

(Пауза. Да, я стремительно превращаюсь в танцевального сноба, своего рода банкира, инвестирующего в людей в зависимости от их танго-капитала. Сноб весьма восприимчив, когда речь идет о его интересах, но бесчувствен по отношению к другим. Сноб в танго не видит людей, он видит танцоров.

В общем, приятного мало, хотя такой индивид (да зачастую не один) найдется в каждом сообществе тангерос. Более того, снобизм заразен, иначе я бы его не подцепила от берлинской элиты.)

Сальвадор с его разговорами спас меня от этой напасти, по крайней мере, этой ночью. Спасибо ему.

— Хочешь понять, что такое изгнание, посмотри фильм Соланаса «Изгнание Гарделя», музыка написана Пьяццоллой.

— Я пыталась найти видео, но так и не смогла.

— Зато нашла меня. Как сказал бы Флобер: «Изгнание Гарделя — это я».

Военная хунта Уругвая на два года отправила Сальвадора в тюрьму, названную в припадке случайного диктаторского юмора Penal de Libertad — Тюрьма свободы. Но он не стал распространяться о том времени, бросив только: «Это не прошло бесследно. Давай не будем о грустном».

Я спрашиваю, как он нашел танго в Париже.

— Французский приятель поставил запись Карлитоса Гарделя «Мой любимый Буэнос-Айрес», и внезапно из моих глаз брызнули слезы. Забавно, ведь сам я из Монтевидео. Жена говорит: «Давай будем учиться танго», тогда как раз оркестры стали приезжать в Les Trottoirs de Buenos Aires.

— Что это?

— Клуб, где, несмотря на скромный бюджет, возродилось танго в Европе, откуда началась цепная реакция по всему свету, и куда оно вернулось. Молодые думают, что оно всегда было в моде, но я-то помню шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, когда его исполняли «старые перечницы», мои тети-дяди на семейных сборищах. А посмотри, что сейчас.

Его французская жена умерла несколько лет назад.

— Тогда я бросил танцевать, но стало еще хуже, потому и вернулся, ведь здесь мне никогда не грустно.

— Вы ездите в Монтевидео?

— Раз в год. Тоже ради танца, — он заливается смехом; этот беззаботный смех он по праву заслужил.

На прощание обмениваемся поцелуями.

Я плетусь вдоль Сены в отель. Ребенком я грезила о Париже, но из-за железного занавеса моя мечта была неосуществима, и город казался мифом. И в истории танго это мифическое место Париж стал столицей, где танго впервые произвело фурор в начале XX века. Танцоры из низших слоев общества, которым нечего было терять, приехали сюда из баров Буэнос-Айреса и — вуаля — в одночасье превратились в звезд. Европа была у их ног, а дамы Старого Света — в объятиях. Талантливые выскочки быстро смекнули, что все дело в порочной экзотичности танго, и усугубляли впечатление, наряжаясь в одежду гаучо (со шпорами на обуви — только попробуйте потанцевать в такой!). Женщины были в экстазе.

Во французских газетах 1912 года людей, подверженных тангомании, называли «одержимыми». Аргентинский посол в Париже не мог поверить собственным глазам — забава низов Буэнос-Айреса завоевывала умы и сердца Франции. Он пытался объяснить горожанам, что это ужасная ошибка. Но никто его не слушал. Все были слишком увлечены танцем. А для респектабельных дам, которые могли позволить себе обнимать мужчин исключительно при свете дня, придумали чаепития с танго.

Когда танец вернулся на родину с новым парижским лейблом, местное общество окончательно успокоилось. Коль скоро танго прославило Аргентину во Франции, значит, в нем действительно что-то есть.

Кроме того, именно во французской столице Астор Пьяццолла понял, кто он такой. В 1954 году он с семьей и своим бандонеоном приехал сюда учиться у гранд-дамы музыкальной педагогики — Нади Буланже. В аргентинских музыкальных кругах его композициям приходилось несладко; хранители традиций кричали: «Сие не танго, а безумие»!», и даже присылали письма со смертельными угрозами. Неудивительно, что к моменту приезда во Францию Астор пребывал в творческом кризисе, а его бандонеон пылился в углу.

— С танго покончено, оно для меня мертво, — признался он однажды Буланже. Та налила ему чай и оглушила в ответ

жестокой правдой: его классической музыке не хватает искренности:

— Где здесь Пьяццолла? Где настоящий ты?

Он не знал. Спустя девять месяцев, на последнем занятии она попросила ученика наиграть на пианино одно из сочинений. Он исполнил Triunfal, мелодию, которая отнюдь не была для него триумфальной в Буэнос-Айресе. Когда музыка стихла, она обняла его, сказав:

— *Вот в этом* Пьяццолла.

Великому композитору и исполнителю было сорок три года, когда он родился заново. Астор достал из футляра бандонеон, и на протяжении последующих тридцати лет вкладывал в него всю свою душу: соединив меланхолию танго, синкопированную утонченность джаза, полифонию классического оркестра, бархатный голос бандонеона. Что получилось в итоге?

Новый жанр, у которого нет названия. А в ответ на возгласы особо рьяных защитников традиций «Все-таки это танго или нет?» — он говорил: это *musica porteña.* Музыка Буэнос-Айреса. Музыка, затрагивающая струны в сердцах людей по всему миру, которые, как я, убеждены, что «Забвение», или «Либертанго», или «Сезоны Буэнос-Айреса» написаны специально для них.

— *Vous voulez danser?*

Это парень со светлой бородой и неопределенного цвета глазами. Дело происходит на следующий вечер, я снова на милонге у Сены. Леон никак не может найти правильную температуру объятия. От него то пышет жаром, то веет холодом.

— Могу точно сказать, что вы обучались в Буэнос-Айресе, — говорит он.

— В основном, если честно, в Новой Зеландии, — признаю я, а он в ответ иронично ухмыляется.

— В Новой Зеландии танцуют?

— Да, и очень хорошо, — держу я оборону.

— Но вы уехали оттуда, — уточняет он.

— Да. Мне хотелось бы жить здесь. Когда-нибудь. — Я смотрю на темную реку. Исполнив несколько танд, мы сидим на речном парапете, вдали от танцевальной суеты.

— А я хочу жить в Буэнос-Айресе.

— Но вы можете танцевать здесь семь ночей в неделю!

— Да я устал от всего этого и мечтаю найти постоянную партнершу.

Флегматичная манера говорить выдает в нем человека, родившегося с золотой ложкой во рту.

— Теперь вот организую танцевальные вечера и начинаю преподавать.

— И вы туда же? — бестактно перебиваю я. — Почему, интересно, все хотят учить?

Он покусывает мягкую бороду.

— Просто я перепробовал многое, и ничто не может сравниться с танго. У меня ученая степень юриста и философа. Я работал в театре марионеток. Но танго — что-то особое… вы читали Фрейда?

— Да, — лгу я. Еще один чертов психоаналитик танцпола.

— Фрейд считал, что цель психотерапии — вместо невротических страданий заставить человека чувствовать себя просто не счастливым. Я посещал психотерапевта, но он мне не помог. В отличие от танго.

— То есть теперь вы просто несчастны?

— Нет же, счастлив. Не смейтесь, но вот такой я в счастье.

Звучит томительное электротанго, и танцующие извиваются, образуя гигантские узлы диссоциации, ибо электротанго неразрывно с нуэво, а это значит максимально открытое объятие, широкие шаги и множественные вытеснения, делающие дансинг еще более опасным местом. Сегодня здесь ощущается явное влияние экспериментального нуэво известных здесь аргентинских учителей — Марианны и Себастьяна и Чичо (он выступает уже не с Лусией, а с Хуаной).

— Слава богу, меня там нет. А что это за музыка?

— Bajofondo. Песня En mi soledad, «В моем одиночестве».

Bajofondo переводится как «подполье», «дно», напоминание о том, откуда танго и произошло. Изначально группа называлась Bajofondo Tango Club, возможно, реверанс в сторону коллектива Buena Vista Social Club. Вместе с Gotan Project они создали новые жанры электро-, чилл-аут- и лаунж-танго. Нет ничего лучше хорошего электронного танго, чтобы впасть в транс, когда с полурелигиозным трепетом осознаешь, что…

— Танго безгранично, как игра в шахматы! Бесчисленные комбинации, вариации, интерпретации… Вечность бы смотрела.

Леон созерцает темную воду: «Почему бы тебе не переехать сюда? Ты бы преподавала со мной, мы бы танцевали. Просто танцевали…»

Внезапно его зовет американка, он уходит. Навсегда. А я выныриваю из транса и внезапно понимаю, что очень скучаю по Терри. Я думаю о своем заплесневелом номере в гостинице и чувствую, как сильно хочу домой, хотя и не могу назвать какое-то конкретное место домом.

Танго-туризм спас меня от моей другой казарменной половины жизни и вновь соединил с Европой, о которой я так грезила в Новой Зеландии. Но спустя год путешествий я устала от

кочевого образа жизни. Захотелось быть как все, иметь собственную заводь, постоянный рабочий стол и знакомые магазинчики за углом.

Я переобуваюсь, складываю веер и говорю Парижу «до свидания».

Восьмая минута
Кусочек неба
Урок: Дом

Домом становится Эдинбург. Почему? Потому что мы понятия не имеем, куда нам отправиться, а каменные очертания города манят нас, и названия улиц напоминают о том киви-городке, где мы познакомились еще студентами. А еще говорят, что с танго здесь все в порядке.

И я — мы! — до одури счастливы. Наконец-то у нас нормальный дом с видом на Артурс-Сит — вулканический холм в центре города. Нам нравится все: замок на вершине, готические шпили, плиты эпохи короля Георга, даже погода и роскошные кладбища, где процветает гробокопательство, и туман «Джекилл-и-Хайд», который просачивается с моря по Лейт-Уок.

Конечно, не все идет гладко: после увольнения из армии Терри остался не у дел и без денег, а я, будучи писательницей, — та же безработная. Вдобавок он вкладывает все сбережения в квартиру, которая оказывается непригодной для жилья. А еще мы не знаем никого вокруг, ни единой души. А какой самый цивилизованный способ знакомиться с интересными людьми в новом городе? Именно!

Надо признать, я многие месяцы откладывала поход на местную милонгу, аргументируя это тем, что «Терри недостаточно хорошо танцует, а я в этом больше не нуждаюсь. Да и вообще есть дела поважнее». *Настоящая* же правда крылась в моем желании держать танго подальше от него — потому что оно принадлежало мне. И его хотелось держать подальше от танго, потому что *он* принадлежал мне. Я стремилась избежать любой преграды между нами, совершенно не желала танго-отношений и не хотела чувствовать дыхание фрейдистов на своей шее.

Но при этом я знала, что собственничество — один из смертных грехов в танго, да и причина несчастий многих пар. Можно притворяться, будто обладаешь партнером в обычной жизни. Но не в танго. На танцполе возможны два варианта: либо заковать его в кандалы и заставить мучиться (запрещая «выбирать» других женщин, кроме себя и еще парочки проверенных дам, некрасивых/замужних, короче говоря, не представляющих угрозы). Либо отпустить его, но приготовиться к страданиям («Ты можешь приглашать кого пожелаешь, я искренне рада видеть тебя на вершине блаженства в объятиях Икс, видеть таким, каким никогда не бываешь со мной»). С подобной

дилеммой сталкиваются представителя обоих полов.

Можно ли ее решить безболезненно? Да, в случае, если один из вас не танцор и не собственник. Тогда раз или два в неделю вы имеете право «скучать» на вечеринках, пока домосед греет вам постельку. При таком раскладе вы в шоколаде и наслаждаетесь всем лучшим из обоих миров. Так что некоторые якобы одинокие люди, встречающиеся на милонгах, на самом деле совсем не одиноки.

К сожалению, пока я активно пыталась избегать танго, оно словно преследовало меня, неотвратимое, как судьба. Сколько бы я ни показывала своему избраннику, как мне хорошо с ним и только с ним, он хотел пленять меня *именно посредством танго*. Возможно, он думал: «Только когда научусь достойно танцевать, смогу до конца понять свою женщину», ибо тангерос по его представлениям, вероятно, знали обо мне нечто, неведомое ему. Или, может, он и сам подцепил эту бактерию. В любом случае, Терри начал брать уроки в огромном, декорированном университетском зале в Тевиот-Хаус.

Просторные классы для новичков вмещают до сотни студентов всех национальностей и цветов кожи. Учителя, благородного вида шотландца с покровительственными замашками и серыми усами, зовут Тоби Моррис, и он воспринимает танго не с технической, а с философской, социальной и гуманистической точек зрения — что имеет особый смысл здесь, в колыбели шотландского Просвещения.

«Забудьте о передаче *Танцы со звездами,* — заявляет он ученикам. — Там просто два человека выполняют вместе шаги, что вовсе не значит танцевать».

«Танго — не какой-то определенный танец. Это танцевальный *метод*».

«Думайте не о том, как *хорошо* выглядеть, а о том, чтобы хорошо *чувствовать себя*».

«Ведущие, если вы силой заставляете партнершу делать что-то, это равносильно изнасилованию на танцполе».

«Ведомые, включайте воображение. И тогда один и тот же шаг будет каждый раз новым».

«Ведущие, никаких рук! Вести надо от груди».

«Ведомые, взаимодействуйте с ведущим от груди».

«Ведущие, ваша задача — не просто подавать время от времени сигнал, а постоянно задавать движение».

«Ведомые, слушайте своего ведущего».

«Используйте пол. Используйте пол. Используйте пол».

Неудивительно, что некоторые ученики бросали занятия и переключались на сальсу. Но многие оставались, и уже через пару

месяцев пополняли ряды «одержимых». Симптомы такого рода зависимости сродни влюбленности, но длятся дольше. Я легко могу их распознать, ибо знаю не понаслышке.

1. Физические: ваши глаза приобретают мессианское мерцание, владение телом и постура улучшаются. Воспламеняющие ваш организм адреналин, дофамин, серотонин и остальные гормоны вызывают сексуальное горение.

2. Психологические: у вас появляется потребность двигаться под музыку танго несколько раз в неделю. Звук бандонеона действует на вас, как кофеин.

3. Социальные: вы проводите больше и больше времени с толпой таких же маньяков, пока не выясняется, что с другими приятелями — с их выпивкой и *бездельем* — вам неинтересно. Когда кое-кто из ваших «дотанговых» друзей слышит «Мой любимый Буэнос-Айрес» в исполнении Гарделя и спрашивает: «Что это?», вы либо тащите его на занятия, либо вычеркиваете из жизни.

4. Культурные: вы слушаете исключительно музыку танго, берете уроки испанского во имя будущей поездки на родину танго. Вас больше не интересует мейнстрим, танго для вас *единственная* культура.

5. Финансовые: вы тратите все деньги на туфли, частные уроки, музыку, путешествия. Если встает выбор между ужином и танго, вы предпочитаете поголодать в надежде, что на милонге будет чем перекусить.

После прохождения обязательных стадий зависимость может перерасти в тангоголизм, после чего «очо подать» до состояния «вне танго жизни нет».

(*Пауза*. Есть еще медицинское состояние танго-лихорадки, к нему мы вернемся позднее.)

Помимо инициации новых тангерос дважды в неделю в зале, украшенном деревянными панелями, со стеклянным сводом, старомодной кабинкой диджея в углу и обилием красного вельвета и роз, Тоби ведет милонгу в старинном каменном здании под названием Counting House. Рядом с основным залом находится комната, где новички и старожилы отрабатывают шаги, переобуваются, обмениваются сплетнями, смеются и украдкой плачут, когда звучит «Забвение», и это уже перебор.

Мое первое шотландское танго я танцую с Тоби, и после года туризма партнерство с ним похоже на возвращение домой. Почему? Да потому, что он дает мне ощущение танца. Двигается он маленькими шагами, реагируя на каждый такт, и с большим

количеством траспье, или зигзагообразных сдвоенных шагов. «Чем сдержаннее, тем интимнее» — так звучит один из его лозунгов. Речь не о шагах, а об отношениях внутри музыки. Никаких украшений. Никакой претенциозности. Никакого позерства. Он проповедует танец, который *раскрывает* партнеров друг другу, а *не выставляет всем напоказ*. Социальное танго в лучшем его смысле. В общем, Тоби — один из самых *органичных* танцоров. Если верить Родольфо Динцелю, существует два вида танго: органичное (хорошее) и неорганичное (плохое). В первом все движется по кривой. Я танцую вокруг тебя, а ты — вокруг меня. Я луна твоей земли, и наоборот. Как и все в природе, мы двигаемся по кругу и на танцполе, и внутри самого танца.

Прямые линии не свойственны природе. В неорганичном танго танцоры суетливо перемещаются по прямой от одного края до другого, подобно крысам, бегущим с тонущего корабля. А иные танцоры ведут женщину на это очо или на то болео, и ноги их чертят по полу прямые линии, четкие, как архитектурные чертежи Третьего рейха.

(*Пауза*. Самые органичные танцоры в мире, конечно, аргентинцы, а в Европе — итальянцы. Идеальное органичное танго сродни тантрическому сексу. Неорганичное танго в лучшем случае напоминает состыковавшиеся заводные игрушки.)

— Добро пожаловать в Эдинбург, — произносит Тоби. И я понимаю, что приехала туда, где собираюсь *остаться*.

Дважды в неделю Терри и я ныряем в удивительную атмосферу за бархатными шторами, становясь частью маленького сообщества, в которое входят и аргентинские экспаты: среди них Глэдис, разведенная дама с длинными гладкими волосами и мягким взглядом, приехавшая сюда ради симпатичного шотландца. Но он эмоционально непрошибаем, и она с терпением святой ждет, когда же он «изменится». Еще она увлекается альтернативной медициной и спустя какое-то время становится моей близкой подругой.

Тут же мне встретился и Эл, остроумный юрист, с которым мы случайно познакомились еще раньше в Буэнос-Айресе, задолго до моего переезда в Шотландию. Мир танго маленький, как сказал бы Руперт из Нью-Йорка.

А вот Шон, гуру журналистики и образования, любитель потрясающих рубашек, расточающий улыбки каждой партнерше, но голубые глаза его всегда подернуты печалью. Он становится моим лучшим другом здесь.

Милонгу регулярно посещает и упитанный шепелявый выпускник философского факультета Дэн. Впоследствии он

потеряет голову от роскошной греческой студентки-медички из Салоников и будет выражать свое восхищение франтоватыми узорами шагов. У нее просвечивающий наряд исполнительницы танца живота. Ее вид поражает, но ненадолго, ибо удивление никогда не длится больше ночи, ну, или недели. В конце концов семейная милонга — место, где тебя принимают таким, какой ты есть, это место для всех и каждого.

Другой завсегдатай — неунывающий Грег с брюшком милонгеро. Он — семейный фотограф и снимает то милонгу, то фестиваль, то вечеринку, то практику — исчерпывающую хронику эдинбургского танго. Еще он дает бесплатные уроки для начинающих, и часто в его объятиях оказываются молоденькие ученицы («Давай-ка я покажу тебе это ганчо»). Потом они находят себе бойфрендов по возрасту и оставляют Грега со следующей порцией новичков, чему он только рад.

Посещает вечеринки и швейцарка с лицом, созданным для удовольствия, ее глаза с поволокой оргазмично поблескивают в объятиях мужчин — *всех* мужчин. Ее голландский парень самоотверженно улыбается, уверяя: «У нас свободные отношения, и все круто», но на самом деле у него очень чувствительная душа, и через год он остается с разбитым сердцем.

Тут и англо-французская пара студентов-ученых, стройных и бледных, как хорошенькие молодые вампиры. Они никогда не видят солнца, ибо практикуются каждую ночь, семь раз в неделю до тех пор, пока их нуэво не становится безупречным, как идеально проведенный в какой-то полуночной танго-лаборатории эксперимент.

У трех местных тезок есть даже специальные прозвища в стиле портеньо: Ирландец Брайан, Высокий Брайан и Красавчик Брайан.

Есть у нас и худой чернокожий бухгалтер Мартин из Южной Африки, который даже летом носит шапки и перчатки. А его любимая партнерша, японская переводчица Акико, попивает зеленый чай из фляги и кажется абстрактной, как хайку. А вот невозмутимый египтолог из Сицилии, в чьей семье хранятся секретные рецепты пирожных. В сравнении с ним Крестный отец выглядит как сияющий экстраверт.

Временами появляется властная банкирша из Софии со взглядом женщины, которая точно знает, чего не хочет, и умеет держать людей на расстоянии. Но и она тает в объятиях студента из Трансильвании, настоящего громилы с огромными ступнями и щенячьими глазами.

Моя приятельница Рози, как и я, киви, — изысканно красивая художница, которая сама выглядит, как творение прерафаэлитов.

Она изображает танцующие пары, но к моменту, когда картины готовы, оказывается, что пары исчезают.

А вот и австрийский дизайнер Бен со своеобразным юмором, худым лицом пророка и убежденностью, что, танцуя с лучшими, можно и самому стать очень умелым, причем за короткое время. С ним связан такой случай: я как-то отказала ему, о чем очень пожалела спустя год, когда он превратился в действительно талантливого тангеро.

(Пауза. Сказать «нет» — ваше женское право, но ничто не бывает без последствий. Если вы пренебрежительно относитесь к новичкам, не забывайте, что они не всегда останутся начинающими. В один прекрасный день вы получите по носу, когда они, набравшись опыта, не пригласят вас (если вы — девушка) или откажут вам (если вы — юноша). Вывод: старожилам стоит поощрять талантливых учеников, чтобы потом пожинать плоды.)

Лучше всех танцует высокая поджарая англичанка с точеным лицом, которая здесь же, на милонге, встретила голландского танцора с седеющими волосами и вскоре переехала с ним в Нидерланды преподавать. Расстроившись из-за ее отъезда (мне всегда грустно, кто *кто-то* уезжает, даже если это не близкий друг), я поделилась своими переживаниями с Тоби, любившим танцевать с ней.

— Ну вот, ее больше нет.

— Да. Но *ты* осталась, — с философской улыбкой произнес он свою мантру, волнующе личную и пугающе обезличенную одновременно. — Все мы в танго транзитом. Люди приходят на первые занятия, они могут втянуться, а могут променять на тайчи. Даже те, кто танцует годами, однажды уходят. Даже те, кто все еще здесь, когда-нибудь перестанут танцевать.

— Почему? — мне было любопытно, ведь я тоже бросала на какое-то время и пекла кексы в казарме.

— По эмоциональным причинам. Потому что не могут справиться с чем-то. Из-за ревности. Из-за детей. Потому что не получают желаемое. Скоротечность свойственна природе танго. Пойдем, начинается танда Донато.

Даже те, кто не танцует, все равно часть семьи. Как, например, парень с дредами, который как-то появился в килте, пил пиво и приставал с рассказами о своем последнем проекте по «спасению мира» («Я подумываю заняться благотворительностью в Болгарии…»). Сперва он пытался танцевать, не имея никакой подготовки, но вскоре понял, что женщины скорее отгрызут себе ноги, чем согласятся встать с ним в пару, поэтому просто стоял и, как говорится, не рыпался. А другой парень специально

приезжает из Глазго и не танцует, просто зачарованно наблюдает за происходящим.

— Он осознал свои пределы, — сказал мне однажды Шон. — Он чувствует, что его танец выражает что-то, свойственное ему, но не нужное другим.

— Откуда ты знаешь?

— Каждый из нас отражается в другом.

Шон, как обычно, зрил в корень. Танго как зал с зеркалами. Некоторые из них показывают правду, а некоторые искажают.

Первое, во что мы глядимся, — наши собственное отражение в больших зеркалах классов, подобное состояние в первые месяцы в оклендских танцевальных школах я хорошо помню.

Затем мы начинаем смотреть на свое отражение в глазах тех, кто смотрит на нас со стороны. Некоторых настолько ошеломляет увиденное, что они не в силах это пережить и в конце концов танцуют с собственным отражением.

— Такой стиль танго аутичен, — прокомментировал Шон. — Но если повезет, то мы отражаем так, что другой все понимает.

Как мы с Терри отражаем друг друга на танцполе? Движется он прекрасно, я горжусь им. Но отражения почему-то нет. Чего-то не хватает то ли в нем, то ли во мне, то ли в нас обоих, когда мы выступаем в паре. Неприятно. Как такое возможно с человеком, которого любишь? Но я пытаюсь не принимать подобные переживания близко к сердцу. Ведь это всего лишь танго, в конце концов.

Мне нравится смотреть, как он танцует с другими, и меня удивляет в себе отсутствие ревности. Мы восхищаемся друг другом на расстоянии. Но мой уровень мастерства застыл на достигнутом уровне, интерес к совершенствованию пропал. Могу заниматься или бросить. Могу танцевать или печь кексы. Мне нет нужды порхать, как бабочка, теперь я богиня домашнего очага. Похоже, что это прогресс.

(*Пауза*. Приостановка развития в танго не *всегда* признак застоя в самом себе или в отношениях. Через пару лет занятий *вы* достигаете плато. И плато в танго сродни кризису, который мы наблюдали у Джейсона: вроде бы конец, но на самом деле нет. Если хотите идти вперед, нужно активно что-то делать: танцевать с новыми людьми, брать частные уроки, больше практиковаться, вдохновляться, обнаруживать иные стороны танго, заново раскрывать себя или партнера. Либо вы можете медленно вариться на слабом огне довольства собой, как я.)

Так, пока мы тусовались в Counting House, сменялись времена года и эдинбургские фестивали. В тот момент я имела все, что хотела, — любовь, дом, дружбу, чувство, что я на своем месте.

В канун Нового года мы танцевали в нашем любимом клубе, пили шампанское, наблюдали, как фейерверки освещают сказочный город, обожаемый каждым из нас независимо от того, откуда кто приехал.

Летом мы танцевали под звездами на импровизированном линолеумном полу во внутреннем дворике старого города.

В День святого Валентина мы, наряженные в красное, ели шоколад и танцевали — не важно, были мы счастливы в любви или несчастны, давно разведены или недавно, имели детей или были одиноки, были парой вне танго, парой до танго или парой, когда отношения уже закончились. Ох уж эти пары!

Они создаются и распадаются на ваших глазах. Происходящее порой просто неправдоподобно. «Что? Он с ней? Да быть такого не может!» Оказывается, может, и спустя пару лет они все еще влюблены. И наоборот, пары, которые казались крепкими, вдруг рассыпаются как карточный домик, и вы видите «бывших», плачущих в туалете — поодиночке, конечно. Они все время попадаются друг другу на глаза на этом пятачке. И что? Избегают друг друга, танцуют, целуются при встречах и прощаниях, перекидываются парой слов или перестают приходить вместе? Спустя какое-то время они видят друг друга с кем-то новым или, возможно, старым, сначала на танцполе, а затем и за его пределами. Им хочется кричать или придушить кое-кого, но нельзя, ведь это противоречит этикету.

Избегают таких страстей единицы, потому что милонга, при всех ее правилах, любезностях и поцелуях, мудрой навигации против часовой стрелки и светской болтовне, остается Диким Западом эмоций. Мы все равно влюбляемся не в тех, в кого следует; строим долгосрочные планы после проведенного вместе вечера на танцевальной практике, хотя нам двадцать один, и на следующий год разъезжаемся — кто в Швецию, кто в Канаду. Мы все еще готовы переспать с кем-то, кто намного моложе или старше. Мы… но явно не я.

Нет. Терри и я собираемся попасть в число редких в танго счастливых пар, которые не расходятся, таких как Карлос и Мария Риварола, Родольфо и Глория Динцель, Тоби и его жена Линда. Таких, которые остаются вместе и на танцполе, и за его пределами — на протяжении десятилетий.

Вместе. До одного прекрасного дня. Это была воскресная милонга, проводившаяся время от времени в помещении ветхого церковного зала напротив Тевиот Хауса. Там мы отдыхали на продавленных диванах, ели превосходные пирожные, пили чай из изящных кружек, болтали и часами танцевали под радостные ритмичные мелодии.

— Днем ничего мрачного, — объясняет мне диджей Эл. — Самое время для танго 1920–1930-х годов в стиле плинки-плонки и для милонг.

— Потанцуем?

Это я приглашаю Джошуа. В первый раз, когда я увидела его на практике год назад, мне пришли в голову три мысли: в его лице и диковатом облике есть что-то от Steppenwolf[9]; он будет хорошим танцором; тут что-то не то. Он прилежно занимался, глядя в пол. Никогда не смотрел в глаза и не заговаривал. Он казался мне аутистом. Поэтому я и подошла сама.

(*Пауза*. Когда женщинам разрешается приглашать мужчин на танец? В любой момент, если хватит духу пережить отказ или очень хочется танцевать. Где женщинам разрешается приглашать мужчин? Везде, кроме Буэнос-Айреса.)

…И сразу блаженство. Моментальное ощущение родства. Я тону в его близком объятии. Мне нравится его запах. Он потрясающе музыкален. Я чувствую, что теряю голову. Это так необычно. Просто поразительно. За год мы не сказали друг другу и двух фраз, кроме элементарных приветствий. Он от природы немногословен, но сейчас мы говорим на одном языке. Мы говорим то, чего другие не слышат. Мы одно… мы… господи, еще немного — и будет тангазм! А значит, нужно было немедленно все прекратить.

— Спасибо.

— Спасибо.

Я идут попить воды. Меня качает на моих каблуках. С чувством вины и облегчения вижу, что Терри пригласил одну гречанку.

Кто такой этот Джошуа? Кайт-серфер или садовник? Сарафанное радио не могло сообщить ничего конкретного, особой дружбы с тангерос он не водит. Одно доподлинно известно: ни с кем со времен Сильвестра я не испытывала такого в танце. И никогда такого не было у меня в отношениях взаимной любви.

Передо мной впервые встал вопрос: можно ли испытывать тангазм с кем-то, кто не является твоим партнером в жизни, и не чувствовать вину? Наверное, зависит от того, испытываешь ли ты оргазмы со своим реальным любимым человеком вне танцпола.

Одно несомненно: милонга — одно из немногих оставшихся в нашем западном мире мест, где полигамия в почете. Можно даже сказать, что она здесь *требуется*. Ведь по определению милонга — пространство для *общения*. Танцевать только с тем, с кем живешь, можно и на кухне в пижаме. Как, конечно, некоторые и поступают: в старые времена некоторые преданные милонгерос

бросали танго, как только женились, — скажем, как легендарная пара Кока и Освальдо «Медовые ноги», пожертвовавшие удовольствием и карьерой ради семьи и вернувшиеся в танцевальный мир, только когда их дети выросли. Мило, но грустно. Другие, как Родольфо и Глория Динцель, очень редко посещают буэнос-айресские милонги. Я как-то спросила Родольфо об этом:

— Просто, идя на милонгу, хочется танцевать с самой прекрасной танцовщицей в мире, то есть с моей женой. Но подобное желание одолевает всех, и я устал слышать: «Можно похитить вашу *сеньору*?» Нет, черт тебя подери… Поэтому мы танцуем дома, никто на нас не смотрит, никто не мешает.

Но многие маэстро, женатые на своих партнершах, все равно *хотят* ходить на милонги и приглашать знакомых и незнакомых дам. Карлос Риварола, например, говорил мне: «В шоу-танго ты думаешь. А в социальном танго — *чувствуешь*. И это необходимо каждому тангеро. Милонга — место, где бьется сердце танго. Без социального танго нет шоу-танго. Вообще никакого нет».

В атмосфере каждой милонги, большой или маленькой, на мясном рынке или в семейной гостиной, в Марселе или Нью-Йорке, вы ощущаете восхитительную вибрацию между двумя мирами — частным (пара в танцевальном объятии) и публичным (толпа на краю танцпола), они постоянно в движении — отсюда и вибрация. Границы все время меняются: сейчас вы пара, но спустя три танды — в толпе. Публичное интимно, и наоборот, личное у всех на виду.

Все это объясняет, почему домашние танго-студии, отнимающие у их создателей-энтузиастов много средств и сил, никогда не используются по назначению. У Клайва Джеймса есть своя студия в лондонском пентхаусе, но поднимается он туда, только когда показывает ее гостям. Оклендский друг, создавший «кусочек милонги» в подвале дома, воспользовался ею лишь раз, в итоге превратив в детскую игровую комнату. Токийский хирург, построивший зеркальную комнату для частных уроков с Карлосом Риваролой, в итоге «сломался» и стал проводить там милонги.

Именно милонга превращает танго из аэробики в настоящее общение. У себя на кухне или в частной студии вы — всего лишь довольная собой пара, и каждый из вас остается не более чем самим собой. Но в окружении других танцоров вы преображаетесь под действием живой беспокойной энергии. На танцполе царит круговорот личностей, настроений, телесного жара, и все это влияет на ваше самоощущение. Много ли наберется коллективных занятий в мире, обеспечивающих подобный

идеальный баланс между узнаваемым и неожиданным, покоем и волнением, между сердцем и умом, душой и телом, между общественным и личным, реальным и фантастическим?

Я обещала рассказать, почему милонга может вытащить на свет божий ваши лучшие качества, так что вот вам ее светлые стороны. Но имейте в виду: быть на высоте труднее, чем потакать собственным слабостям.

Великодушие: мне не так уж и весело, но я радуюсь за нее.

Скромность: сегодня я не в лучшей форме, ну так мы здесь и не соревнуемся.

Терпимость: его очо кортадо не фонтан, ну и ладно, зато он такой милый и старается. И меня веселит, что гораздо важнее.

Дружеская шутка: «Диджей Эл, ты играешь *мою* песню!» — «Что ты подразумеваешь, называя ее *своей?»*

Наставничество: «Все в порядке? Да, знаю. Не обращай на него внимания. Он ведет себя, как клоун. На следующей неделе тебе станет лучше».

Самооценка: а я ничего, не идеален, конечно, но пойдет. Жизнь слишком коротка, чтобы стремиться к совершенству.

Житейская проницательность: она флиртует с моим мужчиной, но не с ним одним. Желание соблазнять — ее единственный способ самоутвердиться. Со временем перебесится.

Снисходительность по отношению к дамам: «Милое платье» (комплимент девушке, флиртующей с вашим парнем, да и со всеми остальными).

Снисходительность по отношению к мужчинам: «Упс, простите» (хотя это по *его* вине из-за вашего *более* пострадал кто-то сзади).

Готовность поделиться туфлями: я так рада, что подарила (по дешевке продала) ей свои туфли; они хорошо на ней смотрятся.

Безмятежность: я могу часами слушать музыку и смотреть на танцпол — все так чудесно.

В идеале милонга позволяет женщинам чувствовать себя желанными, а мужчин — умелыми. Она раскрывает в нем благородство и заботливость, а в ней — изящество и изобретательность. Делает нас чувствительными. Учит замечать друг друга — и в паре, и в толпе.

Поэтому я не преувеличиваю, когда говорю, что под стеклянным куполом Counting House дважды в неделю мы присутствовали на своего рода коллективном молебне. Даже если двое принадлежат разным мирам, танцпол становится их общим *ритуальным* местом. Танго — музыка городского одиночки, коим являлся каждый из нас. Милонга — наша светская церковь. Танды — тикающие стрелки наших часов. Танец — молитва, диджей —

священник, музыканты — наши святые.

А кто же бог для всех нас — атеистов, мусульман, православных, иудаистов, буддистов, спиритуалистов, индуистов, джайнистов, неверующих и заблудившихся? Ответ вам известен: конечно, танго, которое любит всех своих детей одинаково. Единственное, чего оно просит взамен, — просто *быть здесь*. И двигаться против часовой стрелки, не врезаясь в людей.

И даже если мы — члены других клубов, это, вероятно, единственное ритуальное место. Милонга лучше, чем Рождество, ведь обмен подарками случается каждую неделю. Лучше, чем религия, ибо не только дух, но и тело наслаждается, и, что восхитительно, нет места вине (неподходящие тангазмы не в счет). Лучше, чем спорт, так как не причиняет боль (почти никогда). Лучше, чем национальная забава — напиваться в пабе, потому что никогда не наскучивает и под конец вечера вас не тошнит на собственную одежду. Все заканчивается поцелуями на прощание; туфлями, упакованными в шелковую сумочку; розой в руке (для девушек); запахом женских духов (для мужчин); мелодией на губах и улыбкой на лице.

Сказать по правде, порой вы покидаете зал с проклятиями на устах, со слезами на глазах, с чувством внутреннего раздражения и синяками на голени. Иногда ночь танго становится триумфом горечи над наслаждением, разочарования над надеждой. Но, как и счастье, несчастье там не длится долго. В милонге есть особая целесообразность, и со временем все приходит в норму.

Сегодня все танцуют с фантастической швейцаркой с полуприкрытыми веками, а на следующей неделе королевой милонги становится элегантная Рози.

Заклятый враг Шона дотемна торчит на милонге во вторник, а в субботу его нет.

На прошлой неделе Эл ненавидел музыку, исполняемую Тоби, и дулся весь вечер, а теперь он кайфует, исполняя хиро.

«Буквально не с кем танцевать, разве что с пьяным парнем в килте», — жалуется Глэдис, но во вторник все ее любимые танцоры собираются, и она не знает, кого выбрать.

Новички-танцоры делают успехи и прибирают к рукам лучших барышень, что раздражает Высокого Брайана, считающего себя лучше них. Но вскоре выскочки достигают своего потолка. И это окрыляет.

Я опасалась, что Джошуа бросил танго, так как не видела его несколько недель, но он снова здесь, и под ногтями у него чернозем. Он был очень занят в саду, сообщил он между танцами. Весна все-таки.

Как, уже весна?

Девятая минута
Твой диагноз
Урок: Бездомность

Я учусь играть на бандонеоне. Вещь дорогая, достать сложно, но Терри преподнес мне в качестве подарка на день рождения, ведь я всегда мечтала сыграть «Малену».

Многие прекрасно живут, даже не догадываясь о существовании бандонеона. Для большинства людей это нечто чересчур сентиментальное и не имеющее к ним отношения. Чужеземец, закашлявшийся в пыльном углу истории. Но для тангеро бандонеон слышится отовсюду. Нежная горечь его голоса обращена лично к вам и звучит только для вас. Бандонеон не просто инструмент. Это живое существо, у него есть душа.

Я насчитала по меньшей мере тридцать танго-песен, где этому инструменту отводится главная роль. Песни о душе бандонеона. Песни о женщине по соседству с разбитой судьбой, нервным смехом и единственным другом — бандонеоном. Песни о друге-бандонеоне, который смеется при встрече и плачет в минуты разлуки — ведь все хорошее рано или поздно кончается.

Конечно, очень поэтично, но об уроках игры на бандонеоне хочу сказать: не надо. Астор Пьяццолла не лгал, когда говорил: надо быть сумасшедшим, чтобы заниматься этим. В противном случае, он *сведет* вас с ума. Я знакома с аккордеоном и пианино, но сейчас подобные умения мне никак не помогают. Бандонеон напоминает клавишный аккордеон с начинкой пианино, обладает мелодическим диапазоном скрипки, но игра на нем не похожа ни на что. Он словно играет сам по себе, то есть звуки, которые он издает, когда вы его растягиваете, отличаются от звуков при его сжимании — при том, что вы надавливаете на *одни и те же клавиши*. Чтобы чувствовать себя уверенно в его компании, вам понадобятся: математический дар, расстройство личности и терпение святого. Неудивительно, что после трех месяцев занятий я не могла играть даже гаммы, не говоря о «Малене» и остальных четырех тысячах песен, со словами или без, зарегистрированных Аргентинским обществом авторов стихов и музыки танго.

Виной тому и недостаток репетиций, ведь что-то странное стало твориться с Терри. Его настроения сменяются от чрезмерной энергии до вялости, от перевозбуждения до летаргии. Когда я смотрю в его глаза, у меня кружится голова, так как в них я вижу пустоту.

Мы перестали танцевать, я с головой погрузилась в

кулинарию, покупаю травяные настойки и записываю его к врачам. А он монотонно твердит ставшим чужим голосом, что у него все нормально и вообще все в порядке, это у меня проявляется невротизм, типичный для представителей балканских народов. «У нас просто трудные времена, черная полоса, мы прорвемся, нужно подставить ему плечо». Я испуганно цепляюсь за эти клише, так как чувствую себя одинокой, ведь потерять Терри страшнее самого ужасного ночного кошмара.

И тут поступает неожиданное предложение писать о путешествиях в Буэнос-Айресе, городе, куда я годами мечтаю вернуться и куда мы не можем себе позволить поехать. Мне мучительно не хочется оставлять Терри, но он настаивает, что нельзя упускать шанс, к тому же поездка всего на три недели. Когда наступает пора отправляться, я настолько перегружена делами, что забываю взять свои туфли для танго. Такого со мной никогда не случалось.

— Ты болгарка, переехавшая в Новую Зеландию, но теперь живешь в Шотландии, — водитель такси внимательно разглядывает меня в лобовое зеркало. — А ничего причудливее придумать не могла?

— Старалась изо всех сил.

— Я вот родился в Буэнос-Айресе, прожил всю жизнь в Буэнос-Айресе, в Буэнос-Айресе и умру. Так и напишут на моей могиле. Никакого желания уехать, и не то чтобы я здесь безумно счастлив, просто вдали стану еще несчастнее.

Я слишком устала, чтобы отвечать.

— Это страна-колония, — продолжает таксист. — В тридцатые-сороковые мы мечтали походить на Францию, затем на Англию, в семидесятых пришла мода на все американское. А теперь просто не знаем, кто мы, черт подери, такие. У нас ничего нет своего.

— Кроме танго.

— Да, танго.

— И мате.

— Ну да.

— Иностранцам здесь нравится.

— Неплохой город, правда. Я лично очень доволен. Не променял бы его ни на что на свете.

А вот мне вскоре предстоит узнать, как некоторые люди как раз променяли все на свете на Буэнос-Айрес. Или, точнее, на танго.

Закинув вещи в отель, я иду прогуляться. В Сан-Тельмо

появились новые граффити на стенах VIAJEROS, BAJOFONDOS, LOS TOXICOS, LOS NEUROTICOS, ANONIMOS. Некоторые из этих слов означают названия местных группировок, другие же звучат, как названия психических заболеваний. На Плаза по-прежнему танцует Доррего с очередной девушкой. Он выглядит еще более небритым, чем раньше.

Изменилась и я. Теперь это уже не та девушка, которую стригли местные братья-цирюльники целую вечность назад. Пересекаю площадь и обнаруживаю, что салона больше нет — вместо него бутик кожаных изделий. От бывших владельцев осталась лишь скромная табличка: «Модные прически. Фелипе и Хосе Лавора, 1923–2003».

Меня это ранит, как если бы мои собственные дедушки умерли, а мне никто не сообщил. Я покупаю две розы и кладу на тротуар под мемориальной доской. Буэнос-Айрес пережил кризис, но Сан-Тельмо уже никогда не будет прежним без Фелипе и Хосе.

Над улицами раздаются звуки вальса Tu diagnostico («Твой диагноз»), и длинноволосые торговцы ювелирными изделиями приветствуют и зазывают меня взглядами и знаками. Я замечаю одного из них, средних лет, с лицом цвета обожженной земли и ярко выраженными индейскими чертами. Продавец сидит на земле, в окружении вилок с витыми ручками и огромных серег, и мечтательно улыбается мне, словно старой знакомой.

Опьяненная яростной энергией города, я понимаю, насколько скучала по Буэнос-Айресу — старому другу, знающему обо мне самое главное. Я люблю здесь все: невероятно разные усталые лица, футбольную походку мужчин, чувственность женщин, певучий итальянский акцент, старые кафе, просторные, как пивные на открытом воздухе, стейки больше тарелок, безумное движение, шум, бронку.

Эндрю Грехем-Йолл когда-то назвал Буэнос-Айрес городом, «преисполненным вожделения», и впервые, возможно, из-за моего собственного состояния передо мной открывается темная сторона Буэнос-Айреса. В сумерках на улицы выползает что-нибудь зловещее — например, портовый смрад или грязная тень. В своем легком платьице я прогуливалась по Коррьентес (*Коррьентес, триста сорок восемь…)*. Мужчины похотливо глазеют и бормочут, к счастью, я не понимаю их слов. Стоп, на самом деле понимаю!.. Невидимые руки со всех сторон тянутся ко мне, и я не могу понять, смущает меня это или возбуждает. На всякий случай ускоряю шаг, постоянно оглядываясь назад. Город тонет в ярких красках, из каждой двери доносятся звуки танго. Я смотрю на табличку с названием улицы и понимаю, что в поисках милонги Kiss на улице Риобамба давно уже бреду в неверном направлении.

Что я вообще делаю, приехав на танго без туфель?

— Два дня здесь, а уже не понимаю, что происходит, — поделилась я с Эндрю за чашечкой убийственного кофе. Его борода побелела, и он походит на пророка.

— Тебе следовало бы уже знать, что Буэнос-Айрес — приглашение к неверности во всех видах декларируемой любви, к нарушению любых правил и принципов…

— На танго это не распространяется.

— Правильно, на танго нет. То есть по крайней мере *за что-то* ты держишься.

— За танго и любовь.

Он смотрит на меня и отечески гладит руку. Он уже дважды разведен.

— Вот и славно, моя дорогая. Пошли. Где ты на этот раз остановилась?

Остановилась я в дешевом, дрянном отеле Dawn of San Telmo с вечно темными комнатами, в которых витает запах старой мебели и влажных ботинок. Но долгосрочные постояльцы слишком заняты танго, чтобы волноваться по пустякам — даже в случае отсутствия воды из-за взорвавшейся трубы. Наблюдая за здешним мирком, я впервые осознаю, насколько серьезна и чревата последствиями охватившая всех танго-лихорадка.

Заправляет в гостинице пышнотелая местная девушка по имени Зорайда, поистине помешанная на танго. Она любит задумчиво откинуться на скамье в общей кухне и поедать конфеты, словно наложница в захудалом гареме. Я поинтересовалась, как часто она танцует.

— Пять, шесть, семь ночей в неделю, — зевнула аргентинка. — Танго-зомби, жить без танца не могу, только в нем я полностью выражаю себя.

Каждые несколько недель или месяцев Зорайда переезжает в освободившийся номер; в танцевальной комнате она дает частные уроки. В горизонтальном положении на скамейке она выглядит как колобок, но в вертикальном, на танцполе, превращается в нимфу.

— Всегда хочется, чтобы мужчина тоже раскрывал свою индивидуальность. Когда две личности по-настоящему связаны, случается волшебство. А когда нет — фигня какая-то. От танго нельзя устать: никогда не знаешь, что тебя ждет: золото или мусор.

На кухне гости из Турции, Швейцарии, Голландии, Австралии и Канады пьют чай, обсуждают шаги в танго и расписания милонг. Все недосыпают, слишком много танцуют, в глазах

лихорадочный блеск. Здесь царит настоящая эпидемия, все кашляют, и прежде чем я узнаю об этом, успеваю подхватить вирус.

Всю следующую неделю дрожу под тонким одеялом в своей девичьей постели. Келья моя расположена наверху, и добираться приходится по крутой железной лестнице. В поле моего зрения осыпающиеся стены, а за окном плывет небо. То ли бабье лето, то ли теплая зима. Мимо моей комнаты движется многоязыкий поток. Реальность сменяется забытьем и наоборот. Только приглушенная музыка, доносящаяся из студии в любое время дня и ночи, напоминает о том, где я. «Мечтать и ничего больше» — неотвязно звучит вальс. Кто-то, наверное, репетирует. Это напоминает мне строки:

Проснуться и разрушить чары,
И погрузиться в горькой правды тень.

Когда в итоге я, слабая, наполовину ослепшая, выползаю из темной комнаты, в моей груди при каждом вдохе и выдохе словно свистит сломанный бандонеон. На кухне я вглядываюсь в лица других постояльцев: все они находятся на той или иной стадии танго-инфлюэнцы.

Швейцарец Вим — классический пример танцевального зануды. Он пишет диссертацию по танго и экономике и методично изъясняется на испанском, напоминая электронный звуковой словарь. Живет здесь три месяца.

— На сколько ты еще планируешься остаться? — спрашиваю я.

— На сколько понадобится, может на четыре месяца, может больше. — Его английский мало отличается от испанского. — Мечтаю стать хорошим танцором, таким как аргентинские исполнители. Время моего пребывания здесь зависит от того, что будет происходить.

— Например, ты влюбишься на милонге.

— Вряд ли такое возможно, — гундосит голосовой словарь.

Я тоже в это не верю, хотя у Вима была временная танцевальная партнерша, также проживавшая в нашем отеле, — Дана из Амстердама, с карикатурным лицом и бесхитростным открытым нравом.

— Не понимаю, — комментирует она отсутствие у меня туфель для танго. — Как можно приехать в Буэнос-Айрес и не взять их с собой. Ты сколько пар купишь?

— Одну. Больше не могу себе позволить.

Дана смотрит на меня с видом человека, который не может

решить — жалеть или презирать. У нее в комнате хранятся две дюжины босоножек на ее суровую нидерландскую ногу.

(Пауза. Мода на босоножки для танго переменчива, и, перефразируя сказанное Дороти Паркер о нижнем белье, «минимализм — душа босоножек для танго». Минимум материала, тончайшие полоски, максимум блеска и оголения ступни — таков лозунг. Прибавьте девятисантиметровый каблук и поймете, с какой трудной задачей сталкиваются производители обуви. Танго-босоножки, в отличие от обычных сандалий, должны выполнять две важные функции: 1) чтобы в них вы казались «шлюхой на миллион долларов»; 2) и танцевали, как королева.)

В своих туфельках Дана практиковалась в студии с утра до ночи. Иногда с Вимом, иногда одна, и в болезни, и в здравии. Потом отправлялась на милонги, отчаянно кашляя. Она, как и я, и все остальные, сидела на антибиотиках.

— Но когда танцую, все проходит, — объясняет она другим постояльцам, собравшимся на кухне. — Вот и хочу бросить свою работу пиарщика в Амстердаме и переехать сюда. Профессия у меня хорошо оплачиваемая, но не делает меня счастливой, как танго. Проблема в моем парне, он танго не любит.

Вим самодовольно ухмыляется, это его нормальная реакция. Он неизменно выглядит довольным собой. На свой лад — с характерной для швейцарцев сдержанностью.

— А зачем тебе такой парень? — отзывается Зорайда, смакуя шоколадный мусс.

— Не знаю.

— Бросай его.

Дана, похоже, обдумывает идею. Мужчина и женщина средних лет из Стамбула держатся за руки и потягивают мате, сидя за кухонным столом:

— Мы не прочь жить тут больше двух месяцев в год, но слишком дорого, — объясняет мужчина.

— Каждый раз, возвращаясь в Турцию, очень скучаем по дому, по Буэнос-Айресу, — продолжает его женщина и смущенно смеется. Зорайду подобные речи воодушевляют. Она патриот:

— Знаете, я два года провела в Лос-Анджелесе и Рио-де-Жанейро и решила вернуться. Без танго невозможно. Кроме того, скучаешь по кафе и культуре, в Рио подобного нет, а Лос-Анджелес — вообще кладбище, где все сидят по домам или бегают. Ненавижу бег, ляжки натираю. Аргентина, конечно, сумасшедший дом, но здесь самое то.

После всех этих посиделок среди соседей-тангерос мне вдруг отчаянно хочется на танцпол. Идет вторая неделя моего

трехнедельного путешествия, все необходимые по работе дела сделаны, а я еще ни разу не танцевала! И даже не купила туфли. Время истекает, и в один прекрасный день, кашляя как портовый грузчик, я отправляюсь в магазин Comme il Faut знаменитого производителя обуви для танго — *такой, какой она должна быть*: красивой и не знающей сноса.

В бутике, декорированном под кожу зебры, три женщины обслуживают иностранцев, местных цены отпугивают. Меня — тоже, но выбора нет: туфли других марок (а я перепробовала их все) не подходят для моей «цыплячьей» ступни. В какой-то момент в магазине остается одна покупательница с бледной кожей и густыми, собранными в пучок волосами. У нее противоположная проблема — слишком широки стопы, и все туфли тесны. Три продавщицы сбиваются с ног, пытаясь помочь ей. Вскоре они поднимают такую же суматоху вокруг меня.

— Среднеарифметическое из наших конечностей было бы идеалом, — произносит иностранка с видом графини, уставшей от бесполезных слуг. Анна родом из России, но живет в Чикаго. — Мне нужна обувь, которой не существует, хочу, чтобы ее сшили по моему дизайну. Но эти женщины меня не понимают и зачем-то приносят еще и еще.

И мне они продолжают приносить все новые коробки, изумляясь моей неудачливости. Каждый раз, когда я обуваю новую пару, они кричат в унисон: «Огромные! Огромные!»

Подходящие по ширине — на два размера меньше, чем надо. В итоге старший продавец признает свое поражение: «Дорогая, вам нужно сделать операцию на большом пальце ноги. Другого выхода нет».

— Операцию! Операцию! — подпевают другие продавщицы. Я поднимаю на них глаза и смеюсь. Анна вместе со мной. Но они не шутят. Здесь, в мире стандартов, внешность — это все. Если никакие туфли не подходят — значит, проблема в моих ногах. А в царстве роскошных портеньос, где внутренние проблемы означают необходимость длительной психотерапии, проблемы внешности подразумевают пластическую хирургию.

В итоге все обходится «малой кровью», та самая магическая пара (пусть и не из черной, а коричневой замши) нашлась, и я покидаю бутик, подобно Золушке, бедная, но счастливая.

— Пойдем в Caning, — предлагает Анна. — У меня с собой есть туфли, я их всегда ношу в Буэнос-Айресе. Мне советовали быть бдительной и не брать с собой ничего ценного. Поэтому у меня две сумки: в одной деньги, телефон, карта. А в другой — обувь для танго. Если меня ограбят, по крайней мере туфли останутся. Все можно заменить, кроме них…

Именно в салоне Caning мы договорились встретиться сегодня с Дарио. Как только мы приезжаем, я теряю Анну из виду и больше никогда ее не встречу.

Дарио виснет на мне, пока мы скользим и подскакиваем на переполненном танцполе, как кенгуру. После развода с бразильянкой он еще не нашел себе новую спутницу жизни:

— На милонгах я котируюсь невысоко. Просто, когда дело касается отношений, у аргентинок включается сознание женщин третьего мира — ну знаешь, муж-кормилец, дети, пластика груди и все.

— А как же любовь? — спрашиваю, и Дарио чуть не задыхается от смеха.

— Любовь приходит и уходит, а деньги — это навсегда. Вот девиз аргентинских женщин. Нет, западные женщины мне все-таки ближе. Кстати, некоторые местные ради знакомства с приезжими становятся «такси-дансерами».

— Что это такое? — с момента моего последнего визита даже терминология в танго изменилась.

— Это современная форма танго-проституции. Видишь вон ту, что танцует с Тангонатором?

— А это что такое?

— Капка, где ты была все это время? Терминатор от танго. В любом случае та девица…

— Твоя знакомая?

— Никогда ее раньше не видел.

— Если не видел, откуда ты знаешь, какая она?

— На лицо посмотри.

И правда: девушка, танцующая с коротко стриженным скандинавом средних лет, выглядит так, будто ей зубы без обезболивания выдирают. Но как только музыка прекращается и они поворачиваются друг к другу, она нацепляет улыбку. Зато он сияет, ведь за скромную сумму ему обеспечена ночь хорошего танца. А иначе? Пришел бы один и сидел бы отвергнутый всеми дамами, даже алчущими танца иностранками. Такова судьба Тангонатора.

— Видел его футболку? — спрашиваю я. На ней сзади написано: «ТАНГОМАНЫ. МЫ ПЕРЕСЕКАЕМ ОКЕАНЫ РАДИ ТАНЦА».

— Не стоит им беспокоиться. Из-за таких приезжающих шутов, как он, местный танцпол превратился в смертельное поле боя. Я вот думаю, что не смог бы стать «такси-дансером» даже под страхом голодной смерти. Это убило бы мое *либидо тангеро*. Я танцую для наслаждения. И баста.

— Но ведь не все так?

— Нет, конечно. Кто-то ради денег и, в отличие от «дансеров», поступают совсем уж бесчестно. Зацени ту дамочку.

«Дамочка» в черном сетчатом платье и с накрашенными ногтями такой длины, что ими можно могилы раскапывать, кружится в объятиях старого мужчины, который так счастлив, словно все праздники наступили одновременно. Но он не видит выражения ее лица: «Этот для меня недостаточно хорош. Ни один мужчина недостаточно хорош для меня. Кроме очень-очень богатого».

— Я с ней как-то танцевал. *Танго с тормозами.*

Танго с тормозами — часть классификации Дарио и означает, что танец скучный и бездушный.

— А вот *танго без тормозов* — когда ты внезапно, сам того не ожидая, получаешь восхитительный опыт.

— А мужчины?

— Конечно, разные типы встречаются: нарцисс, позер.

— Позер? Как он? — кивок в сторону маэстро Рикардо, все с тем же конским хвостиком и жаждой «свежего мяса», что и семь лет назад.

— Да. Этакий гламурный танцор. Иногда, но не всегда, профессионал и недосягаемая мечта для страшил и женщин за тридцать. Все без исключения позеры — моральные уроды, а женщины уродов любят. Еще есть сыщик, идущий по следу идеальной партнерши в поисках идеального танца. Он всегда перебегает от одной идеальной дамы к другой, ибо совершенства не существует.

— Приятные экземпляры в твоей энциклопедии есть?

— Танго-джентльмены. Редкий, полувымерший вид.

— Ты!

— Да. Я часто ощущаю себя ископаемым. А теперь извини, вижу жертву.

Танго-джентльмен может быть как профессионалом, так и любителем. Он танцует с женщинами независимо от их возраста, приглашая подруг, знакомых и незнакомок; всех благодарит и провожает на место, его поведение естественно, дам «для разогрева» для него не бывает. Никогда не красуется, но старается подчеркнуть ваши достоинства, потому что с ним партнерша чувствует себя самой привлекательной и желанной. Но подождите, неужели это кабесео от…

— Натан! Натан из Веллингтона! Что ты тут делаешь?

— Живу. А вот ты откуда, Капка? Бог мой, сколько лет прошло с того Конгресса?

— Восемь. Я считала каждый год вдали от Буэнос-Айреса.

Натан проводил здесь по полгода:

— Не могу без этого, просто не могу.

— Без танго или без Буэнос-Айреса?

— А есть разница? Без танца моя жизнь не полная. Без путешествий сюда тоже. Мне *нужно* танцевать здесь. Сколько у тебя времени до отъезда?

Немного. Уже четверг, милонга Niño Bien. Очередное знакомое женское лицо, что-то в нервозности ее движений сразу напоминает, кто она. Французская стюардесса с дымчатым макияжем глаз.

— Джульетта. Она переехала сюда два года назад. Зарабатывает танцами: дает уроки и все такое. А еще у нее бойфренд, значительно моложе ее, изучает философию. Вот как надо, — сплетничает Зорайда.

— Нужно завести молодого парня-философа?

— Нет, дорогуша, переехать в Буэнос-Айрес. Жить мечтой о танго.

Спустя какое-то время Джульетта подсаживается к нам, прикуривает «Галуаз» и деловито сообщает:

— Знаешь, как все произошло? Мне стукнуло сорок, и что мне, кофе подавать? Нет. В *свободное время* я летела из Парижа в Бостон, чтобы только взять урок у замечательного преподавателя, и тусовалась здесь на милонгах пару раз в год. Не могла я ждать, пока станет слишком поздно, и пошла ва-банк, бросив все.

— И как ты теперь? — спрашиваю, побаиваясь ответа. Окажись все слишком хорошо, я бы стала завидовать, а слишком плохо — огорчилась бы.

— Сожгла мосты с Францией, разругалась с семьей. Увидела бы ты меня в то время, подумала бы, что дружу с наркотиками, — она хмыкнула. — А теперь на прежнюю работу не вернуться, и денег у меня не осталось. Вот оно как: либо пан, либо пропал.

— А жить за счет танго не получается?

Зорайда покачала головой. Уж она-то знает все это не понаслышке.

— Только сезонные заработки, — ответила экс-стюардесса. — И непредсказуемо, зависит от приезжающих иностранцев.

— Привет, милый, — Джульетта неожиданно протягивает руку парню с томным лицом. Он не представился нам, а просто выдернул ее танцевать. Это танда вальса, и сейчас звучит песня «Твой диагноз»:

Диагноз прост.
И знаю я, что исцеления нет…

Они прекрасно смотрятся вместе — она со своим резким профилем и он — смесь портеньо с неаполитанцем, похожий то ли на соблазнителя, то ли на сутенера.

— У них разница пятнадцать лет, — комментирует Зорайда. — И выглядят прекрасно. Она молодец. Надоело видеть мерзких старикашек, хватающих молодых пташек.

Джульетта делает то, на что я так и не решилась, — жертвует всем ради танго. С одной стороны, я задаю себе вопрос: если бы я *могла* поступить так же — сжечь мосты, переехать сюда, начать с нуля и примерно столько же зарабатывать, — разрушилась ли бы моя *настоящая* жизнь? А с другой — прихожу от подобной мысли в ужас и смятение.

Но видно, я недостаточно напугана и договариваюсь встретиться с Джульеттой на следующий день в кафе, недалеко от ее дома, чтобы расспросить поподробнее. В свете дня она кажется бледной и уставшей, ее красота еще не увяла, но два года бессонных ночей уже оставили свои следы.

— Я снимаю маленькую комнатку вместе с одной пожилой женщиной. Все, что могу себе позволить. Каждую ночь ухожу куда-нибудь, иначе сойду с ума, — она вымученно смеется, а я пытаюсь поддержать смех.

(*Пауза*. Танго придумали матросы, эмигранты, рабочие и проститутки, которым нужно было сбегать из своих маленьких и убогих клетушек. Уважаемые же люди жили в больших домах, где, естественно, предавались достойным занятиям.)

— Но теперь я не танцую так много, — говорит она.

— Сколько раз в неделю?

— Четыре-пять. В первый год, бывало, занималась по восемь часов ежедневно. Да и теперь тренируюсь каждый день, ведь это единственный способ оставаться на плаву. Хотя сейчас я спокойнее стала ко всему относиться.

— Это ты называешь спокойствием, — теперь уже мне смешно, но она меня не поддерживает. — А как насчет отношений в танго?

— Я не ищу там любви или секса. Просто контакт. Танго — мой личный проект. Это мое стремление к совершенству и поиск смысла. И все это в танцевальном объятии.

— Тем не менее у тебя есть отношения, *танго-отношения.*

— Конечно, но я не воспринимаю это как само собой разумеющееся. Мир танго жесток. Нужно сражаться, чтобы выживать и в танце, и в качестве женщины. Даже сейчас мой студент окружен привлекательными молодыми особами, все они доступны, и многие из них ужасны. Те, кто при встрече расцеловывает меня, а ему нашептывает: «Ты что, все еще с

Джульеттой?» Ненавижу. Он может принадлежать им, только когда не будет моим. А пока он со мной.

От ее слов мне грустно. Ведь я всегда верила, что истинная любовь справляется с любыми трудностями.

— А как насчет будущего? — в моем горле застыл комок беспокойства.

Она хохочет.

— Я не думаю о будущем. Но знаю, что к шестидесяти останусь одна. И никого рядом не будет. Зато будет что рассказать.

Мне мучительно страшно за нее. Кажется, будто я знаю Джульетту всю жизнь. Возможно потому, что в каком-то смысле она — это я, только старше на семь лет, без стабильности, без длительных отношений, без ограничений. В ее профиле на Facebook я нашла следующее:

Религиозные взгляды: танго
Политические взгляды: танго
Место работы: танго
Семейное положение: танго

Яркий пример запущенной танго-лихорадки, которая, судя по всему, превратилась в глобальную эпидемию.

В этот вечер на сцене Salon Caning выступает бандонеонист из Японии и корейская пара. Я сижу рядом с медсестрой с Апеннин, которая специально ради танго приехала работать в итальянской больнице в Буэнос-Айресе:

— Иногда мне приходится мчаться на милонгу в медицинской одежде и переодеваться прямо в такси. Водители уж привыкли.

На милонге в Club Sunderland (должно быть, в субботу) японка с лицом, как маска из театра кабуки, говорит, что живет здесь три месяца в году:

— У меня одна мечта — умереть в Буэнос-Айресе.

— Не слишком ли ты молода для подобных мыслей? — дразнила я ее.

— Мне сорок восемь. Я танцую больше тридцать лет.

Француз из Ниццы, с которым я танцую, прилетает в Аргентину каждые пару месяцев. Он опережает музыку, будто сидит на стимуляторах. Я спрашиваю, чем он занимается, когда возвращается во Францию.

— Депрессия. Начинается прямо через неделю. Недавно был в La Viruta, и на пол упала пара: точнее, у партнера лет восьмидесяти случился обширный инфаркт, тот рухнул и потянул

молодую женщину за собой. Какая прекрасная смерть! Быстрая, безболезненная, в объятиях красивой женщины, когда занимаешься тем, что любишь больше всего. Я тоже хочу умереть вот так.

В La Nacional знакомлюсь с гладко выбритым турецким антикваром Аланом. Он танцует уже девять лет и живет здесь месяцами. Почему?

— *Maniaco, tango maniaco*, вот кто я такой. Понимаешь?

О да, я понимаю.

Представителей нового племени танго-эмигрантов, таких как Джульетта, решивших сделать Буэнос-Айрес своим домом, — можно встретить и в знаменитой студии Динцеля. В зале, узкие стены которого обклеены танцевальными фото прошлых лет, восседает голубоглазый и лысый Родольфо Динцель.

У его ног, в буквальном смысле, сидят последователи: тут и американка из Молдавии двадцати трех лет, бросившая учебу на юридическом ради танго. И канадско-аргентинская тридцатилетняя дама, отвергнувшая жениха и карьеру диетолога, чтобы найти себя в танго. И колумбийская балерина в черной фуфайке и с поразительным прессом, изменившая Чайковскому с танго.

Они и им подобные — послы танго-мира, живущие не ради славы или денег, а во имя мечты. Каждый день ученики приходят в студию пить мате, обсуждать шаги и милонги и слушать Родольфо, вещавшего, как сфинкс, из глубин своего табачного дыма.

— Маэстро, — начинает какая-то девушка.

— Я не маэстро, — обрывает ее он. — Я человек, который танцует уже сорок лет и все еще не знает, что такое танго.

(Пауза. Родольфо и Глория Динцель — одна из величайших пар; живые легенды, чьи старые туфли даже выставлены во Всемирном музее танго, расположенном над Café Tortoni.)

— Хорошо, Родольфо, скажите, чем вы объясняете успех танго в Европе?

— Ну, в свое время европейцы пришли со стеклянными бусами в обмен на золото. Теперь предприимчивые аргентинцы берут стеклянные бусы в виде танго и везут в Париж и Лондон. Вот, говорят они, мы даем вам нуэво, всякую акробатику. А вы нам дайте денег и славы. Честно, разве нет?

Сарказм в его словах не остается незамеченным, все посмеиваются.

— Но нуэво сейчас так популярно… — возражает кто-то.

— Слушай: девушки, выступающие в этом стиле, сначала

показывают вам исподнее, а уж потом лицо. Танго — танец душевной боли, это связь между танцорами, чувственный союз. А не долбаные шпагаты.

Мы поглядываем на великого тангеро, дрожа от восхищения и негодования, пока он не исчезает в очередном облаке табачного дыма.

Сквозь дым я рассматриваю одухотворенные лица и пытаюсь понять, как же человек превращается из танго-зависимого в неизлечимо больного танго-лихорадкой? Танго-зависимость означает, что вы без ума от танго, как все присутствующие в студии, включая меня. Но когда вы доводите до предела свое безумие, живете фантазией, будто она *реальность*, это уже лихорадка.

Ну, и что здесь плохого, можете вы спросить. В конце концов, сам Гавито сказал: «Никогда не отказывайся от мечты». Но он не был сорокалетней французской стюардессой, бросившей работу и оборвавшей связи с прошлой жизнью. Карлос Гавито не знал ничего, кроме танго, и терять ему было нечего, а вот брать из танго он мог все. А такие люди, как Джульетта или ученики Сфинкса, отложили свои реальные жизни в обмен на мечту.

Воскресная ночь: La Viruta, осталось три милонги.

В зале слишком низкий потолок, слишком много людей, у меня болят ноги от новых туфель, и терзает ужасное беспокойство о моем неизбежном возвращении в Эдинбург и о Терри. За три недели он ни разу не позвонил, а каждый раз, когда я набирала, его не оказывалось дома. Редкие электронные письма от моего мужчины выглядели неживыми, как будто их писал кто-то холодный, бесчувственный и далекий: «все нормально, все хорошо».

На пути в туалет в холле я замечаю Итальянца. Он бьется своей набриолиненной головой о стену и причитает: *«Сука, сука…»*

Да, жизнь иногда оказывается сукой. Наверное, поэтому бедолага потерял все свои зубы. Напуганная, я не решаюсь пройти мимо и наблюдаю, пока ему не удается взять себя в руки и вернуться к кромке танцпола, где его, словно умирающего карпа, захлестывает волна музыки.

Мерседес и Марио, слава богу, на своем привычном месте, распивают традиционную бутылку шампанского. Они приветствуют меня поцелуями, хотя не уверена, что они помнят, кто я такая, ведь прошло столько лет.

— А вот и Задница, — объявляет Марио. Невысокая женщина в тонкой юбке, под которой угадываются стринги, льнет к

партнеру, виляя задом при каждом движении.

— Вот что она делает, по ее мнению? — сердится Мерседес. — Это же не танго, а ча-ча-ча. Ча-ча-ча! — выкрикивает она в направлении танцующей.

Но та безмятежна. На танцполе тем временем появляется девушка с упругим животом, открытым для всеобщего обозрения.

— Чудовищно, — комментировала бывшая балерина. — В танго главное элегантность и estampa. А тут танец живота и голое мясо. Чудовищно.

— Чудовищно, — соглашаюсь я, чтобы не омрачать атмосферу за нашим столиком.

— Просто ужасно, — поддакивает Марио, не отрывая, впрочем, глаз от голого живота. Я спрашиваю о его танго.

— Был женат на профессиональной тангере, мы давали уроки и выступали, но тогда-то я и увидел жизнь танцоров, вечно ожидающих, когда танец их накормит. Ужасная жизнь… С женой расстались. Теперь прихожу на танго, чтобы привнести что-то в танец, а не забрать у него.

Хотя Мерседес не отрывает глаз от танцпола, она слышит нас:

— Для меня все началось двадцать лет назад. Родители умерли, я развелась. Наступила адская жизнь: плакала без остановки. Тогда и начала танцевать, с тех пор никогда не оглядываюсь в прошлое. Когда уходишь каждый вечер, перед этим красишься и одеваешься, некогда себя жалеть. Я встаю в полдень, ем и планирую, на какую милонгу отправиться. Что-то в повседневной жизни мы, конечно, упускаем, но по крайней мере у нас есть танго. Мне жаль людей, у кого его нет, в чем они находят утешение? В телевизоре?

— Посмотри на него, хорош, — говорит Марио. — И двигается здорово. Вот только партнерша — квашня какая-то.

У мужчины измученное лицо, брюки с высокой талией и зализанные назад волосы — так мог выглядеть матрос начала XX века из Пуэрто-Мадеро. Я с радостью откликаюсь на его приглашение. Родом из Греции, он танцует как человек, приговоренный к повешению на рассвете.

— Я здесь два месяца. В Патре нет танго, в Афинах — да, но дважды в неделю кататься на милонги по четыреста километров… Поэтому я приехал в Буэнос-Айрес на полгода.

— Наслаждаешься? — глупый вопрос. В его глазах горит огонь танго-лихорадки в запущенной форме.

— Безумно люблю танго. Танцуя, я могу понимать, что чувствую. Много внутри, слишком много, хочет наружу. Простите, мой английский не очень.

— Но что ты будешь делать, когда вернешься в Грецию? Как

жить без танго?

— Не знаю, — улыбка солнечных морщинок. — Не хочу думать. Ужасно. Не могу без танго. Я *нуждаюсь* в танце.

Апостолос владеет книжным магазином. Я завожу разговор о греческих писателях и спрашиваю его о Каввадиасе, чье творчество открыла для себя недавно, но после двух минут беседы не о танце он начинает ерзать.

— Хочешь танцевать еще? Я люблю Каввадиаса, он ходил в море, знаешь? Прекрасная поэзия. Но тело говорит лучше. Я пытаюсь высказать все в танго.

— А я попытаюсь услышать, — и действительно, кружась с ним, я слышу вдали гул лодок, чувствую острый запах Эгейского моря, разбираю хриплый голос матроса, читающего стихи Каввадиаса с характерными греческими шипящими. Параллельно я слышу звуки песни Así se baila el tango («Так танцуют танго»), чувствую сладкий пот Апостолоса и ощущаю мягкую ткань его брюк своими голыми ногами. Прекрасный танец, после которого последовал укол печали.

Уходя вместе с Мерседес и Марио, я не имею возможности попрощаться с партнером — он наслаждается в объятиях местной немолодой дамы. Достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в правоте Родольфо Динцеля: лицо грека выражает то, чего я не замечаю на лицах танцоров нуэво со всеми их диссоциациями, — влюбленность.

Пусть даже Апостолос влюблен в сами объятия или собственные чувства. Неважно. А может, фрейдисты не ошибались и танго представляет собой одно большое упражнение в эмоциональном переносе под красивый аккомпанемент. Обольщение. Помолвка. Разрыв. Страдания. Желание.

Ну да ладно. Главное то, что танго-лихорадка — разновидность лихорадки любовной. Это единственное имеет значение.

И тут я понимаю, что завидую Апостолосу, Дане, Джульетте, молдаванке-американке, канадке-аргентинке и другим, кто отринул прошлую жизнь ради танцевального объятия. Им есть что терять, но есть и что приобретать.

Мне так и не хватило духу бросить все во имя танца. И если раньше я бы отдала все ради любви, то теперь и в ней сомневалась. Единственное, что знаю: у меня есть сатиновый мешочек с новыми туфлями, обратный билет в Шотландию и неизвестное будущее.

Звучит «Печаль моря», напоминая о Марселе и Хамади, с момента встречи с которыми прошло четыре года. За пультом лыбится мясистое лицо диджея Горацио Годоя. Он улыбается

жизни, мерцанию огней, кружению пар по танцполу. Я схожу с ума от ощущения собственной «непринадлежности» ко всему происходящему.

Вернувшись в отель, застаю в кухне на лавке спящую Зорайду. Она даже не сняла босоножки для танго.

На следующее утро соратники пьют чай на кухне.

— Мне приснился сон, — говорит Дана в перерыве между приступами кашля. — Я танцую и пытаюсь сделать шаг, но не могу. Не получается. Говорю себе: «Дана, прекрати, ты устала». Но не слушаюсь и продолжаю попытки, мне плохо, стыдно, хочется лечь. Меня это просто убивает, но не могу остановиться.

Турецкая пара, Зорайда, Вим вежливо улыбаются в ответ. В своих тусклых комнатах, забитых сырой обувью, им всем виделся подобный лихорадочный сон.

А мне? А я здесь просто гость. Могу танцевать танго. А могу и не танцевать.

Ту же самую фразу произношу Карлосу Ривароле в свой последний день, разделываясь со стейком размером с наш стол, в то время как он поглощает чечевичную похлебку.

— Карлос, ты стал вегетарианцем, не просто буддистом?

— Взгляни внимательнее, Капкита. Мы же в Аргентине, — в супе плавают огромные куски мяса.

На нас смотрят портреты Пьяццоллы и Пульезе. Тяжелый золотой бюст композитора Анибаля Тройло сверкает в углу. Время течет для всех, кроме Карлоса, с годами он лишь молодеет. Правда, небритая борода на его скульптурных скулах поседела, но ему очень идет.

— Ну, — он изучает мое лицо. — Выглядишь ты счастливой.

— Так и *есть*, — улыбка со стейком во рту.

— Значит, ты нашла то, что искала в танго.

— Да, любовь, — внезапно глаза наполняются слезами, я отодвигаю тарелку. — Прости.

— Все хорошо, Капкита, — он протягивает салфетку с надписью EL OPERA, и я вытираю нос. — Любовь никогда не покидает нас, но начинаться все должно с любви к себе. По-другому никак, все остальное исчезает, как песок сквозь пальцы.

— Да, — из глаз течет катастрофически. — Кроме танго.

— Кроме танго, — он сжимает мою руку. — Пойдем, посидим на солнышке.

Мы расположились на Плаза де Майо, сегодня четверг — день сбора матерей без вести пропавших: вот уже тридцать лет, с тех пор как их сыновья и дочери пропали, они приходят сюда с покрытыми белыми платками головами.

— Мы будем зачитывать имена наших пропавших любимых, — произнесла в микрофон сморщившаяся от возраста и горя женщина. — Не всех, их слишком много, тридцать тысяч. Каждую неделю мы можем называть только несколько сотен имен.

И она начинает. Сегодня буква «Л».

— Лескано, Лукреция Бериа.

— Здесь! — отзывается другая аргентинка.

— Лескано, Мануэль Роберто.

— Здесь!

Впереди нас в сюрреалистичном розовом мерцании возвышается здание Каса-Росада[10], где решались судьбы людей. На площади малыши кормят голубей. Полуденное небо покрыто тучами.

— Лескано, Луис Алехандро.

— Здесь!

— Лескано, Адриана Мальвиа.

— Здесь!

Я закрываю уши руками:

— Карлос. Целая семья. Все.

За очками трудно разглядеть глаза Карлоса, но внезапно он кажется резко постаревшим.

— Мне было немного лет, когда все это происходило[11], — произнес он тихо. — Но стыдно, что я тогда ничего не сделал. Ходили самые разные слухи. Ездили какие-то странные автомобили. Исчезали знакомые тебе люди, а ты боялся задавать вопросы, потому что те, кто осмеливался, тоже пропадали, к примеру, некоторые из матерей. Как теперь стало известно, во время пыток ублюдки включали танго, чтобы заглушить крики боли.

— Лескано, Розерия.

— Здесь!

— Сволочи, убили всю семью! — прошептала я.

— Сейчас они были бы моего возраста, а их дети — твоего. Потерянное поколение. Некоторых, чьих родителей убили, младенцами усыновляли генералы. Да, Капкита, такова часть истории Аргентины.

Имена продолжают зачитывать, мы сидим до конца, потом расстаемся, крепко обнявшись. Карлос машет рукой с противоположной стороны площади с печальной улыбкой. Как же ненавижу расставаться! Каждое «до свидания» может обернуться прощанием навсегда. А женщин в белых платках лишили даже такой привилегии, оставив наедине с бесконечным горем.

На обратном пути, на Плаза Доррего я натыкаюсь на спящего на тротуаре рядом со своим товаром индейского продавца украшений. Он просыпается:

— А, Кап-ка, — тревожная улыбка. — Я надеялся, что ты придешь.

Я сажусь рядом с ним. Последние две недели с Хуаном по прозвищу Черный Пес мы беседовали каждый день, а когда я болела, он угостил меня соком.

— Моя болгарская подружка жила здесь, в Буэнос-Айресе и умерла от рака мозга в двадцать пять, — поведал он в день, когда мы познакомились. — Я ее любил.

— Ужасно.

— Да.

Черный Пес не любит говорить коротко. Длинные седеющие волосы, заплетенные в косы и украшенные бисером пряди, индейское лицо излучает свет и теплоту, как фонарь в надвигающейся тьме. Он немедленно ставит диагноз моей боли в нижней части спины и начинает лечить меня рефлексотерапией:

— Не могу объяснить по науке, но чувствую боль, — говорит он, надавливая на точку на руке, отвечающую за кишечник, и я ощущаю острый укол.

— Ой, я тоже!

— Еще чую недоброе, может завтра, может позже. Что-то очень плохое. Но ничего с этим не поделаешь, любовь моя.

Я вцепилась в него, боясь отпустить.

Наконец он открывает мою ладонь и вкладывает в нее округлый предмет, сделанный из гибкой проволоки, которую можно закручивать, придавая этой штуке двадцать разных форм, что Хуан и демонстрирует своими грязными пальцами.

— Хочешь Землю? Вот. А если Земля чересчур, то цветок. Не нравится? Выбрось вот в это мусорное ведро… Упс, это не ведро, а лодка, что отвезет тебя на Рио-де-ла-Плата. Надоела река? Посмотри на черную дыру, из которой все начинается. Посмотри на кольца Сатурна и снова на землю, и на крошечную точку на ней, где мы сидим на Плаза Доррего. Мы странники, объединенные на короткий миг в Сан-Тельмо, глядящие на эту мандалу, которая вновь преобразилась в цветок. Спрашиваешь, что такое мандала? Сон в форме шара. Доброй ночи, Кап-ка. Я встречусь с тобой в своих снах.

Сжимая в кармане подарок Черного Пса, я возвращаюсь в Эдинбург.

* * *

Терри не приехал в аэропорт, забыв о моем возвращении. Когда же он открыл дверь нашей квартиры, в глазах его читалось, что забыл он намного больше. Своим новым монотонным голосом он объяснил, что с ним все в порядке, просто теперь у него другая. Как выяснилось, он изменял мне уже довольно долгое время.

Он ушел, даже не попрощавшись, к своей распутной азиатской подружке. Они познакомились на танго, и та уже беременна, возможно даже от него. Вскоре они поженились, как-никак он всегда был «хорошим малым».

Наши пять лет вместе, бывшие прекрасным сном, в одночасье обернулись кошмаром, от которого я никак не могла пробудиться. Терри возник в моей жизни внезапно, с армейским рюкзаком за плечами, и так же внезапно исчез, прихватив тот же рюкзак. Проклятое *«мечтать и ничего больше».*

В сыром рассвете, последовавшем за катастрофой, когда кажется, будто мир вывернули наизнанку и ничего уже не будет, как прежде, я шла по Эдинбургу и говорила сама с собой, как безумная. Неужели правда? Да, все так и было, увы, я не была сумасшедшей. У меня *всего лишь разбито* сердце. Я *всего* лишь пыталась справиться с огромной потерей и осознанием того, как без прощания, без объяснения, без роскоши, называемой психологами «завершением», мне приходилось закапывать Терри и нашу пятилетнюю мечту.

Но я любила его! Каким бы он ни был. Любила. В прошлом. В танго, как мы знаем, все хорошее в прошлом.

Мою жизнь и рассудок спасли друзья, семья, бандонеон — хотя и не в таком порядке.

«Между горем и ничем обязательно выбирай горе, дорогая, — сказал Шон. — Нужно страдать и двигаться дальше, и тогда в один прекрасный день снова полюбишь».

Когда дело доходит до оплакивания покойника — а именно таковым стал для меня Терри, — труднее всего принять непоправимость. Вам хочется *что-то сделать с этим*. Однажды ночью я с бандонеоном залезла на крышу дома, откуда виднелся казавшийся заброшенным любимый город. Артурс-Сит, замок, вымощенные камнем улочки и море — все сияло потусторонним светом, напоминая криминальную сцену из фильма с плохим концом.

Даже в решающий момент я не была толком уверена, кто из нас двоих должен исчезнуть — я или бандонеон. Немного посомневавшись и убедившись, что внизу никого нет, я все-таки сбросила Малену с крыши и едва не отправилась вслед за ней под тяжестью ее веса. Звук бандонеона, пролетевшего пять этажей и

рухнувшего на мостовую, нестерпим. Но это ничто в сравнении с видом сломанного инструмента, особенно вблизи, когда, подбирая осколки его идеальных клавиш, похожих на зубы поверженного зверя, осознаешь, что ты сам и есть настоящий монстр.

Да, мои дела были плохи. Настолько, что несколько недель жила на автопилоте, как если бы ничего не произошло. Я даже пару раз ходила танцевать. Смеялась звонким смехом, по звуку напоминавшим разбивающееся стекло. Преподавала на летних курсах и рекламировала новую книгу.

А затем Терри начал появляться на милонгах со своей беременной невестой. Я сразу разобралась, кто мои настоящие друзья, но большинство членов «танго-семьи» приняли их. Понимаете ли, милонга не судит, милонга не морализирует. Это казино, где любые монетки в цене. Милонга любит всех своих детей одинаково: добрых и эгоистичных, эксплуатирующих и отдающих, бесчувственных и с разбитым сердцем, тех, у кого все в порядке, и тех, у кого все плохо. Тех, у кого пятилетняя мечта, и тех, у кого пятилетний план. Если у вас проблемы с кем-то, уходите. Если «внезапно ставший бывшим» приходит на вечеринки с мертвым взглядом и подругой в положении, уходите. Таков закон.

Было ясно: если останусь в Эдинбурге, то могу последовать за Маленой с крыши моего дома. Но в свою последнюю ночь в городе я отправилась танцевать — а куда же еще? Джошуа курил снаружи, у входа в старый паб Merlin, в зале над которым пары кружились под Пульезе.

— Моя последняя милонга в этом году, — сказала я, лишь бы прервать молчание. — Возвращаюсь в Новую Зеландию.

— Мило. А почему? — Джошуа единственный был не в курсе всех перипетий.

— Терри… в общем, мы разошлись. Он… нашел кое-кого.

Прозвучало так абсурдно, что я попыталась рассмеяться, но издала отвратительный, жалобный всхлип. Парень молча смотрел мимо меня, с видом человека, которого ничто не могло удивить, так как он уже все пережил. Просто придвинулся поближе и положил свою руку-лопату на мое плечо: «Пошли танцевать».

На двенадцать минут (на деле обернувшихся часом, но кто считал) я забыла обо всем в его объятиях. Когда музыка стихла, все вспомнилось вновь. Мы обменялись «спасибо» и «до свидания».

Я попрощалась с друзьями и прошлыми танго-отношениями, но никто и ухом не повел. Я сказала «прощайте, мучачос» разлаженной танго-семье и разрушенным годам счастья. И,

словно крышку гроба, захлопнула дверь прошлой жизни, не зная, вернусь ли когда-нибудь. Как герой песни Nada («Ничего»).

Ничего не осталось от дома моего, кроме грусти и отчаяния.
Я ухожу. Ухожу, но не знаю, куда.

Кортина

Капка Кассабова: Итак, почему вы танцуете танго?
Натан: Потому что без него нет полноты жизни.
Карлос Риварола: Потому что я не знал ничего иного.
Тоби: Потому, что оно — источник жизни.
Шон: Танец как репетиция любви.
Родольфо Динцель: Посмотрите на него со всех сторон… это ничто. И все же оно дает мне все.
Мерседес: Потому что без него нам бы оставались только смерть и телевизор.

Четвертая танда
Объятие
В поисках трансцендентальности

Десятая минута
Смейся, смейся, не плачь
Урок: Экстаз и агония

— Да пошло оно все, Капка, — Джеймс допивает третий бокал вина. — Как в плохой танго-песне. — У него тоже совсем недавно закончились длительные отношения с девушкой из Европы, и она уехала на один из тихоокеанских островов, став членом какой-то секты. Его минорное настроение вполне соответствует моему.

— Ты сильная, переживешь, смеяться потом будешь, — обещает Джефф. У него-то есть повод для радости: новая американская любовь. Причем встречаются они и танцуют два раза в год в Аргентине.

— Сексуальное исцеление, вот что нужно. Нет лучшего лекарства, чем новый мужчина, — назначает мне лечение Ануш.

— Не хочу я нового. Не думаю, что вообще когда-нибудь смогу влюбиться.

Все за столом улыбаются.

— А я-то удивляюсь, зачем ты волосы отстригла, — хихикает Джефф. — Оказывается, это первый шаг перед уходом в монастырь…

— Даю тебе на выздоровление шесть месяцев, — обрывает его Ануш.

— Попридержи коней, — протестует Джеймс. — Ей потребуется два года, чтобы отойти.

— Два? — Ануш отмахивается, поблескивая ярко-красными ногтями. — Иди ты, говорю я: полгода.

Мы сидим в кафе Limon. Владелец, Мурат, угощает меня домашним лимонадом, и кажется, что я отсутствовала всего несколько месяцев, а не лет. Танго-сообщество Окленда окончательно излечилось от внутренних распрей и процветает. Можно танцевать четыре ночи в неделю, и благодаря Тиму Шарпу обувь марки Comme il Faut достигла местных берегов. Помимо регулярных школ в переделанном складе преподают танго и проводят милонги аргентинец и его подружка-таитянка. Джейсон переехал в Австралию, Сесилия — в Америку. У Сильвестра и его корейской подружки (не тангеры) недавно родился ребенок, и, похоже, с танго он завязал.

Но нет! Раз в неделю Сильвестр приезжает в пригородную танцевальную студию, включает переносную стереосистему и танцует один: «Я лучше буду наслаждаться музыкой и танцевать

один, чем слушать это нуэво-дерьмо и танцевать с теми, у которых проблемы с осью».

В просторном зале ветерок от включенных жужжащих вентиляторов теребит мою юбку, словно горячее дыхание.

— Рад тебя снова видеть, — говорит Сильвестр. — Выглядишь хорошо.

Я отвечаю, что с момента приезда много купаюсь в океане. Его лицо расплывается в знакомой улыбке. Волосы поседели, но тело пловца-олимпийца не изменилось.

Он не спрашивает, ни почему я вернулась, ни что оставила за собой, просто ставит диск, поднимает левую руку, я поднимаю правую, и мы танцуем под мелодию No quiero verte llorar («Не хочу, чтобы ты плакала»).

Нет, я не хочу, чтобы ты плакала.
Нет, я не хочу, чтобы ты страдала.

Химия безотказна, словно мы так и оставались в танцевальном объятии все восемь лет со времени нашего первого тангазма.

Но теперь в танце с Сильвестром что-то незнакомое поражает меня — сожаление об упущенной возможности, о том фатальном повороте, когда я предпочла нестабильного Джейсона и еще более нестабильного Терри этому достойному, надежному, как скала, мужчине. Джейсон хотел быть другим. Терри не знал, кто он такой. А здесь — тот, в ком соединяются и тангизм, и самопознание, и жизненная сила.

В свои двадцать мы все еще были в стадии становления. Сейчас, в тридцать с хвостиком, мы уже *стали* такими, какими хотели быть. Разве нет?

— Нет, Капка, в жизни нет ничего окончательного, кроме смерти. Мы всегда кем-то становимся, и надежда есть всегда.

— Да, — я вытираю мокрое от пота лицо его футболкой, которую он снял, поменяв на свежую. — Как говорил Кафка: «Тут бесконечно много надежды, но только не для нас».

Он снова подает мне руку. Из нас двоих я любитель цитат. А ему хватает своей мудрости.

В любом случае для нас танцевать вместе — лучшие танго-отношения, о каких только можно мечтать. Они выше ожиданий и желаний, вне прошлого и будущего. Это акт истинной любви и верности. Нет слов, способных выразить мою благодарность. Сильвестр и без них все понимает, ничего не просит взамен, кроме моего присутствия в студии раз в неделю этим нескончаемым новозеландским летом.

Когда я не танцую, то часы и мили напролет плаваю в океане с отцом. Забота обожающих дочь родителей и обильное питание помогают моментами не чувствовать себя несчастной. «Ты здоровая и сильная. У тебя вся жизнь впереди», — философствует отец и наливает нам совиньон, в то время как мама готовит лосося и салат из авокадо с маслом австралийского ореха. Я поглощала все, как лекарство. Родители не осуждают и не сокрушаются, просто любят, терпеливо и безоговорочно. Так у меня закрадывается мысль о романтической любви в будущем, а это не к добру.

(Пауза. По поводу родителей в танго. Образ матери всплывает в песнях, как тема из серии Детство, Дом и Возвращение. Возвращение не радостно, ибо Детство ушло навсегда и, как мы уже видели, *от дома ничего не осталось*. Но, памятуя слова одной танго-песни, остается некоторая надежда в лице Мамы:

Много на свете грез, поцелуев,
Искренней дружбы и жарких страстей,
Но только о маме сердце тоскует,
Хотя и забыл я о ней.
И лишь к материнской любви возвращаться
Хочу я теперь, когда время прощаться.

А вот образ отца в подобных композициях не упоминается, в чем я склонна винить эдиповы наклонности в характере главного героя-мачо, для которого существует только три понятия: бандонеон (друг), любовница (враг) и мать (место, куда он отправляется залечивать раны)).

Когда лето подошло к концу, океан стал холоднее, шампанское, которым отмечали мой тридцать пятый день рождения, выветрилось, очарование возвращения рассеялось в буднях, и мое существование оказалось безденежным и совершенно бесцельным. Сильвестр уехал с семьей в Корею. Аргентинско-полинезийская пара вернулась в Европу, и на танго-волнах снова воцарился штиль. Жужжание холодильников в пригородной тишине оглушает. Отблески от начищенных спутниковых тарелок и японских автомобилей вспыхивают на солнце, как мигрень.

Не здесь мое место, но где оно, я больше не знаю. Прошлым жить нельзя, но и будущего я не вижу. Нельзя вечно прятаться в уюте родительского дома, но и возвращаться в Эдинбург, на место преступления, страшно.

Конечно, в голову проникают думы о переезде в Буэнос-

Айрес, где можно было бы влиться в ряды других танго-эмигрантов. Получила бы свое танго-прозвище: Болгарка. Танцевала бы каждую ночь, ища забвения и спасения в объятиях странных мужчин. Сняла бы комнатенку где-нибудь в Сан-Тельмо, если бы могла себе позволить это. Но я не могу, не могу позволить себе стать Джульеттой.

Не могу и *не хочу*. Не хочу убегать на этот раз. Хочу стать одной из тех, кто остается. Слишком часто, на слишком многих милонгах, в слишком многих городах я оказывалась транзитным пассажиром.

И тут поступает предложение поработать за границей. Почему нет? Терять все равно nada — нечего. И снова сборы, боль прощания с родителями, старыми друзьями, небом и океаном, и я пересекаю Тихий океан. На сей раз путь мой лежит на восток — в Эквадор — с обратным билетом в Шотландию.

Моя задача в Эквадоре — написать об орхидеях. А это значит отправиться в экспедицию с толпой фанатов, которые показывают мне, что орхидеи для них — то же самое, что для некоторых танго. Моя цель — на месяц забыть обо всем. Моя сверхзадача — найти танго. Ведь в Эквадоре танцуют танго?

Конечно, дважды в неделю. В Кито, в богемном Cafélibro, стены которого украшены живописью с картинами танго. Им управляют черноволосая Сильвия и Гонсало с бородой перечного цвета. Они — идеалисты, вложившие все свои сбережения в это рискованное предприятие; миллионов оно не принесло, но позволяет жить так, как они всегда мечтали. Сильвия — профессиональная танцовщица с рассеянным взглядом женщины, которая вечно что-то забывает: «Не могу вспомнить ваше имя… Ах да, Капка…» Все интересные люди Кито рано или поздно появляются в Cafélibro. Обучает танго внушительная дама Росарио, и сегодня урок *волькады*.

Мне-то, конечно, волькаду выполнять приходилось. Женщина опирается на мужчину, перенося свой вес; при этом ее нога выдвигается вперед, как бы подметая пол. Это движение требует доверия, выглядит гламурно и воспринимается поэтично — если вы Карлос Гавито и Марсела Дюран и все делаете правильно. Если же нет…

— *Прости,* — бормочет мой партнер, молодой парень, метис, с диковатыми чертами лица. — Я новичок.

С какой стати новичку потребовалось учить волькаду? Он должен «идти» — как завещал мне давным-давно Диего из Confitería Ideal. Минуточку, парень прекрасно ведет, и в конце концов я еще не успела окончательно превратиться в спесивого танго-сноба. Зовут моего визави Рамон, он экскурсовод двадцати

пяти лет с толстыми губами, кучерявыми темными волосами и несчастными глазами конкистадора.

В конце занятия Росарио указывает на меня.

— Она танцует в закрытом объятии, в аргентинском стиле с европейским налетом. Смотрите внимательно.

Не успела я прийти в себя от этого знака внимания, как Росарио схватила меня железной хваткой и на глазах у двадцати человек повела под песню Анибаля Тройло Tristezas de la calle Corrientes («Грусть улицы Коррьентес»). Вечно Коррьентес… можно подумать, что других улиц в Буэнос-Айресе нет.

И вот в трех тысячах метров над уровнем моря, в центре Анд пятидесятилетняя эквадорка в черных кроссовках для танго и тридцатипятилетняя болгарка в красных туфлях на каблуках (скромные семь с половиной сантиметров) танцуют танго. Я выше ее, а она сильнее. Мощная, как крепость инков. Мы не на улице Коррьентес и не грустим. Росарио ведет меня на многочисленные волькады, которые требуют от обоих партнеров тренированной спины — спасибо, Господи, за плавание. Нет, нам совсем не грустно, честно говоря, я чувствую себя счастливой!

И после занятия, на милонге, где играет приезжий аргентинский оркестр San Luis Tango, а певец с набриолиненными волосами драматически вглядывается в пространство, я счастлива, пусть даже в моих глазах стоят слезы. Скромная задача коллектива — «объединять мир своей музыкой» — поведал мне позднее смуглый вокалист, ну а пока он поет Cascabelito («Колокольчик»).

Колокольчик, динь-динь, смейся, смейся, не плачь…
твой кристальный смех, где же он?
Смейся, смейся, не плачь.

«Колокольчик» становится моей новой любимой песней. На карнавале юноша встречает таинственную незнакомку. Поцелуи, смех, как хрустальный колокольчик, — больше они не встречались. Но в своем сердце он навсегда сохранит воспоминание о ней, что бы ни случилось, — а ничего хорошего с юной девушкой на карнавале случиться не может, оттуда дорога только вниз.

(Пауза. Тема карнавала — целый жанр в танго-лирике. «Карнавал круглый год», «Всегда карнавал», «Коломбина» и «Смейся, Паяц» отражают дух танго. Карнавал олицетворяет круглосуточную танцевальную вечеринку. Где царят дух отчаяния, желание забыться и эфемерная любовь. Девушка, чье лицо угадывается под маской, исчезнет навсегда, клоун с

нарисованной улыбкой рыдает. Мы *знаем*, что все закончится плохо, и конфетти завтра обернется мусором. Но разве подобное не отражает жизнь человека, вопрошает танго. И тут же отвечает: «Все пройдет, и *только* музыка вечна».)

— У тебя все будет хорошо, Колокольчик, — обнимает меня Гонсало, а Сильвия стискивает мою руку:

— Видишь там женщину, дорогая? — она показывает на печальную красавицу за соседним столиком, лет сорока с чем-то, подпевающую «Смейся, смейся, не плачь», с глазами, полными слез. — Не помню, как ее зовут, приходит сюда каждую неделю, с тех пор как потеряла мужа в прошлом году. Рак.

Рамон тоже сидит рядом.

— Ты счастливица, раз можешь плакать, — бросает он небрежно. — Я сто лет уже не плакал.

— Да что ты видел в жизни, дружище? — отзывается Гонсало. — О чем тебе горевать?

Рамон не возражает, и вскоре мы танцуем под «День, когда ты меня полюбишь». Когда он не пытается делать волькады и просто ходит, то обнаруживает такой талант, что мне не хочется грустить. В предрассветные часы мы доходим до моего отеля в безлюдном Старом городе и пьем кроваво-красный сок тамарилло в баре.

— Боюсь, однажды взорвусь, как Пичинча, из-за того, что не могу поплакать или разозлиться, — признается Рамон. Мы оба смеемся, но десять лет назад, когда вулкан изверг столб пепла высотой пятнадцать километров и даже в солнечный день Кито накрывало гигантской тенью, смешно никому не было.

— Мне тогда исполнилось пятнадцать. Моя мама запаслась консервами, как в фильмах-катастрофах, и мы неделями не могли выйти на улицу. Что ты делала десять лет назад?

— Мне было двадцать пять, и я открыла для себя танго. А *ты* как увлекся танго?

— Три года назад я встретил девушку из очень богатой и ультраконсервативной семьи. Они противились нашим отношениям, ведь я никто. Она, конечно, была девственницей. Спустя год я… ну, знаешь, *уговорил*, после чего ее накрыло разрушающее чувство вины. Я бы сделал все, лишь бы остаться с ней. Но получалось, что это я причинял ей все эти страдания. Пару месяцев спустя родители отослали мою девушку в Аргентину, в религиозную общину, как можно дальше. Они знали, что нищий паренек не сможет себе позволить поехать туда. А письма от нее приходили такие, как если бы их писал другой человек. Мысли только о Боге, словно нашла себе другого возлюбленного. Я не мог перестать думать о ней, копил деньги

как сумасшедший и в прошлом году все-таки поехал в Аргентину. А когда мы встретились, по ее глазам понял, что она не будет со мной. Она *уже* не была со мной. Эй, что с тобой?

Ничего, все в порядке. Не знаю только, кого я оплакиваю, Рамона или себя. Он смущен.

— Ты очень эмоциональна, мне бы так… в общем, выйдя из того монастыря в глубинке, я сел на автобус до Буэнос-Айреса, поселился там на месяц в дешевом хостеле и начал брать уроки танго в Confitería Ideal, танцуя день и ночь, чтобы забыть ее. Но пока не получается.

На рассвете я стою у окна, рассматривая гигантскую белую стену монастыря Ла-Консепсьон-Кито. За ней живут монахини. Они никогда не выходят за пределы обители и делают кремы для рук и лечебные настойки от менструальных болей. Мне жаль, что со мной рядом нет Рамона и он не может понежиться в мраморной ванне с плавающими в воде лепестками роз. Благодаря писательским командировкам дешевые гостиницы сменились роскошными отелями, но все это кажется излишеством для меня одной.

«Смейся, смейся, не плачь…» — напеваю я через открытое окно пустой мощеной улице внизу невесты Бога меня не слышат за своими глухими стенами. И может статься, злосчастная девушка Рамона живет там, по другую сторону. Как же я завидую ей и ее сестрам, обручившимся с тем, кто хоть и недосягаем, зато никогда их не предаст.

А тут я со своей дурацкой верой в «истинную любовь», которая на поверку не оказалась и не истинной, и не любовью. Послезавтра — проклятый День святого Валентина…

— Слышали эквадорское выражение *chulla vida*? — спрашивает профессор Хулио Ривас и делает глоток из своего бокала. — Грубо говоря, означает: у нас есть только одна жизнь и проживать ее нужно по полной. О, да.

Я снова в Cafélibro, рядом элегантный профессор. Он не танцует и приходит сюда выпить вина и послушать танго.

— Я часто вспоминаю о двух годах, проведенных в Буэнос-Айресе. Моя мама имеет отношение к великому клану Бартоломе Митре. Аргентинская столица — город для всех, а танго — музыка мира!

Своими блестящими глазами и шейным платком в горошек Хулио напоминает фокусника, но на самом деле он историк и проводит экскурсии по архитектуре крыш Кито. Лицо, словно созданное для смеха, вид космополитического бонвивана, но в

небольших глазах читается история страданий, о которой я бы не догадалась, будь я моложе и проще. Танцам и воде в ту ночь я предпочла вино и беседу с Хулио.

На следующий день мы гуляем под самыми облаками. Он пригласил меня на экскурсию по церковным куполам соборов, и сейчас мы под крышей Святого Франциска, самого экстравагантного религиозного сооружения на континенте. Реставраторы, херувимы, сусальное золото и барочные безумства кровожадного религиозного искусства Кито. Голова идет кругом.

— Знаю, вы атеистка, но загадайте желание, астральные свойства Кито исключительны, — говорит Хулио. — Здесь, в середине Земли, экватор пересекает самые высокие мировые вулканы. Взгляните на соборы, ради строительства которых поколения отдали свои жизни.

Мы внутри божественно прекрасной иезуитской церкви Ла Компания, чей свод украшен огромным солнцем:

— Видите солнце? Ему поклонялись инки, и именно здесь христиане и инки породнились, естественно, свадьба не обошлась без крови.

А вот мы снаружи. На крыше:

— Отсюда можно заметить, что церкви расположены по направлению к солнцу.

Я киваю и улыбаюсь, опьяненная облаками, горным воздухом и солнечным светом.

А сейчас закат (на экваторе он всегда строго в шесть вечера), звонят церковные колокола. Мы стоим на Плаза Гранде среди пальм, голубей, нарядно одетых людей и чистильщиков обуви. В XVI веке в этом месте зародился колониальный Кито и отсюда же стартовала первая экспедиция вглубь Амазонки.

Внезапно Хулио снимает панаму и начинает петь: *Volveeer… sentir… vivir…*

Это слова знаковой песни Гарделя 1935 года Volver («Возвращаться») о возвращении сквозь «снега времени», об ощущении, что двадцать лет — всего лишь миг, и о жизни среди своих демонов.

Хулио исполняет всю песню — строчку за строчкой, то взбираясь на лавочки, то спускаясь с них и гоняя толстых голубей. Я смеюсь и подпеваю, не обращая внимания на то, как выглядим со стороны мы сами: гринго и эксцентричный местный аристократ, размахивающие панамами. Все останавливаются, чтобы посмотреть на нас: мальчишки — чистильщики обуви, прогуливающиеся господа, хихикающие тинейджеры, два босоногих францисканских монаха в конопляных рясах, даже облака, кажется, замерли.

— Спасибо, Карлито, — Хулио салютует небесам и живущему там святому покровителю исполнительского танго, целует мою руку и раскланивается перед публикой на площади. Наша прогулка продолжается. Минуем монастырь Консепсьон.

— Капка, вы олицетворение музыки танго, — говорит Хулио, восстанавливая сбитое дыхание. — Женщина мира, куда бы вы ни направились, всегда будете одновременно и местной, и чужой. А теперь пойдем ужинать. Я знаю, что сегодня День святого Валентина, и вы предпочли бы провести его с молодым жеребцом, а не со мной, пожилым дядькой, но нельзя уехать из Эквадора, не отведав супа *ягуарлокро!*

Знаю, знаю этот кулинарный шедевр из кукурузы и кровяной колбасы, плавающих в подозрительном бульоне, напоминающем о резне при Ягуаркоча, когда озеро окрасилось в алый цвет от крови убитых инками кечуа. Ужасные вещи случались здесь и до прихода конкистадоров.

— С удовольствием, — улыбаюсь я, готовая хоть стельки жевать, лишь бы оставаться подольше в компании Хулио.

— Но сначала ответьте: вы загадали желание?

— Да, спасибо вам.

Я буду *возвращаться*. Я буду *чувствовать*. Я буду *жить*.

— Так и знал! Обычные девушки подчиняются обстоятельствам, которые в итоге и становятся их жизнью. Но женщина мира выбирает свой путь.

* * *

Не понимая до конца, кто же такая — женщина мира, но, памятуя о сказанном, первое, что я делаю, вернувшись в Эдинбург, — обращаюсь к танцу мира.

Нетвердая походка, под ложечкой сосет… Я стою перед красными вельветовыми портьерами клуба, гадая, что ждет меня за ними. Меня не было полгода. Вернулась я загорелая, стройная, преисполненная энергии тропических соков, но, судя по четырем сотням песен в стиле танго, рассказывающих о возвращении, легко оно никому и никогда не дается.

Тоби Моррис вышел из своей диджейской кабинки, крепко меня обнял.

— Добро пожаловать домой.

И никаких расспросов.

Воистину, мой дом и моя жизнь *принадлежат* этому театру притворства. «Реальная» жизнь разрушилась, но «иллюзорная» милонга в крепком каменном шотландском здании под

викторианскими сводами продолжается. По-прежнему надо при входе опустить в коробочку три фунта, чтобы получить билет на противоположную сторону Стикса. По-прежнему звучит музыка. По-прежнему танцуют пары. Налить воды можно в соседней комнате, где по-прежнему обмениваются обувью и сплетнями. Худо-бедно семья в сборе, плюс-минус одна пара (слава богу!).

Кто-то кивает из противоположного угла и направляется ко мне. Мешковатые джинсы, кашель заядлого курильщика. Это Джошуа, мы поддерживали с ним связь все последние полгода.

«Мне так много надо сказать тебе… о танго», — писал он.

Наши письма всегда были о танго. О том, какая музыка играла в Counting House в воскресенье. Что значит танцевать, повинуясь мелодии, а что — повинуясь ритму. (Он предпочитал последнее.) Что я думаю о танце, попадающем в ритм или чуточку отстающем. (Никаких мыслей, я просто хочу, чтобы меня умело вели.) Джошуа явно сдал экзамен на танго-зависимого.

И сейчас, спустя шесть месяцев после танца прощания, я танцую с ним свое первое танго возвращения. По понедельникам мы стали вместе ходить на практику, по выходным — на специальные мастер-классы по милонге с приглашенными парами. Мы танцуем первые десять, средние пятнадцать и последние три мелодии. Мы не покидаем территории множественных тангазмов, и я отчаянно напоминаю себе, что танго — искусство, не секс. Да, искусство, создаваемое вашим телом и телом партнера, но *не* секс.

(Пауза. Одна тангера — не будем называть имен — рассказывала, что как-то раз, танцуя с незнакомцем в Париже, испытала настоящий оргазм. Не тангазм, а оргазм, в чем была вполне уверена. Не хочу вдаваться в подробности, скажу только: на танцполе оргазм — неуместная разновидность тангазма. Не наоборот.)

Музыка стихает, и мы отступаем друг от друга.

— Спасибо, — меня трясет, как бесноватую. — Было здорово.

— Тебе спасибо, — он улыбается в пол, доставая дрожащими пальцами сигарету.

Мы расходимся в противоположные концы зала к нашим стульям.

Все дальнейшее неизбежно, потому что это не просто влечение, а роковое танго-влечение. В чем разница? Когда простое влечение из мечты становится реальностью, вам хорошо, вы удовлетворены и даже рассказываете друзьям. Когда роковое влечение «претворяется в жизнь» — а случается это всегда, иначе бы оно так не называлось, — то с самого начала все

воспринимается как беда. Беда из серии: о чем вы хотели, но боялись спросить. А роковое танго-влечение? Ну, это роковое влечение под самый прекрасный в мире аккомпанемент.

В Шотландии сейчас весна, деревья начали распускаться под еще холодным голубым небом. Джошуа помогает мне упаковывать прошлую жизнь в коробки. На сей раз я переезжаю не на другой континент, а в новую квартиру, и при переезде некоторые вещи исчезают, например, мандала Черного Пса. Джошуа рядом, чтобы протянуть руку помощи, заключить в крепкие объятия, приготовить мне еду. Он появляется перед милонгой с пучками редиски и с рассветом уезжает обратно за город ухаживать за садом. Потом снова возвращается вечером, едва стоя на ногах от усталости, но при этом всегда находит силы для танца. Наша плотская любовь примитивна настолько, что почти духовна. Мы гуляем по ночным улицам, видим цветущие деревья, шпили, мечтательно прорезающие серо-розовое небо вновь любимого города; чувствуем запах свежей травы. Это экстаз.

Возьмем факты. Мы оба одиноки. Каждый по-своему уже обжигался в жизни. Оба жаждем любви. Нас объединяет танго. Мы в прекрасной форме. Мы достойные люди, испытывающие отчаянное желание, чтобы все получилось. Идеальные условия для счастья. Но счастливы ли мы?

Конечно, счастливы: мы срываем одежду, стоит взглянуть друг на друга, — это ли не счастье? Я не могу не думать о тебе, но когда мы вместе, мое счастье преисполнено легкой грусти. Когда мы танцуем, я закрываю глаза и обнаруживаю, что существует нечто сильнее тангазма. Это совершенное танго-объятие.

Если тангазм уподобить встрече с Богом, то идеальное объятие с любимым можно сравнить с чувством, будто становишься Богом. Думаете, гормоны полностью затмили разум? Попробую перефразировать. Это словно быть рядом с божеством. Воскреснуть на двенадцать минут, приблизиться к платонической сути бытия, к состоянию гармонии и совершенства, к которому так или иначе стремятся все люди. И любые их попытки, кроме идеального танго-объятия, тщетны.

Это экстаз. Слово происходит от двух греческих слов: *ex* — «снаружи», *statis* — «эго», «суть». Экстаз — значит быть за собственными пределами. Это больше, чем точка невозврата, это точка, откуда *не хочется* возвращаться. Какой смысл идти назад, когда находишься в круговороте жизни? Никакого. Возвращение возможно только вниз.

Именно это формулирует Салли Поттер в песне из фильма «Урок Танго»: «Я — это ты, ты — это я». Ты сливаешься с другим, и границы твоего существа размываются. Это измененное состояние. Воспарение духа. Поэтому люди и становятся тангоманами, они хотят познать такое состояние. А те, кто уже познал, хотят еще. И еще.

Вспоминаю последнюю беседу с Родольфо Сфинксом в Буэнос-Айресе: «Просто как дважды два: вся суть танго заключена в объятии. Без него нет пары. Без пары нет танго».

Раньше я с переменным успехом была занята поиском танго на полу (стадия ног), близости на танцполе (стадия сердца), своего места среди городов и людей (стадия ума), но не обращала внимания на ключ к танго-блаженству: на объятие. По крайней мере теперь мне так кажется.

Вот некоторые умозаключения об объятии, сделанные Сфинксом в перерыве между сигаретами и танцами.

1. Танго не просто первый танец, основанный на импровизации (отсюда его шахматная бесконечность и безграничность и интерес ученых и технарей), но еще и первый танец, где верхние части тел партнеров вместе, а нижние независимы. Оставаясь близки, партнеры существует раздельно. Они двигаются и при этом неподвижны. Каждое тело делает это по-своему, и такая диссоциация нижней и верхней частей тела доказывает африканское происхождение танго (о чем речь пойдет чуть позднее).

2. Верхняя часть тела выражает драматический аспект танца, а ноги — его экспрессию. В идеальном объятии у вас есть потрясающая по своей силе эмоциональная связь с партнером, и одновременно — самовыражение: вы в полной мере взаимодействуете с партнером, при этом на сто процентов остаетесь собой. Ни мужчина, ни женщина не берет верх. Их роли все время меняются. Мужчина может выражать свою женскую энергию (аниму), а женщина — мужскую (анимус).

3. Объятие представляет собой пространство для двоих, отсюда впечатление и ощущение близости. Область ног — пространство взаимопроникновения, отсюда впечатление и ощущение эротического преследования.

Теперь о главном: можно говорить о «ведущем» и «ведомом», как будто пол не имеет значения. На самом деле имеет. И роль его чертовски важна, а те зануды или тупицы, которые твердят обратное, застыли в собственном развитии, даже если их конечности могут делать множественные сакады с последующей

двойной волькадой.

Вот голая правда: наша сексуальность примеряет танго-объятие, как нога танцевальную обувь. И найти идеального партнера так же (почти) тяжело, как и идеальные туфли.

Теперь, когда мы это знаем, мы тоже приблизились к краю пропасти. Так как в основе идеального танго-объятия — слияние любовников. И оно не может быть долгим. Оно завершается вместе с финальным аккордом танды, с разъединением пары на рассвете. Так было всегда. Даже в Библии сказано, что любовь длится, «доколе день дышит прохладою, и убегают тени». И осознание неизбежного конца придает удовольствию горечь боли. Следовательно, идеальное танго-объятие, как идеальные объятия любовников: и разрушительно, и целительно одновременно.

Теперь я понимаю, почему некоторые плачут после идеального танца. Почему другие (даже мужчины) закрывают глаза. Понимаю книгу «Любовник леди Чаттерлей». И почему бывшая девушка Рамона предпочла Иисуса боли чувственного блаженства. Бог мой, я наконец-то понимаю *себя*.

Вы видели фильм «Обнаженное танго»? Я тоже нет. Но мне и не нужно его смотреть. Я сама в таком положении. Я знаю все об этом — о вертикальном, горизонтальном и опять вертикальном, из спальни на танцпол и обратно в спальню.

Но проблемы наших с Джошуа отношений не только в том, что танда заканчивается. С самого начала мы с ним балансировали на грани: все или ничего — высочайшее наслаждение физическим единением или черная дыра разлуки. Каждый момент освещен отблеском невысказанного прощания. Что-то подсказывает мне и ему: моментам неземного удовольствия не дано превратиться в совместную жизнь в *этом* мире.

А еще ни социально, ни психологически, ни по темпераменту мы не подходим друг другу, что очевидно и нам самим, и окружающим. Общаться вне объятий не выходит, ведь кроме танго и горестных воспоминаний нас ничто не связывает. Мы не смеемся над одними и теми же вещами. По сути, Джеймс вообще не смеется — он считает свои душевные раны столь серьезными, что открытое проявление радости воспринимается им как личное оскорбление. А в танце все, что у нас никак не сочетается, идеально срастается, создавая телесный шедевр.

(Пауза. Классический танго-парадокс. На примере Гавито и Марселы Дюран видно, как танго может служить высшей точкой отношений — а не наоборот. Вот еще пару примеров из сотни подобных. Смуглый коренастый «рабочий» парень Мигель-Анхель Зотто и балерина с лебединой шеей Милена Плебс. Как танцоры

они созданы друг для друга. Во всем остальном — абсолютно нет. После тринадцати лет совместного творчества они мучительно разошлись.

Мария Ниевес и Хуан Карлос Копес — самая легендарная пара современного танго — были партнерами, любовниками, супругами, друзьями, бывшими супругами, бывшими любовниками и, наконец, бывшими друзьями. Родственные души в танго (он называл ее «моя Страдивари»), но вне танца аргентинцы ссорились на протяжении сорока пяти лет и в конце концов расстались врагами. С тех пор никто из них так и не нашел себе постоянного танцевального партнера.)

Да что там сорок пять лет! Спустя всего пару месяцев после начала нашего рокового танго-влечения я понимаю, что на счастье оно не очень-то похоже, — смеяться я перестала, зато плачу каждый день. Плачу, будучи рядом с ним, так как связывают нас лишь прикосновения. Плачу одна, потому что скучаю по его прикосновениям. У моей тяги к Джошуа и моей зависимости от танго одна и та же суть — желание удержать быстротечные моменты наслаждения. Но убеждать меня вырваться из своего состояния или быть благоразумной — все равно что убеждать кокаиниста есть больше овощей. Давайте честно: что в жизни способно отвлечь человека от удовольствия: душевное спокойствие, прогулки у моря, умеренность?

— К черту умеренность! — кричит одержимый роковым танго-влечением. — Предпочитаю танцевать с ним под «Небеса и Ты».

Неудивительно, что безрассудная свобода отличает многие танго-песни:

Я не хочу ничего, ничего больше.

или

А после… но что мне волноваться о том, что будет после?

или

И пылая от страсти, дрожа от страданий,
Мечтаю умереть в объятиях твоих.

И вот, «пылая от страсти и дрожа от страданий», мы кружим,

приближаясь к краю пропасти, за которой я не вижу ничего, кроме тени. Любые два человека, образующие настоящую танго-пару, создают тень. Это третье измерение пары. Движущаяся мишень. У нее наши ноги и головы, но она представляет нечто особое. Сфинкс зловеще окрестил ее «третьей величиной». И тень от меня и Джошуа стала больше и тверже, чем все каменные здания Эдинбурга вместе взятые, поглотила нас целиком, погрузив во мрак.

В итоге, как ни странно, именно танго поставило точку в нашем агонизирующем романе. Он — перфекционист, не знающий прощения, с настроениями, переменчивыми, как шотландский климат. А я, боясь ошибиться на танцполе, начинаю искать причины, чтобы не ходить на милонги — а значит, и не проводить время вместе.

— Тебя больше не интересует танго, — мрачно заключил он. — У нас теперь вообще ничего общего.

В ответ я заставляю себя танцевать с ним снова, а танцевать с тем, кто причиняет боль, похоже на попытку улыбаться, когда выдирают зубы.

Разрыв происходит зимой, когда я окончательно прогоняю Джошуа и он отправляется в Аргентину. Я перестаю танцевать и нахожу утешение в снеге и писательстве. Короткие дни и долгие, полные ужаса ночи. Но через несколько недель я прихожу в себя.

Но когда он возвращается из поездки, я делаю ошибку и отправляюсь танцевать. «Прошло три месяца, — убеждаю я себя. — Все будет прекрасно».

Запомните, мои *дорогие друзья по танго*, роковое влечение не просто слепое. Оно еще и немое, глухое и умственно отсталое. Вы повторяете сотни раз, что не нужно вновь запускать дьявольский маховик, но глупая страсть с печальными глазами продолжает околачиваться рядом с вами и нашептывает строчки, вроде:

Жить без тебя невыносимо…

или

Любимая, я так хочу тебя увидеть вновь, я так печален,
Как ты могла меня покинуть…
Хотя бы раз тебя увидеть,
И тогда умру в своем забвении смиренно…

или

Хочу с тобой не расставаться, пусть ты во мне как в теле нож…

Увидев меня, Джошуа пытается вести себя прилично и приглашает на танец. Но на удивление у нас ничего не получается. Вернее, получается слишком хорошо. После одной танды с неудавшимся разговором между песнями («Как съездил?» — «Хорошо, спасибо. А ты как?» — «Спасибо, хорошо».), я вспыхиваю и убегаю в туалет. Он тоже уходит мрачнее тучи. Я понимаю, что представляю угрозу и для него, и для самой себя, и решаю на месяц держаться подальше от милонг.

Когда я рискую появиться там вновь, в его объятиях кружится новая девушка. Она полупрофессиональная танцовщица, приехавшая сюда по программе университетского обмена из Уругвая. Ее налитая спина игриво подергивается в знакомой манере и… бог мой, возможно ли такое? Да. Это Задница из Porteño у Bailarin. В ушах раздается голос дорогой Мерседес с ее возмущенным «ча-ча-ча!». А еще вспоминаются слова гиганта Руперта из Нью-Йорка: «Мир танго маленький». Чертовски маленький мир.

В обычной жизни вы не обязательно встретите своего бывшего, вертикально спаривающегося с новой девицей. В мире танго никуда не денешься. Они делают это прямо здесь, перед моими глазами, под нашу песню «Небеса и Ты». Правда, теперь это уже не наша песня, это Небеса и Ты и Она. Их танец не оставляет простора для воображения. Они танцуют так близко, что танго-объятие перерастает в сплетенье тел. Я сижу, ослепнув от боли. Ее подрагивающие ягодицы не дают мне мыслить рационально.

Я вспоминаю свое острое одиночество с Джейсоном в год бронки. Но разве можно сравнивать. Это было просто ожидание в приемной танго-ада — теперь же меня отправили в самое его горнило. Что может сравниться с абсолютным, космическим одиночеством девушки, сидящей на задворках милонги, в то время как больше-не-любовник обнимает своими крепкими руками другую… Оказавшись в таком положении, вы на сто процентов ощущаете себя ненужной и нелюбимой. Разум может строить сколь угодно предположений, пытаясь справиться с увиденным, но ваше нутро понимает, что это не просто *конец* для вас и для него, но еще и *начало* для него и для нее.

И хотя струны скрипок Ди Сарли ранят душу, нужно улыбаться и держать себя в руках. В мире танго так оно, в принципе, и есть: эта та ужасная цена, которую вы платите за

возможность побыть в царстве богов в объятиях родственной души. Цена разорительная, если вы: а) эмоциональны; б) непрактичны; в) беззащитны; и д) зависимы от танго.

Во мне уживаются все перечисленные «качества», чем и объясняются бессвязная болтовня и неадекватное поведение под конец каждой милонги. Танцы для меня превращаются в опасную игру. Еще по дороге туда я начинаю плакать, измученная переживаниями и глупой надеждой, что каким-то магическим образом мы с ним будем танцевать и все наладится.

Только давайте не будем винить в происходящем танго. Это я снова и снова перешагиваю черту, отделяющую стоицизм от мазохизма. Проще говоря, это я идиотка.

(Пауза. Когда дело касается отношений, в танго существует двойная угроза. С одной стороны, вас влечет в этот мир, ибо вы натура *сложная*, что, как правило, означает, и «тонкокожая». В противном случае вы переключитесь на какие-нибудь латиноамериканские танцы попроще, где можно смеяться и попивать мохито.

С другой стороны, когда отношения себя исчерпывают, вы особенно страдаете именно *из-за* своей тонкой душевной организации. Вы слишком хорошо ощущаете присутствие экс-любовника в помещении. Вам бы хотелось иметь кожу потолще, но вместо этого у вас оголенные до предела нервы. Просто память тела длится долго, возможно всю жизнь, а мозг не в состоянии ее контролировать.

Итак: чтобы по-настоящему «проживать» танго, нужно *чувствовать*. Чтобы наслаждаться социальным танго после танго-отношений, нужно *перестать чувствовать*. Но это касается только бывших. Все-таки для общения с другими необходимо испытывать хоть какие-нибудь эмоции, ведь никому не интересно танцевать с живым мертвецом.)

Кортина. Я возвращаюсь на следующей неделе. Одета сногсшибательно. Но впечатляю только себя. Джошуа спокоен и смотрит не на меня, а на Задницу. Я мечтаю, чтобы они оба медленно умирали от венерического заболевания. Страдать от ревности хуже, чем от горя (это, по крайней мере, благородно) или желания (что, по крайней мере, волнующе). Ревность же — кратчайший путь к сумасшествию.

Танго и ревность — давние попутчики. Помните ту сцену из фильма База Лурманна «Мулен Руж», когда кабаре-сутенер поет Roxanne («Роксану»), Юэн Макгрегор параллельно исполняет свою партию, на заднем плане сверкают ноги танцоров, а мерзкий Герцог соблазняет Николь Кидман?

Ревность, ревность, да ревность,
Ревность сведет тебя с ума.

Если вам не приходилось самому сходить с ума от ревности, то вы просто смеялись бы, потому что там все чересчур опереточно, — именно так и мне казалось когда-то. Но не теперь.

Есть еще фильм Сауры «Танго», в котором наш старый друг Карлос Риварола и Сесилия Нарова с жестоким лицом исполняют эротическое варварское танго силуэтов. Ее обманутый муж наблюдает в стороне, пока не выдерживает и не вонзает ей в сердце нож. И это не преувеличение, скорее наоборот.

Ревность, как оказывается, — одна из самых любимых в танго патологий. Немного статистики: чаще всего в лирике танго повторяются слова: любовь, страсть, грусть, предательство, отказ, крушение, рана, боль, муки, наказание, страдания, одержимость, ненависть, прошлое и никогда больше. Есть песня, названная просто «Я ненавижу тебя», другая начинается словами: «Я зол./ Тому виной бессилие, с которым я живу,/Я зол./Тому виной наша любовь, что умерла», плюс уже упомянутые «Злоба» и «Унижение». Чем больше я знакомлюсь с танго-поэзией (а читаю я невероятно много, потому что все словно специально для меня и написано), тем больше замечаю: в основном она вовсе не об эротической встрече. А о том, что случается после нее.

Все происходит примерно так: роман был коротким, блаженным и проклятым. Последствия — продолжительные, разрушительные и ужасные. Как и в других жанрах «народной» музыки — блюзе, фаду и фламенко, — большинство танго-композиций посвящены вечной проблеме: «моя детка меня бросила». Или (что еще страшнее, как выясняется) столь же вечной и еще более сложной теме: «я бросил свою малышку», ибо «наша любовь умерла, теперь так тяжко, что не знаю, как быть».

Вот некоторые мотивы обширной череды танго-героев, сгорающих от ревности. Все они, как правило, мужчины, но лишь потому, что тексты обычно писали представители сильного пола. В классическом сценарии коварные женщины разбивают сердца. Мужчины в ответ любят и ненавидят, тоскуют и ждут, желают и убивают. Иногда всё сразу.

Преступление на почве страсти, едва не случившееся либо потрясшее исполнением, служит основой нескольких ключевых композиций. Одна из самых любимых и известных из них — Tomo y obligo («Приглашаю выпить со мной»). Впервые ее исполнил с присущей ему живостью Карлос Гардель в фильме 1931 года «Огни Буэнос-Айреса». Эта же песня стала его последней, прежде

чем он сел в колумбийский самолет, в котором нашел свое бессмертие. О чем она? Человек напивается, чтобы заглушить воспоминания о том, как застал свою бывшую девушку целующейся под деревом с другим.

Увидев, как руки другого к ней прикасаются,
От ревности словно ослеп,
Удар пострашнее ножа.
Клянусь, не пойму, как сдержался,
На месте ее не прикончил.

В Contramarca гаучо с разбитым сердце обращается к своей бывшей, «жестокой китаянке». На танго-сленге *Chino* или *China* — *китайцем или китаянкой* называют человека с внешностью аборигена, а на лунфардо «китаянка» означает вообще любую женщину, что приводит к некоторой путанице. И вот герой объясняет, почему ножом вырезал цветок на ее лице: так она никогда не забудет, как обманула его, бросила, оставив чувствовать себя «жалким пауком».

Дальше — больше. В песне «При свете свечи» (самое драматическое исполнение принадлежит Пульезе) парень по имени Альберто Аренас рассказывает полицейскому, откуда в его сумке внутренности бывшей возлюбленной и сердце друга. «Офицер, они меня предали, и мне пришлось их убить». Могу его понять.

Но на сей раз меня не предавали и не бросали. Мое состояние иначе как извращенным не назвать. Я цепляюсь за воспоминания, разжигая свою боль и желание, потому что не могу принять альтернативу и смириться. Для меня это равносильно смерти, подобно пустоте. Ничто и нигде. А с этим я уже сталкивалась, и повторения не хотелось.

«Между горем и ничем я выбираю горе», — объясняю я дорогому Шону в один из вечеров в Counting House. Мне так плохо, что я неспособна танцевать, не срываясь в истерику. Австралийский дизайнер с лицом монаха Осси массирует мне плечи, а Рози, художница из Новой Зеландии, держит за руку.

(Пауза. В дни подобных страданий друзья по танго дают вам то, что отнимает эротическая любовь. Поэтому мы все здесь. Бывшие пары превосходят численно тех, кто вместе, в десять раз. Я не одна здесь такая. Диджей Эл и его немецкая подружка только что разошлись после трехлетней связи и с серыми лицами сидят на противоположных сторонах зала, избегая смотреть друг другу в глаза.

Но есть и другая причина оставаться здесь — эго. По словам

Гавито, самое восхитительное в танго, что оно никому не принадлежит. Истинная правда, только каждому из нас хотелось бы лично обладать им. Отсюда такое трепетное отношение к «своей территории». Несмотря на боль, оставаясь на милонгах, мы тем самым говорим: «Я держусь за свою землю, я отдал танго годы жизни, и меня не согнать с моего стула рядом с диджейским пультом. Можете разбить мне сердце. Но даже не думайте, что вам по силам отобрать *полагающееся мне по праву*!»)

— Он в одночасье сменил меня на Задницу, — горько признаюсь я Шону.

— Дорогая, никем он тебя не заменял. Он сменил тебя на танго. Собственно, он с самого начала выбрал его. Вот почему вы не вместе.

Позади меня сидит с глазами, полными слез, Глэдис. Наши беды сблизили нас. Она недавно разошлась с непроницаемым шотландцем и много танцует с Джошуа. Мне приятно смотреть на них: это делает ее менее несчастной, а я так боюсь, что, не вынеся переживаний, она может уехать обратно в Аргентину. Кроме того, я безоговорочно верю, что подруга не перейдет границы с Джошуа. Ведь, в отличие от меня, ей самообладания не занимать.

— Твои чувства к нему не любовь, а вожделение, — заявляет она. — Один из уроков жизни.

— Но я *любила* его! — твержу я, как заезженная пластинка.

— Милая, ты как Дон Кихот с мельницами… — Шон гладит меня по голове. — Мыслишь абсолютными категориями. Но здесь прекрасного идеала тебе не найти, одни мужчины с проблемами. На протяжении двух лет ты переходишь из одной тьмы в другую, забудь про все, освободись от этого бремени и лети.

Я благодарна друзьям, но они не могут спасти меня от себя самой. Я слишком далеко зашла в своем невротическом цикле. Нет, не в том, уже известном нам. Теперь это цикл *последствий* — описанный все тем же танго-психоаналитиком:

1. Гнев/злость.
2. Жалобы.
3. Торжество истерического желания.

Снова фрейдисты попали в яблочко. В конце концов, о чем поется в первой современной танго-песне Mi noche triste («Моя грустная ночь») — о свадьбах, щенках и семейном Рождестве вокруг елки? Нет, о городском одиночестве, о горечи потери, о «занозе в сердце»: «Ты любила меня/В лучший момент моей жизни». Другими словами, о разрушительной неспособности смириться.

(*Пауза*. Впервые исполненная в 1915 году в кабаре Moulin Rouge в Монтевидео, «Моя печальная ночь» оказалась на самом деле счастливейшей, когда современное танго нашло свои слова и от ног дошло до головы. Хорошо или плохо, но это первая экзистенциальная танго-лирика, и она предопределила метафизику танго на следующий век — вплоть до сегодняшнего дня.)

Моя собственная «Печальная ночь» побила рекорды по части истерического желания (пункт 3), пока все внезапно не закончилось на Международном фестивале танго в Эдинбурге.

Три сотни человек собрались в бальном зале готического здания The Hub в средневековой Королевской миле. На мне обтягивающее серебристо-черное платье и новые сверкающие туфли на каблуках, но из-за месяцев самоистязаний я похожу на собственную тень.

Неожиданно вижу Джошуа, который как-то по-особенному танцует с Глэдис. Глаза ее закрыты, а сидящая рядом женщина докладывает, что они теперь вместе.

Кто написал такой поганый сценарий? Это кажется настолько невероятным, что хочется смеяться. Но чувство юмора меня покинуло. Мир снова рушится, меня шатает, как Пизанскую башню при землетрясении. За несколько секунд мое ощущение несчастья становится вдвое сильнее. На ум приходит строчка из песни 40-х годов «Почему я пою»:

Танго пахнет жизнью.
А на вкус оно, как смерть.

Правда поразила меня, как удар в челюсть.

Ничто не вечно в танго, даже дружба — это, должно быть, еще один из «уроков жизни», как их называет Глэдис. А то, что у нас все отбирают и мы остаемся одни, *дорогие бывшие друзья и бывшие любовники*, — это, вероятно, один из уроков танго. Даже наше прошлое не принадлежит нам, ведь милонга, как казино, неподвластна времени. Она хочет «смеяться, смеяться, но не плакать». Она хочет крутить колесо рулетки и играть — беззаботно, как невинное дитя.

Но теперь я вижу с беспощадной ясностью: мир милонги отнюдь не невинен. Он развлекает нас, пока мы веселимся, обнимаемся, целуемся и улыбаемся, пока в один прекрасный вечер не уничтожает одного из нас — собственного ребенка. А потом другого. И ничьей вины нет, просто такова натура танго-чудовища, как сказал однажды Дарио. Будешь находиться рядом с

ним слишком долго, придет и твоя очередь.

Приехав сюда, я приняла условия своего собственного восстановления — и разрушения. Возвращаясь снова и снова на место преступления, все эти годы я искала нечто, что меня исцелит. Я остро нуждалась в лечении, но, как почти все здесь, оказалась сговорчивым участником садомазохистской игры, и боль перестала быть нестерпимой. На сей раз — это я, а не какие-нибудь фрейдисты. Я должна взять на себя ответственность и стать собственным лекарем.

У меня есть воспоминания. Есть чувства. Есть прошлое. Я хочу быть их госпожой, вместо того чтобы смотреть, как машина милонги будет дважды в неделю перемалывать их в слезливый саундтрек. Самое время вспомнить слова дорогого Джеймса: «Да пошло оно все, Капка».

Я ухожу, потому что не хочу быть Маленой. Не хочу быть Колокольчиком. Я хочу снова быть собой.

— Пойдем отсюда, провожу тебя до дома, — Роза просекла мое состояние и протягивает мне мой жакет. — Ядовитое тут местечко.

Я киваю, не в состоянии говорить.

— Не хотите потанцевать? — спрашивает высокий парень из Осло по имени Свен. Я видела его раньше и восхищалась тем, как он элегантно вел, полностью сосредотачиваясь на партнерше. Танцевать с ним должно было быть чудесно…

— Да, хочу, но не здесь и не сейчас. Не забудете про свое приглашение?

И я взяла себя в руки, сняла танцевальные туфли и, не без помощи оставшихся друзей, покинула эдинбургское танго, на сей раз не оглядываясь назад.

Одиннадцатая минута
Скажи мне, что произошло
Урок: Свобода

Уходить без оглядки хорошо в песне, в реальности же нужно *место*, куда уйти. Я — как Эвита в мюзикле, в сцене, где Мадонна поет: «И что же теперь? Куда я иду?» Та всегда находила путь, и всегда он лежал через мужские объятия: начиная от танго-певца Августина Магалди и заканчивая генералом Пероном. В итоге ее жизнь превратилась в триумф женщины.

Но я не искусственная блондинка, я никому не принадлежу и хочу найти собственный путь. У меня есть голова на плечах, и пора начать ею пользоваться.

— Ты одиночка в этой жизни, детка, — говорит Клайв. — Тебе не нужен даже парень. Ты слишком доверяешь мужчине. Влюбляешься, считая его поэтической натурой. Хочешь знать печальную правду? Поэт — это ты. С огромным воображением.

Я тону в горькой правде на кожаном диване в лондонской квартире Клайва, заставленной полками с тысячами книг на шести языках.

— Однажды великие произведения рухнут на голову, пусть тогда спасатели достают меня из-под отдела русской литературы.

Вокруг пепельницы нераспечатанные конверты, стопки книг. Мы пускаем дым эквадорских сигар и уплетаем сладкие японские пирожные. Над нами — неиспользуемая хозяином танцевальная студия.

— Клайв, остается ли после идеального объятия место для танго?

— Шутишь? Да их миллионы — этих идеальных объятий. И в танго, и за его пределами. Нужно лишь захотеть найти, — он кашляет, как паровоз.

— Вы же вроде бросили курить.

— Угу. В прошлом месяце… Ох, и долго же тянулся тот месяц.

— Клайв, я хочу быть такой, как Пьяццолла. Он говорил, что никогда не смотрит назад.

— Конечно, ведь впереди у него всегда маячила какая-нибудь смазливая блондиночка.

Вот почему я так люблю Клайва: он Оскар Уайльд современности, гений белой клоунады.

— Почему люди причиняют друг другу боль?

— Гормоны, деточка. Все подчиняются своим гормонам. Вот у

меня: остался только один, и то я в его власти.

— Но это убивает желание находиться рядом с тангерос. И что страшнее — отваживает от танго. А я хочу наслаждаться танго.

— Ничему не позволяй разлучать тебя с танго. Танец не виноват в свинской природе людей. Поезжай на другие танцполы, я бы составил тебе компанию, но доктора запретили мне летать. Господи, за возможность снова поплясать в Буэнос-Айресе отдал бы пару лет жизни. Правда, я *уже* их отдал… — он заходится в новом приступе кашля и тушит сигару.

— Вы себя гробите.

— Я и так угробленный… Мм, пирожные по текстуре напоминают гениталии, — он надкусил одно. — Японцы и не такое придумают.

Клайву только что исполнилось семьдесят, а мне тридцать шесть, и сейчас у нас что-то вроде праздника по этому поводу.

— Кажется, что бы я ни делала, я проклята. Звучит мелодраматично, но…

— Не мелодраматично, а реалистично. Красота и проклятие! Выпьем за нас!

— Последние пару лет не могу собой управлять, потеряла контроль.

— Пару лет, хм? Ты легко отделалась.

— Мне хочется *благоразумия.*

— Не глупи. Благоразумным может быть любой олух. А у тебя есть свобода, величайший дар, о котором может только мечтать художник. Не профукай ее. Отправляйся в Буэнос-Айрес, ешь мясо, взгляни на вещи по-новому.

Последовав совету друга, я упаковала чемодан, взяла месяц отпуска на работе в университете и сняла комнату у диджея Оса.

После знакомства в лондонском Zero Hour отношения мы не поддерживали, но сарафанное радио донесло, что он вернулся в Буэнос-Айрес. Его дом находится в южном округе Парке Патрисиос, известном своими больницами, скотобойнями и стоянками грузовиков.

— Будешь ходить по Авенида Касерос, рано или поздно ограбят, — напутствует меня водитель по дороге из аэропорта. Его компания называется «Такси Танго», а на визитке изображена танцующая пара. — Да уж, как сказал Борхес: «Нас, портеньос, объединяет не любовь, а ненависть».

Ах, Буэнос-Айрес, город, где таксисты цитируют Хорхе Луиса Борхеса, который, надо сказать, был тем еще снобом. Авенида Касерос оказалась не мрачной, как ее описывали, а обыкновенной

аутентичной портеньо-улицей. На ней не встретить туристов, зато много деревьев и бакалейных лавок (с названиями типа «Истеричная ветчина»). На полках полупрозрачные ящики с айвой, желе из гуавы и огромные, как жернова, головки сыра. Скотобойни переделаны под рестораны, где можно заказать тортилью со шпинатом на одного, а преисполненный достоинства официант в жилетке принесет огромное блюдо, уверяя, что порционно оно не подается. В 1930-е в местном парке милонгерос отмечали танцевальные дни рождения, длились подобные празднества неделю, гости приносили освежающие напитки и мясо для гигантского барбекю, а если кто-то уставал, то ложился отдыхать прямо под сенью платанов.

— Не могу поверить: четвертый раз в городе, — заявил водитель, высаживая меня у дома Оса, — и ни один портеньо до сих пор не завоевал твое сердце. Может, на этот раз?

— Нет, спасибо. Мое сердце не призовая корова на воскресной ярмарке, чтобы его завоевывать.

— Ну-ну, — улыбнулся он. — Смотри, сама не разбивай слишком много сердец.

Если бы только он знал, успела подумать я до того, как дверь открылась. Ос впустил меня в дом в колониальном стиле, с внутренним двориком и темными пустыми комнатами. Хозяин обитает наверху в компании собаки Дейзи среди сотни записей, музыкального оборудования, и хаоса из стираного белья, пепельниц и растений в горшках. Мне же предоставлен первый этаж с терракотовой плиткой и причудливой ретро-мебелью.

— Садись и рассказывай обо всем, что было после нашей встречи. — Ос убирает гору чистого белья, освобождая диван. — А я пока поесть организую, мяса маловато, не знаю, хватит ли…

Мяса, как оказалось, килограмм, чего по аргентинским меркам едва достаточно на двоих. Мы принимаемся жевать, а я рассказываю о своей жизни, в том числе о Джошуа.

— Джошуа? — диджей смотрит на меня через груду обглоданных костей. — Англичанин-куряка, с несчастным видом?

— Он!

— Так твой бывший жил у меня пару месяцев назад, останавливался в комнате, где ты поселилась. Видишь кость, которую Дейзи грызет? Он купил.

Я смотрю на собаку и на ее обед.

— Хочешь сказать, что я проделала такой путь, чтобы спать в той же кровати, что и он?!

— Таков твой крошечный танго-мир, — пожимает плечами Ос. Похоже, его ничем не удивить. — Не двенадцать миллионов, как в Буэнос-Айресе. Но *ему*, в отличие от тебя, я не покупал

охапки свежего жасмина. Отдохни. Ты слишком измучилась. *Не обязательно* танцевать все время. Я вот начал, потому что влюбился в Билджану, гораздо моложе себя. Она давным-давно сбежала из Боснии в Лондон, и когда мы там встретились, сходила с ума по танго. А я обезумел от чувств к ней и пошел на занятия из-за желания быть ближе. Когда мы расстались, на два года забросил танго, только слушал музыку дома. Я и сейчас не часто выхожу на танцпол. Погоди минуту…

Он выбирает песню. Это уругвайский исполнитель Альфредо Зитаросса. Просто теплый голос и гитара.

— Но это не танго, — говорю я.

— *Милонга кампера*. Обрати внимание на синкопу.

— Итак, ты не танцевал два года.

— Они могут пролететь, как один миг. Я знал одну француженку, Джульетту, которая приехала сюда с мечтой о танго. А потом перегорела. Уезжая, она сказала мне: «Ос, три года жизни… куда только они делись».

— Я тоже знаю ее! — вскрикиваю я и бужу спящую Дейзи. — Где она теперь?

— Понятия не имею. Вроде отправилась попутешествовать, но назад не вернулась. Обычная в наши дни история, особенно для тридцатилетних романтических дамочек: приезжают в Буэнос-Айрес, живут во имя танго, влюбляются в танцоров, потом отношения рушатся, поддерживать ритм бессонных ночей очень сложно… их хватает на два-три года, и пора паковать вещи. Танго таких пережевывает и выплевывает, ну ты знаешь…

Еще бы. Ведь я всегда понимала: хотя я и не стану Джульеттой, но она — это я. Ох уж эти романтичные особы…

А тут вдобавок к невеселым думам еще и Ос поставил мелодию под названием «Гитара» из первого альбома Gotan Project. Об одиноком мужчине, который не мог спать из-за нестерпимого горя.

— Бога ради, — пытаюсь убавить звук.

— Эй, не грусти, — улыбается Ос. Он вроде и не от мира сего, но ничто не ускользает от его взгляда. — Всем нужны мечты, и не обязательно они разбиваются о реальность. Давай выключим эту песню. Выберем другую. И он находит другую мелодию все того же Зитароссы — «Милонгу для девушки», в которой *пайадор* говорит:

Я могу подарить утешение,
Но знаю, что ты не примешь его.
Вот почему посвятил
Тебе песню.

Диджей Ос говорит словами песни, потому что танго у него в крови. Его дед Себастьян, известный как Благородная Душа, был последним из таких пайадоров — профессиональных танцоров, поэтов и бездельников, которые слонялись по городам и весям, сочиняя душевные баллады и скабрезные куплеты. Они соревновались друг с другом на импровизированных состязаниях, переходивших в пьянки или политические дебаты, либо и в то и в другое, и заканчивавшихся нередко поножовщиной. Понятно, что с материальной точки зрения быть хорошим мужем такой «певец» не мог, поэтому после того, как пьяный папаша уронил новорожденную мать Освальдо головой вниз, его выгнали из дома. Дед вернулся на дорогу, где пропил и пропел всю жизнь. Спустя тридцать лет, предчувствуя скорую кончину, Себастьян пожелал увидеть давно потерянную жену, конечно же, любившую беспутного супруга все это время. Она пришла к смертному одру, взяла гаучо за руку… «Аурелита, любовь моя, ты вернулась», — просиял он и умер.

— Пайадоры и *каудильос* — это деревенские кузены городских тангерос, такие же вечно бездомные сорвиголовы с вечными проблемами, — просвещает меня Ос. — В них текла смешанная кровь индейцев, метисов, африканцев. И из их бед выросли милонга кампера и *маламбо*…

— Что такое маламбо?

— Смотри.

Ос демонстрирует шаги прямо босыми ногами на кухонном полу.

— Носок, пятка, ступня. Носок, пятка, ступня. Носок, пятка, ступня. Простой деревенский танец из пампас, изначально мужской. Но сейчас, конечно, и женщины его танцуют.

Наступает ночь, где-то в отдалении гудят полицейские сирены. Я не танцую сегодня. Не собираюсь каждый день наряжаться и отправляться на очередную милонгу. Лучше буду сидеть на террасе и есть холестериновое жареное мясо.

— Капка, меня кто слушает: ты или Дейзи? Ну так вот: милонга произошла от маламбо, но отличается синкопой и зигзагообразным шагом. И именно милонге танго обязано своим ритмом. Понятно?

— Да, — *вроде бы*. — Но когда танго *стало* танго, Ос?

— Ждал, что спросишь! Точного ответа ни я, ни кто другой не знает. Но есть один инструмент, сыгравший ключевую роль.

— Бандонеон!

— Нет, он появился позднее. То был органит, чем-то похожий

на шарманку, благодаря которому музыка танго распространилась в городе, в его честь даже песни написаны. Я еще застал последние из инструментов здесь, в пригороде…

Затем маленькие оркестры стали собираться вместе, компадрито отрабатывали шаги в закоулках, танцевали в борделях. Танго относилось к андеграунду, а теперь — ничего себе, супермодный интернациональный танец.

Все так и есть. Милонги Буэнос-Айреса изнемогают от наплыва посетителей. Роскошные туфли на шпильках, гринго, оставившие прошлые жизни и наполняющие темные залы; их вид наводит на мысль о необходимости срочного переливания крови. Выступления восходящих или взошедших звезд, оспаривающих законы гравитации и традиционные представления о минимальных размерах нижнего белья.

На модной Practica X под неоновыми лучами красивые люди нового поколения в джинсах и кроссовках (мужчины) и мешковатых брюках и топах (девушки) демонстрируют идеальное открытое объятие. Сегодня выступает пара в серебристо-белых одеяниях, они похожи на ангелов-экстерминаторов. Он невысокого роста с дерзкой скульптурной бородкой (в наши дни — символ «крутого танго-маэстро») и в таких огромных штанах, что туда с легкостью поместилась бы еще и его партнерша. Она же парит не рядом с ним, а как будто над ним, вышивая в воздухе множественные очо. Делать узоры ногами на полу нынче недостаточно.

На милонге Salon Caning, половина посетителей которой состоит из иностранцев, трафик ни к черту, и танцпол напоминает перекресток аргентинской столицы в час пик.

— Бог мой, Дарио, я, конечно, похожа на старую брюзгу, но что стряслось с танго?

Лысина и одиночество моего приятеля стали еще заметнее, чем раньше. Он вздыхает:

— Что, что — деньги. Все встало на коммерческие рельсы.

— Но некоторые из этих выступлений — даже не танго!

— Танго-китч. Что такое китч — тебе предлагают видимость вещи, но не суть. Кстати, если говорить о сути, вот тебе танда Тантури. Пойдем станцуем.

Дарио по-прежнему бывает здесь два-три вечера в неделю.

— Если честно, я никогда не танцевал раз в неделю. Какой смысл? Можно вообще не беспокоиться.

Я осматриваюсь в поисках других знакомых лиц. Итальянец, по слухам, загремел в тюрьму. Марио теперь приходит лишь раз в неделю. Мерседес перестала вообще появляться на вечеринках, и никто, даже Марио, не знает, что с ней. Это меня огорчает: я-то

думала, они друзья. Именно так: они были *друзьями по милонге*. Как я недавно выяснила, здесь есть принципиальная разница. Обычные друзья верны друг другу, а друзья по милонге верны милонге, каких бы жертв она ни требовала. И не стоит это путать.

Впервые я вижу, что в *каждом* из нас, присутствующих здесь, есть что-то от проститутки или сутенера времен раннего танго. Некоторые, как «такси-дансеры», продают свое тело, другие готовы использовать старого друга ради нового любовника. Одни (как я последние два года) жертвуют здоровьем во имя просроченной мечты, другие меняются сексуальными партнерами, как пешками на шахматной доске танца.

Мы все, так или иначе, продаем кусочек души, лишь бы продолжался карнавал.

Не желая предаваться мрачным мыслям (не для этого же я приехала в Буэнос-Айрес), я отправляюсь встретиться с Рупертом Ньютоном из Нью-Йорка и его новой аргентинской женой. Она довольно высокая и тем не менее доходит своему супругу только до шеи. Их межнациональный и межконтинентальный брак кажется счастливым. Ее английский примитивен, но гораздо лучше, чем его испанский.

— Как вы понимаете друг друга?

— Танго, разумеется, — улыбается он.

Но поговорить нам не удается, меня приглашает на танец мужчина со знакомым лицом.

— Гильермо!

— Ах, моя дорогая Капка!

Мы обнимаемся, как старые друзья. Боже мой, так мы и *есть* друзья. И вот мы танцуем, преодолевая некоторые сложности, ведь, если вы помните, он — самоучка. Но я рада видеть его вновь. На следующий день мы встречаемся в его мастерской.

Ла Бока мокнет под дождем, из ресторанов доносятся звуки танго. Молодая пара в красно-черном исполняет китч на маленькой уличной платформе. Внутри каждого кафе — такие же пары с застывшими лицами и те же безвкусные танцы.

Гильермо вытирает руки холстиной.

— Дорогая моя бывшая и будущая подруга! — воскликнул он.

— Почему ты так говоришь? — мне уже весело.

— Потому что таков ход вещей. Вот, например, — он достает поэтический сборник с оформленной им обложкой: это танцующая пара. — Я со своей будущей бывшей женой.

— Какой ужасный взгляд на вещи!

Некоторые с годами становятся все эксцентричнее.

— Дорогая Капка, присаживайся, скоро будет чай. Ужасно

слышать такие вещи, только если не готов к ним. Но против правды не попрешь. А теперь рассказывай обо всем.

Выкладываю все как на духу.

— Гильермо, ну как получается, что с одним и тем же человеком можно побывать и на небесах, и в аду? Где же истина?

— И там и там одновременно. Вот почему танго так фатально. Ведь оно — воплощение парадокса человека. А еще танго — один из немногих способов, которыми мужчина с проблемами и без власти может обратить на себя женское внимание. Так было, для этого танец и придумали — и так до сих пор. Смейся-смейся, сама знаешь, кто прав.

— Ты по-прежнему пишешь свои картины ступнями?

— Нет, теперь я разрисовываю тела. Скоропортящееся искусство. Видишь ли, каждый хочет оставить след. Каждый любовник мечтает остаться в памяти лучшим и самым значимым, даже если знает, что завтра все закончится. Одного танца мне мало, пора отстраниться от танцпола и делать что-то более долговечное.

В его словах тоже парадокс: разве не он минуту назад заявил, что роспись тел — скоропортящееся искусство, то есть такое же, как и танго? Хотя, возможно, парадокс — часть его художественного видения. А может, только то, что преходяще, по-настоящему долговечно? И тогда мы снова подходим к неосязаемой сути танго.

Гильермо провожает меня до автобусной остановки, на прощанье мы обнимаемся под моросящим дождем.

— В Ла Боке тебя всегда ждет дом. И помни: не танцевать все время — совершенно нормально, танго — не просто движение, а состояние человека. Для того, кто его любит, оно как искусство для художника: способ соединить прошлое и будущее. Да ты, моя дорогая, уже знаешь о танго все, что нужно для того, чтобы идти вперед.

— Да, — всхлипываю я, расчувствовавшись.

Знаю ли?

Уже из автобуса я машу рукой вслед его удаляющейся фигуре.

И снова Salon Caning (сегодня пятница). Выступает пара: маленький жизнерадостный парень с лицом Квазимодо и платиновая блондинка. Из-за безумной скорости их движений сложно разобрать, что они делают, но выглядят они, как бесполые андроиды. Открытое объятие распахнуто, словно бездна. Они держатся на расстоянии вытянутой руки, но у них нет зрительного контакта.

— Идеальная во всех отношениях пара. Только мертвая, — говорит Дарио, развалившись в кресле, пока остальные встают на стулья и тянут шеи, желая разглядеть выступающих.

Но отвлечемся от нашего пуризма и посмотрим на тех, кто этой ночью танцует в Villa Malcolm на практике Tangocool.

На танцполе пятьдесят пар моложе сорока пяти лет. Это по-настоящему красивые люди. Но если приглядеться, понятно, почему. Дело не в их физическом совершенстве. Отнюдь. Взять хотя бы дам с длинными итальянскими носами или низкорослых мужчин величиной не больше иных носов. Нет, дело в том, как они двигаются.

Впервые за десять лет в танго я отчетливо вижу, насколько движения аргентинских танцоров отличаются от наших. Описать их пластику можно одним словом — «кошачья». Смуглостью, быстротой, гладкостью и округлостью партнеры напоминают Марадону. Гибкость тел, грациозность и выворотность ног партнерш наводит на мысль о картинах Боттичелли. Глядя на пары — будь то закрытое или открытое объятие, — чувствуешь, как на глаза наворачиваются слезы. Ты словно смотришь на галактику Пьяццоллы, где душа и тело человека достигли абсолюта.

Многие из профессиональных танцоров происходят из низов. Борхеса они не читают, по психотерапевтам не ходят, и хотя выглядят, как хрупкие звезды на танго-небосклоне, на деле являются солью танго-земли. Танго в них живет как *искусство*, а не как спорт или шоу. Это не Европа и не Америка. Нужно увидеть, как они двигаются, чтобы понять разницу. Она почти неосязаема. Потому что она в их крови — крови итальянских эмигрантов, обездоленных гаучо, черных рабов, футболистов, пьяных пайадоров, девушек из кабаре, отчаявшихся женщин. Сегодняшние звезды танго — дети вчерашних аутсайдеров. La revancha del tango! Да здравствует реванш танго!

— Танцуете?

Да. Тем более что это милонга Niño Bien, а предложение исходит от человека со знакомым загорелым лицом с перечного цвета бородой и в твидовом пиджаке. Он снимает очки и убирает их в карман.

— Мы встречались два года назад, — узнаю я художника-пейзажиста.

— А-а, — сдержанно улыбается он. — Возможно.

Явно не помнит, но ведет в той же интимной манере, как тогда. Я закрываю глаза, мечтая навсегда запечатлеть этот миг в своей голове.

— Я помню вас, — улыбается он после первой песни. — Вы

писательница. Из Болгарии.

— Я думала, вы меня не узнали!

— Вспомнил в танце. Ведь у тела есть память. Это величайший дар танго.

— Спасибо. До следующей встречи, — говорит он под конец, и у меня возникает странное чувство, будто я его давно и хорошо знаю, хотя на самом деле понятия не имею, где тот живет, женат ли, холост или вдовец, на что похожа его живопись. Даже имени его не знаю.

— А я вообще *ничьих* имен не знаю, — заявляет Дарио в ответ на мои рассуждения. — Я сюда прихожу не связи налаживать, а танцевать, и как кого зовут, совершенно неважно.

— Мне нравится здешний стиль танца.

Дарио кивает:

— Типичный для юга. Маленькие шаги. Смены направления. Этакое рисование на танцполе. Переносы центра тяжести у женщины.

— Как у Гавито и Марселы Дюран! — наконец-то я начинаю разбираться в разных стилях в разных салонах и частях города.

— Осторожно, не путай! — Дарио поднимает указательный палец. — То было сценическое танго. Социальное же непретенциозно, оно *simpatico*. Ничего общего с глубокими наклонами Гавито.

Он вытирает лицо несвежим платком:

— Люди подменяют понятия: социальное танго и шоу-танго. Я рад приезжим, они дают мне работу. Но от них и вся неразбериха. Они хотят сиять и сверкать, исполнять всякие выкрутасы, вместо того чтобы просто делать шаги и наслаждаться ими. В этом настоящее искусство. В итоге теперь танцполы похожи на скотобойни. На милонге Caning вообще уже не потанцуешь.

(*Пауза*. Сценическое танго, или *escenario*, началось в 1904 году, довольно спонтанно, и связано с танцором, известным как Турок. Стоило ему начать танцевать с женщиной, как танцпол пустел. Все предпочитали наблюдать. В нынешней путанице между сценическим и социальным танго можно винить европейскую одержимость гламуром и зрелищностью. Здесь, в Буэнос-Айресе главенствует социальное танго. Шоу-танго воспринимается как нечто не столь аутентичное, своего рода продукт «на экспорт». Но многие неаргентинцы не понимают этого, отсюда и давка, и провальные спецэффекты, и мировое господство варварского танго. Ах, как легко и в то же время как раздражает смотреть на варваров с высоты моего десятилетнего опыта!)

— Но ты все-таки ходишь в Caning, — замечаю я, — два раза в неделю.

— Иногда три, — признает Дарио. — Нравится мне, ничего не могу поделать: на традиционных милонгах все заранее предопределено, а там никогда не знаешь, на кого и на что нарвешься.

Внезапно возникает ажиотаж. Все перешептываются. А пары остановились.

— Мужчина на полу, — сообщает Дарио, и мы идем смотреть, поддавшись всеобщему настроению. И правда, на танцполе неподвижно лежит человек в вельветовом пиджаке.

— Иностранец, иностранец, — жужжит милонга. Лица его я не вижу, но он явно очень молод, и я молюсь, чтобы им не оказался француз из Ниццы, мечтавший умереть в Буэнос-Айресе. Мечты не должны становится реальностью раньше положенного срока.

— Врач, есть в зале врач? — кричит в микрофон ведущий. Находятся и доктор, и две медсестры, и кто-то вызвал скорую. Но каким-то непостижимым образом диагноз уже известен. Обширный инфаркт.

— Пошли, — Дарио видит, как я расстроена. Мы хватаем наши сумки для обуви и направляемся к двери. — В мире танго люди мрут как мухи, это становится модным. Займемся сальсой, Капка. Уверен, там никто не погибает!

Мы прорываемся сквозь шквал рекламных объявлений о частных уроках, милонгах, практиках, фестивалях, марафонах, одежде-обуви и йоге.

— Не грусти, — говорит Дарио.

Я жду такси, а он собирается идти пешком.

— Пойми, Капка, все приходит и уходит, сменяются времена года, профессии, любовники. Империи, исторические эпохи, революции — все канет в Лету. Но танго останется. Возьми, к примеру, римлян. Без танго их цивилизация пала: не было у них отдушины, не было объятий. Только секс, насилие и рвотные средства после сытных трапез. А вот и такси.

Вся эта адская смесь ликования и смерти отбивает у меня охоту танцевать (на пару дней).

Поэтому на милонгах я сижу, наблюдая за одержимыми танго-лихорадкой, словно по другую сторону стекла.

Сегодня мне это на руку, так как я нахожусь на самой знаменитой традиционной милонге Sunderland, где меня никто не знает и, следовательно, не приглашает танцевать. Степень гордыни у здешних танцоров исключает риск связываться с

посторонними.

Кроме того, я могу наблюдать за самым элегантным стилем танго. Он называется Вилла Уркиза в честь северного города, откуда произошел. Любимый аккомпанемент — оркестр Ди Сарли, чьи протяжные скрипки (да, именно те, что пронзали мое сердце в Эдинбурге в прошлом месяце) подходят длинным шагам танцоров. Даже если ноги тангерос с анатомической точки зрения короткие, через танго-призму они кажутся самыми длинными на свете. Объяснение этому парадоксу кроется в пространстве зала: милонги в стиле Вилла Уркиза проводятся в больших спортивных залах и площадках (Sunderland названа в честь английского футбольного клуба), которые обеспечивают достаточно место для *длиннот*. И пусть спортзалы — место неприглядное, с ужасным эхо, но там собираются по три поколения тангерос.

Сегодня здесь сотни людей, танцующих по линиям баскетбольной разметки на полу.

Возьмем салиду — наш базовый шаг. В стиле Вилла Уркиза мужчина делает два или три шага на каждые четыре счета. Другими словами, он танцует под скрипки (которые играют мелодию), а не под бандонеон (который задает ритм). Для танго это роскошь. Танцевать под мелодию, не размениваясь на отсчитывание такта, — это круто. Это поэзия.

Женщина делает длинные, пластичные, царственные шаги. Ее ноги двигаются так, что кажется, будто они растут от груди. Партнерша всегда на кончиках пальцев — и в буквальном, и в фигуральном смысле, ведь подобный стиль означает внезапные остановки и смену центра тяжести и направления, прямо как в футболе. Есть даже специальный термин — *amagar* — обманное движение, когда вы собираетесь идти в одном направлении, а потом внезапно идете в другом. И гоооол!

Днем я заранее беру урок у одного из самых известных поборников стиля — Горацио Годоя, диджея La Viruta, использующего стул, чтобы продемонстрировать медленные и внезапные движения. Он медленно танцует по комнате, как будто по скорлупе. И внезапно наклоняет стул на пол быстрым, мягким движением. Таким движением вы и *опускаете* даму, не кидаете, а *опускаете*. И обратно не тащите, а *предлагаете движение* — мягко, но решительно. Вы на сто процентов держите все под контролем, а значит, она чувствует себя на сто процентов уверенной. Но за каждым поворотом игривой ноги вас подкарауливает сюрприз. Когда Горацио и Сесилия танцуют, невозможно сдержать слезы. Они выглядят, как жидкое золото. Они — единственная пара, которая танцует, даже будучи неподвижной. Это танго на клеточном уровне. В них — дух современного танго. Забудьте

традиционное танго, забудьте нуэво. Перед вами танго, бегущее по венам.

Но попробуйте объяснить это британской иммиграционной службе! Как-то в аэропорту Хитроу Горацио и Сесилию заподозрили в тайном желании *эмигрировать*. И они исполнили танго прямо перед бюрократами, чтобы доказать, что приехали танцевать.

Так вот в Sunderland волнующийся океан танцпола обрамляют берега стоящих в глубине столов. Там обитают пожилые дамы с фальшивыми бриллиантовыми кольцами, жадно поедающие стейки. Неподалеку восьмидесятилетние мужчины с пигментными пятнами на руках разглядывают привлекательных тангер. Встречаются молодые «жеребцы» с напомаженными волосами, гордые и ранимые. Любительницы вечеринок с игривыми попками и ищущим взглядом заливаются серебристым смехом. И, звучит невероятно, но в танцующей толпе в объятиях одного юного «бычка» я вижу мою старую приятельницу — Задницу. На сей раз я действительно смеюсь, ведь сейчас мне уже на нее наплевать.

— Глазам своим не верю. Разве так бывает? — говорю Осу, сидящему за нашим столиком.

— Все нормально, забудь о ней! Сейчас будет петь Роксана Фонтан, — он кивает в сторону соседнего столика. — Одна из лучших певиц нового поколения. Тебе понравится.

Изящная, как статуэтка, женщина в черных брюках встает, и над залом несется «Малена». По моей коже бегут мурашки. В голове проносятся воспоминания. Я и танго-героиня: мы прошли долгий путь вместе.

Роксана превращается одновременно и в Малену, и в сраженного любовью рассказчика.

— Кем была настоящая Малена?

Ос пожимет плечами:

— Вероятно, не какая-то конкретная женщина. Думаю, это собирательный образ всех красавиц, которых Омеро Манци любил и потерял. Кстати, мы с ним можем состоять в родстве.

Ос улыбается своими узкими глазами. Он — настоящий романтик, верный идее любви, несмотря на пережитые неудачные отношения.

Я вспоминаю историю с Маленой в Эдинбурге и понимаю, что больше не чувствую ярости или горя. Я наконец-то избавилась от груза воспоминаний. Я даже набираюсь смелости заговорить с Роксаной и спрашиваю, как ей удается музыкально и эмоционально вживаться в образ.

— Я рисую, — улыбается она. Интеллигентное лицо без

грамма макияжа, ни белил, ни румян, как и положено представительнице элиты-танго. — Делаю наброски Малены-сироты, Малены-женщины. Пытаюсь почувствовать ее, иначе не могла бы петь, она бы просто разбила мне сердце.

Отец Роксаны играет на бандонеоне. Сама она не милонгера, но ее с полной уверенностью можно было окрестить женщиной танго.

Проведя десять лет в мире танго, я наконец-то задалась вопросом: а кто они, женщины танго? Вспоминаю слова Риваролы: «Танго ничто без женщины», а Гавито говорил: «Мужчина, который не может дать женщине ощутить себя королевой на танцполе, никогда не станет королем».

Мне встречалось много мужчин танго, даже слишком *много*. Но не женщин.

— Тебе нужно познакомиться с моей подругой, Джованной Танго, — заявил Освальдо, когда мы вернулись домой. — Да, именно так ее зовут. Она живет в Монтевидео, и как раз в восемь утра туда идет паром, а я сообщу ей о твоем приезде. Поищи там кандомбе.

Уже три, я боюсь проспать завтрашний паром.

— Господи, Ос, эти бессонные танго-ночи уже не такие, как десять лет назад.

— У тебя осталось всего пару часов, но послушай вот что, — он включает песню, рассыпая сигаретный пепел по компьютеру. — Называется Tango de los Negros («Негритянское танго»), 1907 года, в ней повествуется о торговле всякой дрянью и нищете. Я, собственно, к чему: чтобы увидеть небо, нужно оказаться на дне.

На морщинистой шее Оса — подвеска в виде африканской маски. На его книжных полках встречаются издания со странными названиями, с такими словами, как «ориша» и «кандомбле»[12]. Но их владелец не стал особо распространяться:

— Пошли спать. Обо всем узнаешь в Монтевидео.

Монтевидео: паром переплывает Рио-де-ла-Плата, Серебряную реку, правда никакого серебра в ней нет, она мутная и мертвая.

Точно так же Hotel Splendido не может похвастаться роскошью: пыльные ковры и одеяла, ретро-мебель, игривые геи за стойкой ресепшн. Вечером, лежа головой к стене со страшными обоями 1960-х годов, слушаю отдаленное биение африканских барабанов. Кандомбе.

Здесь единственное место в мире, где можно услышать звуки кандомбе, и доносятся они не из ночного клуба, а с улицы.

Монтевидео — сонная лощина, которая никогда не спит. Возможно, это из-за мате. Его здесь пьют литрами. Мате не только делает зубы желтыми, но и выступает стимулятором, способным держать вас на ногах всю ночь. Я купила себе калебас, фляжку, пакет первосортного мате и пытаюсь влиться в местное общество. Кажется, я единственный турист в городе, пустынные улицы и вычурные здания в колониальном стиле которого заливает апокалипсический дождь.

Но разве может здесь не нравиться! Здесь, на родине La Cumparsita («Кумпарситы»), самой известной танго-песни всех времен! Я стою перед Паласио Сальво, монстром неоготического стиля, возвышающимся над Плаза Индепенденсия и закрывающим вид на старое Gran Café у Confiteria Girasol, где в 1917 году оркестром Роберто Фирпо была впервые исполнена «Кумпарсита».

В наши дни «Кумпарсита» — общепризнанная ценность, но, как и все гениальные произведения в танго, она восходит к альтернативной культуре. Все началось на воскресном карнавале, когда группа студентов двигалась с процессией по главной авеню. Они останавливались у столиков кафе, на радость патронов пели полупристойные песни и несли плакат La Cumparsita. Молодежь ошиблась в написании уменьшительной формы от слова *comparsa,* означающего группу афро-уругвайских барабанщиков, исполняющих кандомбе на уличном карнавале. Маленькую, похожую на марш мелодию заиграли на студенческих *tamboriles,* или барабанах, и она прижилась. Пам-пам-пам-пам, тарарарара, там-пам-пам-пам… Двадцатилетний Херардо Эрнан Матос Родригез, сын владельца местного кабаре Moulin Rouge, неудачливый студент архитектурного факультета, пианист-самоучка, как-то исполнил прилипчивую мелодию на старом пианино (это оказался единственный предмет мебели в центральном здании Уругвайской студенческой ассоциации, который не отобрали за неуплату ренты). Его друзья аккомпанировали, стуча по старым коробкам и перевернутым стульям.

— Парни, это не марш, а танго, — пришел к выводу Герардо.

Все прекратили шуметь и посмотрели на него. Танго? Ну, в любом случае музыкальный размер 2/4. Они назвали произведение La Cumparsita, и вскоре, войдя в репертуар знаменитого оркестра Роберто Фирпо, оно завоевало всемирную славу.

И эта простая бунтарская мелодия не только пережила своих создателей, кафе, с которого началась, фашизм, военные диктатуры, экономические кризисы и весь XX век, но и

путешествует по всему миру.

Я договорилась встретиться с Джованной Танго в кафе в центре Монтевидео, и вот мы сидим и едим жирную кровяную колбасу — *морсилью*. К нам присоединяется ее подруга Валерия со словами:

— Если тебе меньше пятидесяти, ты любишь танго и не любишь толкаться, надо идти либо на милонгу La Musas, либо обратно на паром.

— Валерия лучшая тангера в Уругвае, — говорит Джованна. — Ее надо слушать.

Я верю, хотя та совершенно не походит на диву, выглядит упитанной и уже не танцует.

Спустя пять минут знакомства с Джованной я околдована. Истинная женщина танго! Она живет в богемном доме со своей названной семьей: армией музыкантов — талантливых, альтернативных и очень молодых. Ее бойфренду-бандонеонисту лет двадцать.

Миниатюрная, с темными бровями и копной рыжих волос, она напоминает Пеппи Длинный чулок, и цветные чулки лишь усиливают сходство. Одежда вся в пуху ее питомцев, у нее нет возраста: ей можно дать и четырнадцать, и сорок. Но чего в ней предостаточно — это индивидуальности. Кажется, она заполняет собой весь ресторан. Что-то в ее взгляде говорит мне, что ей известны вещи, о которых я и не подозреваю. Она берет меня под свое крылышко, то ли потому, что я приятельница Оса, то ли потому, что на ее вопрос, чего я здесь ищу, я ответила: «Танго». Или она меня пожалела, ведь искать танго в Буэнос-Айресе или Монтевидео — все равно что рыбу в Рио-де-ла-Плата. Признак общего смятения.

— Они здесь делают самую вкусную морсилью в мире, — утверждает Джованна. И опять я верю. Она явно гордится тем, что привела меня в это уютное кафе.

— Ну ладно, пойдем погуляем по рынку, а сегодня вечером я пою, приходи, если хочешь.

Хочу ли? Да я на ушах готова стоять, лишь бы быть рядом! Я плетусь за ней хвостиком по огромному хаотичному разрушенному рынку. На уличных прилавках валяются видавшие виды товары со всей округи: номера от старых машин, сумки из кожи вымирающих животных (включая одну с головой крохотного крокодильчика в качестве застежки), круглоглазые щенки, настоящие и искусственные цветы, стулья с перетянутыми сидениями, эротические фото женщин 1920-х годов с целлюлитными ляжками. «Там и даты есть», — пытается нас соблазнить беззубый торговец в таком же поношенном, как и его

барахло, пиджаке.

Мы набредаем на небольшую толпу, окружившую музыкальное трио: гитариста, аккордеониста и вокалиста с плоскими лицами и медовыми голосами. Они поют, и на их загорелых шеях напрягаются вены.

Они исполняют Canto a la vida («Песнь жизни») — произведение грустное, но с особым духоподъемным настроением, характерным для популярных латиноамериканских композиций.

— Думаю, я уже ее слышала, — говорю я.

— Правда?

На самом деле не эту. За десять лет в танго я слышала похожие. Исполняли популярные песни вечно молодые голоса, выражавшие протест против диктаторских режимов правого толка. Это не танго-голоса, но близкие им по крови. Такие как голоса исполнителей *пасильо* из Эквадора, милонги камперы из Аргентины и Уругвая, *кантос* из Чили и Перу, босановы из Бразилии.

Такие как изысканный гимн Gracias a la vida («Спасибо, жизнь») чилийки Виолеты Парры, которая покончила с собой из-за несчастной любви. Как пение бесстрашной Мерседес Сосы, самой крупной (во всех смыслах слова) аргентинской певицы, отправленной в политическую ссылку. Как музыка ее соотечественника, гения стиля кантри — Атауальпы Юпанки, которого при правлении Перона много раз сажали в тюрьму и во времена военной диктатуры выслали во Францию. Как талант также вынужденного уехать уругвайского певца Альфредо Зитароссы, чье исполнение вызывает улыбку, даже если вас терзает боль. Как творчество певца и гитариста Виктора Хары, чьи руки раздробили палачи Пиночета, прежде чем казнить в 1973 году — в год моего рождения.

За два года до этого, когда Джованне было всего три, ее отца — *партизана* схватила военная хунта и запытала до смерти. Мать, двадцатишестилетняя девушка, тоже участвовавшая в Сопротивлении, сбежала из Монтевидео в деревню, где тайком растила единственное дитя.

— А потом она вышла замуж?

— Никогда. *Nunca*, — тряхнула копной волос Джованна. — Она осталась верна ему.

Трое мужчин продолжают петь, словно сегодня их последний день:

Жизнь проверяет, насколько ты любишь ее.
Жизнь приходит однажды и не возвращается вновь.

Словно наше утраченное прошлое пульсирует в набухших артериях на шеях этой несчастной троицы в это дождливое воскресенье, полное надежд. Но Джованна Танго не сентиментальна, она проталкивается сквозь толпу со словами:

— Первые танго и милонги вышли отсюда и связаны с популярными народными композициями. Все взаимосвязано, все — часть одной и той же первородной матрицы.

В этот вечер я отправляюсь в бар слушать Джованну. Немытые волосы, безумный рот, такой же ярко-красный, как шевелюра. Длинные ноги в оранжевых чулках. Она олицетворяет голос целого народа. Это женщина танго с головы до ног.

Жить танго для нее не фантазия. Оно в ее крови, в крови ее страны, в крови истерзанного отца и скорбящей матери. Она не танцует, не позирует и не пытается никого впечатлить. Голосом, в котором слышится шелест гравия, плач скорби, мужество и сопротивление, она просто говорит правду.

Когда Джованна поет, кажется, что ее голос возникает в моей голове как нечто, связанное со мной лично. Это о моей *жизни*, о жизни каждого, кто отдал танго много лет.

Теперь я понимаю: необязательно танцевать, чтобы в тебе жила душа танго. Нужно познать любовь и лишиться ее. Нужна надежда, а она — не что иное, как синоним любви. Нужно жить без страха, не оглядываясь назад.

При виде Джованны меня осеняет: за десять лет танго мужчины давали мне почти все: страсть, дружбу, верность, чувство принадлежности. Кроме главного. Я танцевала с ними, говорила, дружила, желала, а иногда теряла, но окружали меня, поддерживали и давали силы — женщины.

В отличие от мужчин в танго, женщин описать трудно. Женщина танго может быть и танцовщицей, и певицей, и посетительницей милонги. Она может быть тенью великого танцора, как Карменсита — первая знаменитая танцовщица, подруга жизни легендарного Качафаза. Которая, как и полагается по великой «мачо-традиции», была на тридцать лет моложе и не мыслила жизни без него. Она может быть половиной устоявшейся пары, как Глория Динцель с Родольфо Сфинксом, хотя дивой она стала благодаря Родольфо.

А может быть несгибаемым профессионалом, как Мария Ниевес, не оставившая танец, даже когда их полувековое партнерство с Хуаном Карлосом Копесом подошло к концу.

Она может яростно отстаивать независимость, как Амелита Балтар, чей сиплый голос вдохновлял Пьяццоллу. После их романа Астор перестал писать песни, зато она продолжала создавать потрясающие вещи, и даже сегодня ее можно встретить, загорелую и поющую, в таком далеком и необычном для мира танго месте, как Марокко.

Или она может быть похожей на статуэтку, как Роксана Фонтан, которая никогда не станет Маленой, кроме как на двенадцать сценических минут. Она будет воспевать удачи и неудачи танго, но сама им неподвластна.

Она такая, как Джованна, которая никому не принадлежит и не использует мужчин ради выгоды и успеха, ведь ее страсть нематериальна. Она связана с душой танго.

Чтобы стать такой, как Джованна, нужны внутренняя сила и душа. Если это есть, то бояться нечего. Возможно, самое страшное, что могло произойти, уже случилось, но вот хорошее точно впереди. И у Джованны. И у меня. И у Оса. И у тех, кто любил и терял. И всех у нас, для кого танго… что? Это уже не мечта о танго*, это жизнь танго.*

Вот она, единственная и неповторимая жизнь — chulla vida. Живи ею. Лелей свои иллюзии. Перестань цепляться за прошлое. Осмелься быть собой. Все это говорил мне голос Джованны.

На следующий вечер я сижу рядом с ней и ее ребятами в театре «Солис», младшем брате портеньо-театра «Колон». Сюда, в великолепное здание, построенное с использованием русской сосны, итальянского золота и привозного мрамора, мы пришли послушать произведение Астора Пьяццоллы в исполнении оркестра танго из Буэнос-Айреса. Приезд коллектива стал столь важным событием для маленькой страны, что на концерт пожаловал новоизбранный президент Уругвая.

— Президент республики, — поясняет мне Джованна и аплодирует вместе с другими гостями. Это не угодливые хлопки из вежливости. Все поднялись со своих мест, и зал оглушает искренняя овация. Президент Хосе Мухика не какой-нибудь щеголь с модной стрижкой и счетом в швейцарском банке. Нет, он другой: полный тихий мужчина с усами и без охраны. Он живет с женой на ферме, выращивает цветы, водит «Фольксваген-Жук» и отдает бóльшую часть зарплаты на благотворительность. Из-за участия в знаменитом партизанском движении Тупамарос Мухику на четырнадцать лет отправили в военные тюрьмы. Два года своего заточения он провел на дне колодца.

— Можешь представить, какой путь он прошел, чтобы сегодня вечером стоять здесь в костюме? — спрашивает Джованна. Нет, не

могу. Да и никто из нашего поколения не представляет. Но что Джованна и ее компания могут — это помнить и быть благодарными.

Оркестр играет «Четыре сезона в Буэнос-Айресе». Со звуками скрипок и дождя в Монтевидео врывается буэнос-айресская весна, а я возвращаюсь на десять лет назад в театр «Колон», с Джеймсом.

Неужели правда столько воды утекло? В лучших моментах танго, как во сне, не существует времени. Мной овладевает необъяснимый порыв. Мне хочется обнять не только Джованну, или ее бойфренда-бандонеониста, или музыкантов с дредами, но и президента, и всех уругвайцев, сидящих в своих лучших вечерних нарядах и слушающих с затаенным дыханием музыку. Меня нельзя назвать одной из них, их история не была моей историей. И женщиной танго я не стала. Путь, который я прошла, отличается от судьбы Джованны.

Но теперь я не чувствую боли «чужеродности», мучившей десять лет назад в Буэнос-Айресе, я ощущаю благодарность и любовь к этой земле танго и ко всему, чем она меня одарила.

Джованна улавливает мое экзальтированное состояние и сжимает мне руку:

— Пьяццолла неповторим.

В мое последнее воскресенье Джованна звонит и похмельным голосом информирует меня:

— Сегодня должны выступать *барабанщики* на Исла-де-Флорес. Идем вместе, ничего не бери, кроме денег на такси. Никакой камеры.

Собрания любителей кандомбе проходят всегда по воскресеньям, после заката, в черном, удаленном районе *Barrio Sur*.

— Вот где начиналось рабство, — обыденно произносит Джованна, пока мы поднимаемся по холмистой улице «цветов», двигаясь прямо на звук барабанов. Низкие жилые дома кажутся заброшенными пограничными заставами, стены разукрашены граффити. Огромный африканский флаг возвышается над нарисованной на стене танцующей черной женщиной с огромными ягодицами. Она танцует на улице — единственном приюте для кандомбе. У танца не было другого дома, кроме как в сердце темнокожего сообщества, сложившегося из привезенных сюда рабов.

Мы всего в нескольких кварталах от колониального великолепия Плаза Индепенденсия, но с таким же успехом могли ходить по Гаване. Нас окружает другой, потаенный мир. Колониальный истеблишмент прятал его. Когда в Уругвай из

Испании пришла независимость, рабство здесь закончилось. Одним из героев движения за независимость был черный музыкант, известный как Ansina (Ансина), его именем названо одно из разрушенных зданий, служившее когда-то «штабом» кандомбе-сообщества. Это же имя носит один из двух знаменитых кандомбе-ансамблей. Название другого коллектива звучит по-бразильски Cuareim, и дано оно в честь другого дома напротив «Ансины».

А сейчас бой барабанов на улице подобен зову крови.

— Так оно и *есть*, — уточняет Джованна. — *Само слово llamada*, знаменующее начало кандомбе-процессии, означает призыв.

Мы подходим к барабанщикам, когда процессия внезапно останавливается. В уличной канаве разжигают костер из старых тряпок, газет и автомобильных шин. Мужчины держат инструменты возле огня. Все стоят вокруг и болтают. В чем дело?

— Мы настраиваем мембрану, так как очень сыро, — поясняет парень в черной жилетке, поддерживающей живот. Его барабан самый большой и называется *пиано*.

После получаса курения, болтовни, распития мате среди пахучих подсыхающих кожаных мембран мы снова отправляемся в путь. Мужчины держат перед собой на мокрых от пота лямках гигантские барабаны. Музыкантов собралось человек тридцать — черных, метисов, белых, коренных индейцев, и примерно столько же нас, сопровождающих.

Люди высовываются из окон или стоят в дверных проемах, наблюдая за процессией или пускаясь в импровизированный пляс. А некоторые присоединяются к нам.

Физически невозможно оставаться на месте, когда гудят тридцать барабанов. Ритм проникает под кожу, и вы начинаете двигаться, для этого не требуется ни алкоголя, ни умения.

та — та — та — та
та — та — та — та
та — та — та — та
та — та — та — та

Вы просто повторяете то, что делают остальные. Толпа барабанщиков и гуляк пританцовывает, как единое целое. Мы делаем шаг на каждые два удара, которые словно замедляются, но на самом деле темп нарастает. Необузданный монотонный и непрерывный бой продолжается час. Ритмично ступая на каждые два удара, почти не отрывая ног от земли, мы проходим всю улицу, пока она не перетекает в улицу Гарделя. Никаких слов,

только гул тридцати барабанов под руками тридцати мужчин, в чьих жилах течет кровь конкистадоров, рабов, европейских эмигрантов, индейцев.

А в моих ногах… боже, что же в них? Милонга, вот что. Пружинящие, пошатывающиеся, жизнерадостные, сексуальные, двойные шаги милонги. Всем нутром я ощущаю то, о чем поет Касерес:

Милонга — дочь кандомбе,
А танго — сын милонги.

Ведущий карнавала, *escobero* — трансвестит с кожей цвета кофе с молоком, длинными волосами и лицом Нефертити. Он танцует, будто в трансе, его па походят на движения нарисованной женщины с того граффити. А пышная «мамаша» — не просто пара ягодиц, это *mama vieja* — главный элемент процессии. Традиционно на ней самошитое цветастое платье, и ее сопровождает *gramillero* — «целитель», жизнерадостный бородатый старик с разукрашенным лицом.

Геи и гетеросексуалы, черные и белые, или ни то ни другое — всех принимают *такими, какие они есть*. Никаких ограничений, кроме дождя.

Единственная в толпе, я открываю зонтик в шотландскую клетку.

— Не могу поверить, что ты взяла с собой зонтик. Это так по-английски, — смеется Джованна.

— По-шотландски, — отвечаю я. Но кому какое дело до этих тонкостей, ведь пульсация крови нивелирует все различия. Лишь бой барабанов и движения ног. Я словно заколдованная.

та — та — та — та
та — та — та — та
та — та — та — та
та — та — та — та

Я не помню, где я. С тем же успехом я могла бы присутствовать на процессии бразильской самбы, эквадорской маримбы, кубинской сальсы…

Но я здесь, и это кандомбе. Своими корнями кандомбе уходит во времена, когда африканских рабов привозили в порт Монтевидео с необъятного африканского континента, и миллионы, оказавшиеся здесь (не считая миллионов, что погибли в пути), изъяснялись на различных диалектах и не понимали друг

друга. Их объединяли лишь мучения и музыка, которую несчастные привезли с собой. Кандомбе стало телесным и душевным выражением не только страданий, но и неукротимого черного духа. И отгадайте, как назывались барабаны в колониальные времена?

Tangó (ударение на последний слог), слово взято из языка банту. Места, где проходили спонтанные и нелегальные кандомбе-сборища (такие же, как и то, на котором я присутствовала), окрестили *cabildos,* также известные как tangós. Чувственный танец под ритм барабанов начинался соло, перерастал в трансовые состояния и иногда заканчивался разделением на пары или группы.

Кабильдо служило местом для секса или молитв, Бога и тела. Даже больше — Бог и *был* телом. Неудивительно, что законопослушные граждане Монтевидео, те самые, кто с радостью эксплуатировал оторванных от родины людей, воспринимали эти языческие собрания как угрозу их морали, а кандомбе — как музыку дьявола.

Плохую службу сыграло и то, что название танца лишь на одну букву отличалось от другого афро-латинского творения — кандомбле́ — широко практикуемой вудуподобной практики, зародившейся в Бразилии и распространившейся по всему черному миру. Ярчайший пример синкретизма, то есть соединения разнородных культур, духовных верований и символов. В кандомбле́ могли при желании использоваться распятия, и при этом ритмы и танцы, вызывающие транс, гипноз, откровенные телодвижения и другие подобные состояния.

Основателями первых больших «племен» кандомбле́ в Бразилии были женщины. Их божества назывались Ориша — как правило, женственные духи, представлявшие разные аспекты нашей психики. Главный же Ориша, отвечавший за все плотское, деструктивное и (про) креативное, противоречивый человекоподобный дух именовался Шанго́. В рифму с *tangó.*

И вот эти глубокие сильные черные корни, «высаженные» в темной скорбной земле, дали побеги в виде танго, которое проникает внутрь вас, и вы ощущаете голос секса и смерти, души и тела. Только оргиастическое соединение Африки, Европы и Латинской Америки могло породить танго. Оно здесь, в ударах барабанов и стуке ног, спускающихся вниз по Исла-де-Флорес, по улице, где закончилось рабство:

та — та — та — та
та — та — та — та
та — та — та — та

та — та — та — та

(двудольный музыкальный размер 2/4)

Под кожей недавно настроенных барабанных мембран звенят песнопения рабов из Биафры.

не — йя не — йя кумайя — нагата
не — йя не — йя кумайя — нагата

(двудольный стихотворный размер 2/4)

В этих коллективных внутренностях — барабанных и ваших собственных — в единый гул сливаются радость и скорбь, агония и экстаз. И это истинный «реванш танго». Возвращение исконного танго.

Ос ждет у меня у терминала в Пуэрто Мадеро, с Дейзи у ног и букетом свежего жасмина в руках. Я обнимаю его без слов.

Помню тот день, когда Джейсон ошибочно принял за меня другую женщину. Я словно очутилась в ловушке времени. Теперь я наконец и есть та, другая женщина. Не девушка. Не женщина танго, как Джованна или Роксана. Просто я.

На прощание Ос дарит мне диск Атауальпы Юпанки — местной иконы народной музыки. Особенно меня зацепила его песня «Братья»:

У меня столько братьев, всех не сосчитать,
В долине, в горах, в деревне, в морях.
У меня столько братьев, всех не сосчитать,
И прекрасная любовница, Свободой ее звать.

До отъезда из Аргентины я успела еще потанцевать и купить расшитые золотыми нитями туфли марки Madreselva, так как Comme il Faut не соответствовали больше своему названию, с каждым годом то ли их модели становились все шире, то ли мои ноги все у́же. А еще мне довелось встретить того, кто открыл мне кое-что новое в танго.

Игнасио С. — высокий, красивый, но танцевать с ним непросто, так как он не отрывает от меня изучающего взгляда. Да, Игнасио — очередной психоаналитик, танцующий танго. К счастью, он не принадлежит ни к фрейдистам, ни к лаканианцам, поэтому решаюсь поделиться с ним вопросом, мучающим меня годами:

— Вы верите, что есть два типа людей в танго:

психотерапевты и те, кто в них нуждается?

В его серых глазах блеснула улыбка.

— Нет. *Все* нуждаются в терапии, вот почему танго для каждого. Без исключения.

Игнасио — передовой танго-психолог, он последователь Сфинкса и создал практику, получившую название *«психотанго»*. Звучит как танго для психов, и в какой-то мере так оно и есть. Но по сути это способ вывести танго за пределы салонов, милонг и красивых пар и сделать достоянием безумных, несчастных и жалких.

Игнасио С. проводит групповые занятия. Танго для слепых. Танго для пациентов с болезнью Паркинсона. Танго для психотиков, одержимых убийством. Для депрессивных. Для страдающих обсессивно-компульсивными расстройствами. Для несовершеннолетних преступников. И просто для невротиков (всех нас). Просто Игнасио не называет их так. Он обходит стороной заумные фразы и считает, что главное — это исцеление от страданий.

— Мы все страдаем, — говорит он, — иногда даже не понимая, насколько.

В зале звучит Пульезе, музыка любви, подразумевающая медленный темп, и все пары танцуют, кроме меня и доктора.

— Это не только для любовников, — произносит доктор — Танго — коллективный танец. Смотри: все танцуют вместе. Они не делают это дома. Они приходят сюда. Почему? Им хочется стать частью коллективного опыта. Представь: ты птичка и смотришь на танцпол с высоты своего полета. Что ты видишь?

Я задумалась. Много лысин и фальшивых блондинок — ответ неправильный.

— Водоворот. Концентрические круги.

Он помедлил:

— Неплохо. Итак, ты видишь космический узор, мандалу.

Вспоминаю подарок Черного Пса. В словаре я прочла, что мандала — это форма, основанная на реальных космических узорах, главный ритуалистический символ буддизма и индуизма, часто используемый при медитации.

— Карл Юнг считал, что мандала представляет бессознательное эго, и использовал такие изображения при работе с пациентами с фрагментацией личности. В снах мандала олицетворяет наш дух, стремящийся к цельности.

Я вглядываюсь в темный танцпол: он похож на чан с темным шоколадом, который медленно помешивается. Как во сне.

— Капка, — склонился Игнасио. — Ты пришла в танго, потому что была здесь иностранкой, так? Неприкаянной душой.

Я киваю.

— Ты думала, что здесь сможешь убежать от этого. Но обнаружила, что и в танго все иммигранты, обитающие на задворках и страстно желающие оказаться в центре.

— В центре чего?

— Водоворота, как ты это окрестила. Или мандалы.

— А что в центре мандалы?

Я понимаю, что сижу, уставившись на него в ожидании ответа.

— Ничего. Мандала не дает простых ответов. Это не похоже на традиционные религии. Поэтому все эти люди танцуют вокруг центра, движутся по направлению к нему, но никогда внутри него. Центр пуст. В центре есть одиночество, отчуждение, отсутствие корней… то, от чего мы бежим.

Меня трясет от озноба.

— Звучит безнадежно.

Он улыбается. Улыбка психоаналитика-юнгианца в три часа утра в темном танцевальном зале — странная штука.

— Нет, не безнадежно. Танцпол — священное место, где может случиться всякое — от тангазма и любви до исцеления, медитации и нирваны. Что же тут безнадежного?

Понемногу успокаиваюсь.

— Нирвана… ее стоит искать.

Он рассеянно кивает и на секунду напоминает сидящего Будду.

Одно не дает мне покоя: центр танго-вселенной *не может* быть пустым. Меня не устраивает подобное объяснение ни от Игнасио, ни от Карла Юнга, ни даже от Будды.

В свой последний день в Буэнос-Айресе я гуляю по залитой солнцем Плаза Доррего.

— А, Кап-ка! — Черный Пес приподнимается на своей подстилке. — Мне снилось, что ты придешь.

— Ты так говорил и в прошлый раз, два года назад.

Мы обнялись. Его загар стал еще темнее, морщины — еще заметнее, украшения — еще более затейливыми. Но улыбка и дреды остались прежними. Он походит на одного из красивых братьев Атауальпы Юпанки.

— Время ничто. Два года назад — все равно что вчера. И десять лет тоже. Десять лет назад ты переходила эту самую площадь. У тебя были длинные-длинные волосы, и ты сама не понимала, чего ищешь.

С удивлением смотрю на него, а он смеется:

— Все правильно! Ты меня тогда не знала, но я видел

девушку, она могла быть родом откуда угодно, и она что-то искала.

Хуан закуривает косяк, я отказываюсь: хватит с меня зависимостей. Ну разве что маленькую затяжку:

— Как ты так… видишь людей?

Он пожимает плечами, щурясь от мягкого солнца поздней осени, бережно сжимает мои ладони. *Otoño porteño.*

— Я старый и больной. Я не понимаю танго и никогда в жизни не танцевал. Но я понимаю твой путь, ибо Черный Пес бредет той же дорогой — дорогой тех, у кого нет корней. Она длинная и тенистая. Но смотри, мы на Плаза Доррего.

На площади начинает звучать танго.

— Индеец, — говорит Черный Пес. — Должно быть, сегодня воскресенье.

Индеец и его компаньоны принимаются расстилать переносной танцпол. Солнце село, люди собираются на милонгу. Длинные волосы индейца собраны на затылке в конский хвост. Он начинает танцевать с какой-то иностранкой в туфлях на каблуках, та улыбается. Я наблюдаю за ним на почтительном расстоянии в течение десяти лет. Постоянно окруженный женщинами, он всегда один.

— Но ты благословенна, *mi amor*, — продолжает Черный Пес. — И я сейчас не с точки зрения религии говорю. Ерунда все это.

— А с точки зрения танго, — говорю я, слегка одурманенная дымом его косяка, а он смеется.

— Именно. Рано или поздно, но для тебя всегда восходит солнце, и ты излучаешь свет.

От смущения хихикаю и закашливаюсь.

— Ты, наверное, потеряла мандалу, которую я тебе подарил? — поглядывает на меня с хитрецой.

Снова удивленно киваю.

— На самом деле нет. Вот она, — Черный Пес рукой волшебника сотворил из проволоки новую. — А что в центре?

— Ничего?

— Как так ничего! — он трясет дредами. — В центре мандалы то, что едва ли кто видел.

— А именно?

— То, что не лжет.

— Да что же это такое?

— Успокойся, детка, — Черный Пес продолжает сдавливать мои ладони своими стальными пальцами. — Боль внизу твоей спины уходит. Меня это радует.

И добавляет:

— Совсем скоро ты найдешь то, что ищешь. Просто нельзя сдаваться.

Двенадцатая минута
Просто танго
Урок: Любовь

Вернувшись в Эдинбург, я не возвращаюсь в Counting House. Мои двенадцать минут на исходе. Слишком много теней по углам и крови на полу — причем не только моей. Слишком много информации об этой деревне и ее жителях, чтобы спокойно пить из местного колодца. Я не могу исправить то, что сделали время и интриги со всеми нами.

Выражаясь языком психологии, мне бы хотелось думать, что мудрость вытеснила мои иллюзии. Но на языке танго мое нежелание вновь прийти на милонгу означает: что-то для меня закончилось. Именно на этой арене. Возможно, исчерпала себя та молодая, гладиаторша, активная девушка с карнавала, готовая всеми силами сражаться за право на веселые дружеские вечеринки. Теперь я хочу мира и стабильности, осязаемых вещей и настоящих друзей.

И все же, и все же… мне любопытно видеть изменения в мире танго с тех пор, как началось мое концентрическое путешествие вокруг танцпола. *Просто* на тот случай, если в будущем у меня появится внезапное желание отправиться потанцевать в другой город или даже страну — свободно и непринужденно.

И вот, вступая в различные интернет-сообщества и группы, я обнаруживаю сайт по поиску партнеров Tango Partner. Как только вижу на их сайте картинку — страстную пару, обнимающуюся на фоне греческой рыбацкой деревушки, — в голове начинают звонить колокольчики, напоминающие о танго-аде.

«Ты любишь танец, близкое объятие, музыкальные истории желания и близости, разговор без слов между тобой и партнером. После короткого знакомства с нашим онлайн-сообществом ты поймешь, как взаимная страсть может расцвести в восхитительный танцевальный роман!»

Спасибо, мне уже *довелось* испытать восхитительный танцевальный роман, и я знаю все о расцветающих страстях и кое-что об увядании. Но все равно любопытство побеждает, и я подписываюсь. В результате можно быть в курсе планов сорока тысяч других танцоров по всему миру и в соответствии с нужным ростом, стилем и уровнем обсессивно-компульсивного расстройства зарезервировать партнера или пятерых для следующего фестиваля, марафона, практиколонги или кемпа. Я никуда не собираюсь и, безусловно, не обсуждаю свои планы с

участниками, просто, оставаясь онлайн, в течение недели получаю виртуальные кабесео от незнакомцев из итальянской Падуи, американского Альбукерке, польского Биелско, Боготы, с острова Лесбос, из Каира… так танцуют танго в начале XXI века.

* * *

Забудьте о тангомании, забудьте о танго-лихорадке. Сейчас международное танго делает все здесь и сейчас, как будто жить всем осталось пару дней. Представьте город — любой город, даже окруженный со всех сторон водой: высока вероятность, что и там танго пустило свои корни в каких-нибудь маленьких теплицах страсти, эго и хиро. Тому подтверждение: Tango Oriental в Маниле, Tango Academy в Гонконге, Tango Association в Тайпее, Tango Down Under в Брисбене, Tango Social Club в Канберре, танго-клубы в Тасмании, на Бали, в Дубае, в Шанхае, в Тбилиси. Приятно узнать, что в Бейруте и Вуппертале проводятся собственные фестивали.

А вот более экстравагантные мероприятия, связанные с танго. Их организуют постоянно и повсюду.

Танго-марафоны

От Болгарии до Базеля, от Прадамано до Любляны через Осло — танго-марафоны отличаются от любых других олимпийских спортивных событий в двух отношениях: постоянный саундтрек и высокие каблуки. Во всем остальном они функционируют по тому же самому принципу: все участвуют в гонке, пока не случится травма, дисквалификация или не закончатся выходные.

Танцевальный марафон выглядит так: танцевальные кроссовки у мужчин, несколько комплектов одежды, полотенца, бутылки с водой, напряженный, сфокусированный взгляд, говорящий: «Не считайте меня легкомысленным, я воспринимаю все очень серьезно, иначе бы сюда не приехал». А еще особое сияние в глазах, по которому профессор психиатрии Игнасио С., должно быть, отличает обычных невротиков от психотиков. Но даже этот ультрамодный феномен берет начало из традиционных обычаев: вспомните длившиеся неделю вечеринки в Парке Патрисиос в 1930-е.

Эпизодические танцевальные акции и танго-флешмобы

Теоретически «спонтанные» танцевальные акции в лучших традициях дадаизма и флешмобы имеют своей целью устроить что-то необычное в общественном месте, смутить, спровоцировать

публику. На практике это группа тангерос с CD-проигрывателем и неистребимой жаждой публичности. Они ломают свои дорогие туфли, выделывая па на тротуаре, в то время как недоумевающие прохожие на них смотрят. И вполне возможно, в такой момент кто-то из зевак «заражается» танцевальным вирусом. А для кого-то начинается история в танго — возможно, для вас.

Танго-империи

Это ансамбли под управлением танцора или группы активистов, которые живут танго и организуют мероприятия. Старейшая и наиболее успешная танго-империя Европы El Corte находится в нидерландском Наймегене. Правит ею Эрик с голливудским лицом, мускулистый, безупречно одетый. Выступает он без постоянной партнерши — отчасти из-за гомосексуальной ориентации (а традиционное танго все-таки гетеросексуальный танец), а отчасти потому, что ему так удобно. В поездках он обучает местных танцовщиц, а дома председательствует в самых популярных европейских танцевальных салонах выходного дня Orange Salon, Summerdaze Salon и Chained Salon (последний так популярен, что во избежание давки туда пускают не больше 250 человек). El Corte предусматривает полный спектр взаимоотношений с аргентинским танго: открыть его для себя и обнаружить, что вы можете танцевать, учиться, смотреть, мечтать, есть, говорить, смеяться, наслаждаться, плакать, познавать, делать, проклинать и жить танго!

Знакомая концепция.

Танго-лагеря

Подобно скаутским и трудовым, лагеря танго располагаются в какой-нибудь удаленной местности: «Крымские каникулы» в Судаке, Tango Mango в Девоне и Tango Taboe, где я и очутилась однажды летом.

Taboe находится в голландском лесу и имеет репутацию самого альтернативного европейского события в танго. Спят здесь в общих комнатах, готовят вместе на большой кухне и просыпаются с рассветом (поправка: *некоторые* из нас) ради целительных упражнений тао, медитации и акро-йоги.

Идеология: «делиться идеями и сердцами» и пребывать в «состоянии удивления». Делать это надо обязательно, поэтому довольно скоро наступает и состояние удивления по поводу того, как можно выжить неделю, танцуя под какую угодно музыку, *кроме* танго. Этот новый тренд, известный как *«танго без танго»*, служит неопровержимым доказательством того, что не нужно

искать альтернативу тому, что и так подобно мечте.

Другие мероприятия — групповая терапия, занятия танго в водах местного озера и вечера, заканчивающиеся звяканьем цимбал для трансцендентальной медитации. Мы чуть не согласились на предложение немецкого танцора исполнить «танго-амебу».

(*Пауза.* Танго-амеба — детище немецких тангерос, представляющее по сути групповое объятие в конце длинной ночи, когда вы, пренебрегая своим партнером и голосом рассудка, все вместе, одурманенные, вибрируете в общем амебном любовном экстазе.)

Днем мы собираемся в танцевальном зале и разбиваемся на группы по гендерному признаку. Мужчины изображают «танец слона», а женщины — «танец бабочки». Если вы не в силах представить эту картину, считайте, вам повезло.

В Taboe представление о танго туманное, как секс или погода, и не имеет отношения к культуре или чувствам. Что вы делаете, не имеет значения, так как это ваше самовыражение. Но проблема в том, что вы занимаетесь этим в организованной, улыбчивой, бесполой голландской манере. Назовите меня пуристом, традиционалистом, даже динозавром — но, *дорогие друзья танго*, это все не танго, по крайней мере для меня.

В итоге, хотя и слишком поздно, мне становится понятно: танго-кемпы, подобные Taboe, обладают всеми приметами культа: удаленное местоположение, изоляция от нормального общества, песнопения, обязательные ритуалы и использование слабых. Все здесь чрезвычайно мило, но, по сути, половина участников озабочена личными проблемами. «Отсидев полсрока», я попыталась сбежать через лес, но заблудилась и, тяжело дыша, вернулась в лагерь, исцарапанная в зарослях ежевики.

За эту неделю моей жизни в танго я обнаружила и границы собственной личности, и естественные границы танго. Урок: не давайте им пересекаться, иначе это будет насилие и над собой, и над танцем.

Танго-фестивали

Мы (как и все «одержимые» танго) уже сталкивались с танго-фестивалями. Их много, и в попытке быть оригинальными и отличаться от конкурентов их организаторы дают названия, которые все больше напоминают экспресс-курсы иностранных языков для тех, кто слишком занят танцами, чтобы изучать язык должным образом: Danubiando в Будапеште, Tango High в Бердине, Chocotango в Перуджи, Tangotoño в Инсбруке, Tangosutra в Вашингтоне, Planetango в Москве, Day and Night Ritual в

Стамбуле (аналогичный, но не идентичный фестивалю TangoLoong, проводимому в том же городе), TexelTango на голландском острове Тексель, Wintertango в Норвегии, Invasion Tango в Галвее и Tangoxposed в Денпасаре.

Однажды в конце лета я оказываюсь на гей-курорте испанской Коста-Бравы. Ситжес — колыбель фестиваля Sitges International Tango и его злейшего противника — Tango Sitges. Здесь я ради первого: старейшего, крупнейшего и самого гламурного фестиваля Европы. Он настолько известен, что сотни людей, которые не смогли купить вовремя билеты, вынужденно проводят альтернативную милонгу на пляже, где на рассвете пьяные геи в стрингах творят непристойности.

У меня две пары туфель и смутное ощущение, что скоро чему-то наступит конец. Селюсь в отеле Romantica и через час обнаруживаю еще одного эдинбургского танцора, что неудивительно: за десять лет танца знакомишься со множеством людей. Слава богу, им оказался Эл, мой приятель-юрист, приехавший сюда залечивать сердечные раны после недавнего разрыва с девушкой.

В первую ночь я приметила еще пару знакомых лиц — один из них Свен, парень из Осло, с которым я не танцевала в Шотландии. Он тонет в объятиях женщины в полупрозрачном платье с цветочным узором.

За преподавательским столиком вижу Чичо, еще более массивного и угрюмого, чем прежде, а с ним изящная партнерша Хуана — но погодите, сарафанное радио донесло, что теперь они пара *только* на танцполе, а его девушка — вроде столь же изящная Марина, бывшая подруга другого приехавшего сюда маэстро Себастьяна с конкистадорской эспаньолкой и в серебряном гангстерском пиджаке. Можно, конечно, не верить слухам (хотя жизнь часто их подтверждает), но в то же время трудно игнорировать факт, что Себастьян держится очень интимно с этой хорошенькой москвичкой.

— Вращающиеся двери танго, — говорю стоящему рядом Элу, парню болезненного вида, пьющему коктейль под названием «Одержимость».

— Именно. Не успеешь сказать «очо кортадо», пара уже разошлась. *Салют*! — он поднимает свой стакан. — За день, когда она меня полюбит.

Он теряется в толпе, собравшейся полюбоваться выступлением Себастьяна и Марины под излюбленную ими La Melodia del corazón («Мелодию сердца»): хотя они уже не вместе, но по-прежнему преподают и выступают вдвоем и, подобно Чичо и Хуане, стали брендом и источником существования друг для

друга. Изысканная красота их искусства в сочетании с прагматизмом их бизнес-схемы наполняют меня невыносимой грустью.

Похоже, *их* устраивают эти «крутящиеся двери», но *меня* нет. Даже после всего, что произошло, я остаюсь безнадежным идеалистом. Этот мир прошлых отношений и одноразовой любви и движение под звуки «Мелодии сердца» все меньше кажутся мне волшебными и все больше напоминают деловые операции под музыкальное сопровождение.

И вот я стою в платье с голой спиной, на девятисантиметровых каблуках у края гигантского танцпола в Jardin de Prado, в тени деревьев и окружении шести сотен тангерос из Европы, Азии, Австралии, Гавайев, обеих Америк и Израиля, и наблюдаю. Двадцать пять русских девушек с кошачьими телами и в юбках с узорами. Тридцать женщин из Румынии и Болгарии, словно ожившие картины Модильяни. На плече одной вижу татуировку: ТАНГО. Другая сверкнула нарисованным на икре «чулочным» швом.

Я танцую с сицилийцами. В их красоте чудится что-то опасное. Выразительные глаза, напомаженные волосы, страстные волькады.

Я танцую (хотя, увы, не одновременно) с тремя мужчинами из Порто. Они настолько привлекательны, учтивы и образованны, что начинаешь подозревать тайный умысел.

В течение пяти бессонных ночей красивые люди гарцуют, словно чистопородные скакуны. Они потряхивают бахромой, демонстрируют ягодицы под шелками, выставляют напоказ мускулистые икры и стройные бедра, благородные профили, глаза с длинными ресницами, свои дипломы, знание иностранных языков, экзотические акценты, неврозы и сложности личных отношений. Всеми доступными способами они предъявляют свою родословную для пристального изучения соперниками.

Это элита танцевального мира. На этой ярмарке тщеславия легко поддаться духу показухи и соперничества. Каждый стремится к звездам над Коста-Бравой, не в силах отказаться от мечты, какой бы они ни была.

Но одно несомненно: все мы — любители и профессионалы, умеренные и одержимые, тангоголики и новички, музыканты и диджеи, позеры и организаторы, франтоватые и скромники, помешанные и проклятые, — все мы *что-то чувствуем*, двигаясь под музыку, хотя только Бог знает, что именно ощущает каждый. Нас можно обвинить во всех танго-грехах — но только *не в отсутствии* чувств.

Любовь приходит и уходит. Сердца разбиваются и

исцеляются. Рождаются дети, умирают иллюзии. Правительства приходят к власти и свергаются. Вы переезжаете из одной страны в другую. Друзья женятся и разводятся. Сменяются времена года. Случаются неприятности. Солнце встает. *Verano porteño*. Но настоящие тангерос — те, кто, несмотря ни на что, радуясь и плача, в здравии и болезни, суровой зимой и светлой весной, не отказываются от мечты. Даже если не очень хорошо танцуют. Даже если все происходит лишь в их головах.

Теперь я понимаю, что значит быть здесь и танцевать. Даже если мужчина, которого вы любили до беспамятства, обжимает какую-то толстую коротышку, или женщина, которую вы обожали, целуется с каким-то старым хрычом в нелепых брюках. Быть здесь и танцевать — последняя жертва на алтаре танго. Быть здесь и танцевать — одновременно боль и исцеление, это и есть суть танго.

Этим вечером, наблюдая за меняющимися парами, я окончательно понимаю свою танго-историю. Я пришла в танго, мечтая обо всем, и оно дало мне все. Я не «встретила кого-то», не влюбилась, не вышла замуж, не родила детей и не устроила свою жизнь, в общем, не стала «нормальной». Но ведь мне и не нужно было этого. Мне было нужно, чтобы танго сулило мне все это каждый раз, когда слышу музыку и делаю первый шаг с мужчиной — любым мужчиной. Я хотела сохранять желание испытывать то, что можно почувствовать за двенадцать минут, но чем нельзя владеть, ибо это не принадлежит никому из нас. Я хотела расставаться под конец вечера, чтобы мечта могла продолжаться. Я хотела мечтать снова и снова и не хотела никакой реальности. Потому что помните мою идею: *«Какой смысл в жизни, если не делаешь ничего интересного?»* В танго я нашла как раз то, что искала.

Дорогие друзья по танго, знайте: танго — не товар. Оно не покупается. Оно не может спасти нас от самих себя и реальности. Мне понадобилось десять лет, чтобы понять: танго — *просто* танец. Но зато какой!

— Потанцуем?

Это Свен из Осло. Из моей последней ночи в Эдинбурге. Он не забыл о своем приглашении.

Лучший оркестр танго в мире — Color Tango — исполняет Just a Tango» («Просто танго»). Моя голова на уровне его груди, музыка захватывает нас целиком, и я закрываю глаза. Свен делает маленькие шаги и каждой своей клеткой чувствует музыку и меня. Его прикосновения к моей спине вызывают у меня

ощущение крыльев. Время остановилось.

Невозможно описать, что происходит, скажу только, что ради подобных впечатлений люди принимают наркотики, присоединяются к сектам, впадают в транс и разговаривают на неведомых языках. Фрейдисты, юнгианцы и лаканианцы могли бы подтвердить, что именно это я и вытворяю в танго. Но мне не до них, ведь, зажатая другими парами, я одновременно нахожусь в объятиях Свена и парю над танцполом. Мы движемся в пространстве между Богом и небытием.

Мне внезапно вспоминается история Борхеса «Алеф», где циничный рассказчик обнаруживает под старой лестницей точку пространства, куда сходятся все остальные точки, и плачет от изумления. Вспоминается потому, что с поразительной ясностью, будто приподняли вуаль, вижу что-то магическое и ужасное. Вижу большой взрыв танго в центре мандалы.

Вижу танго целиком: все пары от самого начала до нынешнего момента — всех, кого знала, и тысячи незнакомцев, живших, любивших, пивших и умиравших с танго. Они танцуют в концентрических кругах вместе со мной и Свеном, и я оплакиваю наши расставания, крушение времени и новые надежды. Я вижу сад любви, который одновременно служит кладбищем. Вижу аккуратно накрашенные лица женщин и их тающий макияж под конец ночи, вижу тени будущей старости на моем лице. Слышу, как, подобно грудным клеткам курящих мужчин, растягиваются и сжимаются бандонеоны, и вижу Джошуа в его саду и Терри с гитарой. Вижу танцпол — пустой днем и заполненный парами ночью. Вижу зеленые улицы Буэнос-Айреса и всех исчезнувших молодых аргентинцев — жалкие призраки под дождем. Вижу, как в водах Рио-де-ла-Платы всплывают беззвучная музыка и грязные секреты. Вижу морозные ночи в полнолуние; чувствую душные объятия спящих любовников, чьи скелеты продолжают обниматься. Вижу Джованну с младенцем, она держит за руки родителей и какую-то пару, танцующую в выложенном плиткой дворике в Сан-Тельмо. Вижу Джейсона с выцветшей татуировкой и моего друга Шона, покидающего милонгу в своем черном пальто и с одурманенными алкоголем глазами. Вижу мою молодую бабушку — она курит сигарету и слушает по радио «Кумпарситу»; и тут же — неизвестную чернокожую женщину, которая ждет кого-то на аллее в Монтевидео. Вижу Оса в его неизменных диджейских наушниках и всех женщин, ждущих на окраине милонг, городов, обломках руин, и знаю все об их танцевальных туфлях, пудрах, надеждах. Я — это они, и одновременно мужчины, мечтающие о вещах и женщинах, которые им недоступны.

Я вижу былое и грядущее. Сегодня я — это все, с их сердечными ритмами и ранами, кровью и дыханием, сегодняшними надеждами и завтрашней кончиной. Я обнимаю всех, и все обнимают меня. *Все вместе мы и есть танго.*

В конце наших двенадцати минут (или это двенадцать танд?) я смотрю на Свена. Он выглядит под стать тому, что чувствую я.

Как и я, он знает, что эти ощущения больше — бесконечно больше, — чем любой из нас вообще мог надеяться «получить» от танго.

— Спасибо, — говорит он.

— Спасибо, — говорю я.

И мы расходимся по разным углам зала, как незнакомцы.

Кортина

Итак, почему вы танцуете танго?

Капка Кассабова: Вы меня спрашиваете?

Да, тебя. Я больше никого здесь не вижу.

Афтелонга

Что происходит с теми, чье сердце поражено танго?

Джейсон живет в Австралии и время от времени танцует. Мы иногда обмениваемся новостями.

Сильвестр продолжает репетировать один в пригородной студии. Мы танцуем вместе каждый раз, когда я возвращаюсь в город.

Терри написал мне грустное бессвязное письмо спустя два года после расставания. Он произвел на меня впечатление сломленного человека.

С Джошуа мы никогда больше не танцевали вместе, но мне хочется верить, что они с Глэдис нашли нечто большее, чем танцпол.

Джеймс по-прежнему пьет вино по вечерам в среду. Ануш, Джефф и кафе Limon живут и здравствуют молитвами Мурата.

Ос по-прежнему заправляет делами в своем Lo de Os в Буэнос-Айресе.

Рози теперь танцует меньше — по соображениям эмоциональной гигиены, сходным с моими собственными.

Шон неизменно остается поэтом и философом, а следовательно, дорогим другом.

А я? Когда я вернулась из Ситжеса, мне больше не требовалось физически населять мир танго, потому что танго поселилось внутри меня. Его музыка и поэзия бегут по моим венам. Его тень стала моей собственной и следует за мной повсюду.

Я купила машину и каждый уик-энд уезжала из города. Здесь, на Шотландской низменности, нет воспоминаний и ничто не заслоняет горизонт.

Однажды вечером я без особой причины (разве что желая увидеть северную летнюю ночь) выехала за город и остановила машину у обочины, чтобы пособирать ягоды. Рядом остановился лендровер, из которого вышел шотландский горец. Не спрашивайте, почему я решила, что он житель Хайленда, Северного нагорья, просто знала — и все. Замшевые ботинки и порванные джинсы, пепельные волосы спадали на суровое обветренное лицо, пластика мушкетера, нет, сразу трех мушкетеров.

— Привет, — смущенно поприветствовал он меня. — Сломались?

— Нет, — я сняла наушники. — Ягоды собираю.

Мое сердце замерло, почудилось, будто я видела его раньше, хотя это было не так.

— А, я так и подумал. Но хотел проверить, вдруг леди застряла на дороге и некому помочь. — Он держал огромные руки в карманах джинсов и выглядел озадаченным.

— А что вы слушаете? — спросил он, и я увидела, какие у него поразительно голубые, как горные озера, глаза.

— Пьяццоллу, — ответила я почему-то извиняющимся тоном. — Танго.

— О, вы танцуете танго!

— Да…

— А-а-а, — вздохнул он, — а у меня обе ноги левые.

Его признание прозвучало, как песня. Мы посмотрели на наши пыльные туфли. Молочное ночное небо быстро шагало к будущему утру. Над холмами повисла бледная радуга.

— Посмотрите, — сказала я, — ее второго края не видно.

— Ночные радуги всегда такие, — ответил мужчина своим мелодичным голосом.

— Что такое ночная радуга?

— Ну, само собой, лунная радуга.

Я не могла не улыбнуться во весь рот. С пассажирского сиденья высунул морду потрепанный спаниель.

— Это Пиплоу, мой пес. Как Сэмюэль Пиплоу, художник. Она девочка, но ей подходит это имя.

Горец оказался арт-дилером.

— Мне пора, будете в Хайленде, приезжайте посмотреть мою галерею. Не так гламурно, как танго, но кто знает — может, и понравится.

— Обязательно! — едва не сдержалась я, чтобы не закричать.

Он вернулся к машине и кивнул с улыбкой, похожей на восход солнца. Забравшись в свой автомобиль и взглянув на себя в зеркало, я увидела, что мои губы и зубы фиолетовые от ягод.

Мне понадобилось шесть месяцев и мужество, чтобы отправиться в его перестроенную из церкви галерею, расположенную посередине загадочного неземного Северо-Шотландского нагорья. Свет проникал внутрь из витражных окон и озарял картины.

Он поставил музыку. Это было «Воскрешение Ангела» Пьяццоллы. Он специально поинтересовался!

— Рада, что не «Смерть ангела».

— Слушал Пьяццоллу шесть месяцев, — он ухмыльнулся и протянул мне руки: боже правый, здесь, на краю Европы и моего долгого пути, я узнала, что идеальные объятия существуют и вне танго.

— Только, пожалуйста, не заставляй меня учиться танцевать.

— Надеюсь, ты никогда не будешь, — и я нисколько не лукавила.

Но, дорогие *друзья по танго*, как принято говорить: это «уже другая история».

Благодарности

За танцы, за дружбу без границ, за любовь без злобы, за беседы, за книги, за уроки человечности хочу сказать спасибо все вам: Джон Кранн, Иан Шоу, Освальдо Миранда, Карлос Риварола, Карлос Лопез Ларрокет, Эндрю Грехем-Йолла, Лео Гертнер, Престон Хатчер, Мириам Куперман, Карл Робсон, Сесилия Валейрас, Хусито Сиави, Николай Стойков, Фанна Коларова, Андреа Росс, Роберто Рабинович, Аластэр Смит, Катриона Макиннес, Клаудиа Эсслингер, Брайн Моретта, Дани Ианнарелли, Хулио Ривас, Доминика Биджо, Иво и Надя из TanguerIN в Софии, Сильвия и Гонсало из Cafélibro в Кито, Мурат из Limon в Окленде. И Родольфо Динцель.

Неоценимую роль в моей жизни сыграл мой друг и наставник Клайв Джеймс, который своим творчеством дарит мне безграничное вдохновение. Ради одного только знакомства с ним стоило начать танцевать.

Искренняя благодарность и самые нежные чувства моему агенту из Blake Friedmann Изобель Диксон за ее безграничную поддержку и веру.

За потрясающие идеи, вдохновенную редактуру и боевой дух благодарю и снимаю шляпу перед моим экстраординарным редактором Лаурой Барбер. Данной книгой я обязана ей, и на сей раз это не преувеличение.

Я очень благодарна Creative New Zealand за щедрый писательский грант, позволивший мне пожить в Берлине. И хотя мне не удалось завершить работу, запланированную в Парагвае, без года в немецкой столице не было бы берлинской главы этой книги.

Книги, обязательные к прочтению теми, кто любит танго: «Танго: история искусства любви» (Tango: The Art History of Love) Роберта Фарриса Томпсона, «Смысл танго» (The Meaning of Tango) Кристин Деннистон, «История танца» (Historia del baile) Серхио Пуйоля, «Танец танго» (El tango: una danza) Родольфо Динцеля, «Танго-анализ» (Tangoanalisis) Густаво Хуртадо, «Танго: внутри танца» (Tango: una danza interior) Игнасио Лавалля Кобо, «Путешествие к сердцу танго» (Viaje al corazón del tango) Рикардо Остуни, Exilios y tangueces Маргариты Гуэрры, «Танго» (El tango) Горацио Саласа, «Рынок объятий» (El bazar de los abrazos) Сонии Абади, «Дамы и милонгеры танго» (Damas y milongueras del tango) Эстелы дос Сантос, «Борхес и танго» (Borges y el tango) Рикардо Остуни, «Астор» (Astor) Дианы Пьяццоллы. И потрясающие, ставшие классикой мемуары о грязной войне в Аргентине,

написанные Эндрю Грэхемом-Йоллом, — «Государство страха» (A State of Fear).

Все тексты песен, цитируемые здесь, даны в моем переводе, поэтому возможные ошибки также на моей совести. Я использовала фрагменты интервью Карлоса Гавито 2004 года, опубликованное в аргентинском журнале *La Milonga argentina*, выпуск 47, 2010. Лучший сайт для интересующихся — http://todotango.com — стал бесценным источником историй, стихотворных строк, мелодий и замечательной компанией для меня в любое время дня и ночи. Спасибо тем людям в Буэнос-Айресе, которые поддерживают ресурс на благо всем нам.

Т.Д. — спасибо за то, что ты не танцуешь и делаешь это так поистине прекрасно.

notes

Сноски

1

Cortina *(исп.)* — занавес.

2

Прекрасная эпоха, или бель-эпок (фр. Belle Époque), — условное обозначение периода европейской истории между 1890 и 1914 годами. — *Прим. ред.*

3

Местная выпечка, напоминающая французские круассаны. — *Прим. ред.*

4

Один из вариантов перевода названия «Буэнос-Айрес» — чистый воздух. — *Прим. ред.*

5

Нуа́р (фр. film noir — «черный фильм») — направление в американском кинематографе 1940-х — начала 1950-х годов, которое запечатлело атмосферу пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма, характерную для американского общества времен Второй мировой войны и в первые годы холодной войны. — *Прим. ред.*

6

В 1963 году, находясь в Западном Берлине и желая выразить солидарность с его жителями, Джон Кеннеди произнес: Ich bin ein Berliner вместо Ich bin Berliner, тем самым назвав себя не берлинцем, как того желал, а берлинским пончиком — «берлинером». — *Прим. ред.*

7

Компадрито — человек, принадлежащий поколению, чьи деды сражались за независимость Аргентины от Испании. — *Прим. ред.*

8

Zero hour (англ.) — нулевой час, решительный момент. — *Прим. ред.*

9

Образ из романа Германа Гессе «Степной волк», а также название американской рок-группы. — *Прим. ред.*

10

Ка́са-Роса́да (исп. La Casa Rosada, Розовый дом) — официальная резиденция президента Аргентины. — *Прим. ред.*

11

Имеется в виду государственный террор во время правления военной хунты 1976–1983 гг. — *Прим. ред.*

12

Кандомблé (порт. Candomblé) — афро-бразильская религиозная традиция, в основе которой лежит поклонение духам ориша, связанным со стихиями, видами деятельности и духовными аспектами бытия. Широко распространена на территории Бразилии, особенно в регионах с большим числом темнокожего населения. — *Прим. ред.*